

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2007 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

№ 2/2017

Главный редактор

КОЗЛОВА С.В. – доктор экономических наук

Редакционный совет

Гринберг Р.С. – член-корреспондент РАН (председатель), научный руководитель
Института экономики РАН

Архипов А.И. – доктор экономических наук, профессор, главный научный
сотрудник Института экономики РАН

Аносова Л.А. – доктор экономических наук, профессор, начальник
Отдела общественных наук РАН

Глинкина С.П. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Головнин М.Ю. – член-корреспондент РАН, первый заместитель директора
Института экономики РАН

Городецкий А.Е. – доктор экономических наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Караваева И.В. – доктор экономических наук, профессор, зав. кафедрой
экономической теории Института экономики РАН

Рубинштейн А.Я. – доктор философских наук, профессор, руководитель научного
направления Института экономики РАН

Сорокин Д.Е. – член-корреспондент РАН, научный руководитель Финансового
университета при Правительстве РФ

Тихонков К.С. – доктор экономических наук, первый заместитель генерального
директора Международного института исследования риска

Цветков В.А. – член-корреспондент РАН, директор Института проблем рынка РАН,
проректор по научной работе Финансового университета при Правительстве РФ

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт экономики Российской академии наук

МОСКВА

ВЕСТНИК
ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
Научный журнал

№ 2/2017

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
зарегистрирован Федеральной службой по надзору за соблюдением
законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-26786 от 19 января 2007 г.
Индекс журнала в Каталоге агентства «Роспечать» 80713
(для индивидуальных подписчиков)

Редакционная коллегия:

Шацкая И.В., канд. экон. наук (заместитель главного редактора);
Касьяненко Т.М. (ответственный секретарь журнала);
Дерябина М.А., канд. экон. наук;
Лыкова Л.Н., докт. экон. наук;
Грибанова О.М.

Журнал «Вестник Института экономики Российской академии наук»
входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий ВАК,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ISSN – 2073-6487

Адрес редакции: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
Тел.: 8-(499) 724-13-91, e-mail: vestnik-ieran@inbox.ru
www.inecon.org/zhurnaly-uchrezhdenyye-ie-ran/vestnik-instituta-ekonomiki-ran.html

© НП

Редакция журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук», 2017

Компьютерная верстка: Гришина М.Ф.

Подписано в печать 20.03.2017.
Формат 70×100/16. Объем 10 п.л. Тираж 500 экз.
Печать офсетная. Заказ № 1612

Отпечатано с электронной версии заказчика
в типографии ООО «Красногорский полиграфический комбинат»
107140, г. Москва, пер. 1-й Красносельский, д. 3, оф. 17
+7 495 374 98 90; info@krpol.com

СОДЕРЖАНИЕ

Обращение к читателям. Историческое наследие.	7
---	---

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

Музычук В.Ю.

Сохранение культурного наследия в контексте социально-экономического развития России	8
--	---

Соболев Э.Н.

Социальная политика в сфере труда: критерии эффективности и направления модернизации	32
--	----

Бараненкова Т.А.

Старение населения и его социально-экономические последствия	47
--	----

Казенин К.И., Козлов В.А.

Особенности брачно-репродуктивного поведения в Республике Дагестан: их причины и социально-экономические последствия . . .	65
--	----

~~~~~

Алексеева Е.Д., Онопенко Я.А., Филиппов А.П.

К истории Института экономики РАН: советский период (по архивным документам)	82

~~~~~

Розанова Н.М., Парфенов К.В.

Современные программы лояльности: факторы конкурентного успеха, ключевые тенденции и перспективы в России	95
---	----

Каленов О.Е., Кукушкин С.Н.

Инновационное развитие российской промышленности в XXI веке	110
---	-----

Батов Г.Х.

Стратегическое планирование в системе регионального управления	121
--	-----

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

Арбузов С.Г.

Виды территориальных диспропорций, их роль и механизмы влияния на формирование угроз экономической безопасности	130
---	-----

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ И КРЕДИТ

Черных С.И.

Микрофинансовые организации в отечественной финансово-кредитной системе: проблемы роста. 139

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ершов П.А.

Импортозамещение и политика импортозамещения: теоретический подход к определению понятий 147

Туманов А.Ю.

Особенности системы управления непрерывностью бизнеса в период пятого технологического уклада 158

Коржан О.Ю.

Стратегическое целеполагание организации: теоретические подходы и практические проблемы 168

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Соболева И.В., Федорова М.Н.

Инновации и человек в векторе развития российской социально-экономической Системы (по материалам «круглого стола в Институте экономике РАН) 176

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

Алтухов А.И.

О ключевых основах извечного в России «аграрного вопроса» 188

Шеховцева Л.С.

Экономическая синергетика как новая парадигма стратегического развития 192

CONTENTS

Appeal to the readers. Historical heritage	7
--	---

ECONOMICS AND MANAGEMENT

Muzychuk V.Yu.

Preservation of cultural heritage in the context of socio – economic development of Russia.	8
--	---

Sobolev E.N.

Social policy in the sphere of labour: criteria of effectiveness and directions of modernization	32
--	----

Baranenkova T.A.

Population ageing and its socio-economic impact	47
---	----

Kazenin K.I., Kozlov V.A.

The main characteristics of matrimonial and reproductive behavior in Dagestan: reasons and social economic consequences.	65
---	----

~~~~~

Alekseeva E. D., Onopenko Ya. A., Filippov A.P.

The history of Institute of economics: the soviet period (according to the archival documents)	82

~~~~~

Rozanova N.M., Parfenov K.V.

Modern loyalty programmes: competitive factors, key trends and Russian prospects	95
--	----

Kalenov O. E. Kukushkin S. N.

Innovative development of Russian industry in the XXI century.	110
---	-----

Batov G.H.

Strategic planning in the regional management system.	121
--	-----

WORLD ECONOMY

Arbuzov S. G.

Types of regional imbalances, its role and mechanisms of impact on the formation of economic security risks.	130
---	-----

FINANCE, MONETARY CIRCULATION AND CREDIT

Chernych S.In.

Microfinance institutions in domestic financial-credit system:
problems of development 139

PUBLICATIONS OF YOUNG SCIENTISTS

Ershov P.A.

Import substitution and import replacement policy:
a theoretical approach to the definition of these concepts 147

Tumanov A.Yu.

Features of the control system business continuity during
the period of the fifth technological structure 158

Korzhan O.Yu.

Organisation's strategic targeting: theoretical approaches
and practical tasks 168

THE SCIENTIFIC LIFE

Soboleva I.V., Fedorova M.N.

Innovation and people in vector development the Russian
socio-economic System (materials of the round table at the Institute
of Economics RAN) 176

ON THE BOOKSHELF

Altukhov A.I.

About the key foundations of the eternal Russia "the agrarian
question" 188

Shekhovtseva L.S.

Economic synergetics as a new paradigm for strategic development ... 192

Историческое наследие

*Дорогие читатели журнала
«Вестник Института экономики Российской академии наук»!*

Хочется обратить Ваше внимание на статью, опубликованную во втором номере журнала и посвященную истории Института экономики РАН, которая подготовлена на основе недавно открытых архивных документов. В данной работе представлены материалы, касающиеся деятельности Института с 1930 по 1987 гг.

Удивительно, с какой невероятной периодичностью подвергалась проверке научная деятельность Института со стороны высшего партийного руководства ВКП(б) – КПСС и выносились вердикты о несоответствии полученных научных результатов «задачам коммунистического строительства».

Несмотря на частые идеологические проработки, 87-летняя история Института экономики РАН свидетельствует о превалировании в его деятельности принципов фундаментальной науки над политической конъюнктурой. Следует подчеркнуть, что Институт экономики РАН так и не стал «идеологическим рупором партии и правительства на экономическом фронте» и продолжает следовать этим принципам в настоящее время.

Смеем надеяться, что славная история Института экономики РАН на этом не прервется, и научные труды его коллектива будут востребованы в созидательном процессе достижения Россией устойчивого экономического роста и качественного совершенствования системы общественного устройства в целом.

*Заместитель директора
Института экономики РАН
по научной работе
Валентина Юрьевна Музычук*

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ

В.Ю. МУЗЫЧУК
доктор экономических наук,
заместитель директора Института экономики РАН по научной работе

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РОССИИ

Основная идея статьи заключается в том, что сохранение культурного наследия «имеет значение» не только с точки зрения его культурно-исторической ценности, но и вправе рассматриваться в качестве значимого ресурса для социально-экономического развития территорий, богатых памятниками истории и культуры, и, без преувеличения, для возрождения отдельных регионов России. Речь идет о стратегической роли культурного наследия в социально-экономическом развитии России в целом. Объекты культурно-исторической недвижимости могут стать драйвером регионального развития, своего рода «градообразующим предприятием» или культурным кластером для целого ряда территорий, имеющих, но не использующих в полной мере богатейший потенциал культурного наследия.

Ключевые слова: экономика культуры, культурное наследие, региональное развитие, культурный кластер, финансирование культуры, культурная политика.

JEL: Z11.

Проблема сохранения культурного наследия уходит своими корнями в далекое прошлое человечества. Так, согласно преданию, Александр Македонский, завоевав Вавилон в 331 г. до н.э., приказал своим воинам заняться ремонтно-восстановительными работами на Вавилонской башне, которая к тому времени, т.е. почти за 300 лет своего существования, изрядно обветшала [17]. Одним из первых документов о сохранении культурного наследия в европейской истории по праву считается эдикт римского императора Майориана «Об общественных зданиях» от 11 июля 458 г., в котором, в частности, говорится: «Поэтому мы устанавливаем как общий закон, что все те здания, которые были воздвигнуты в древности для общей пользы и украшения города, будут ли то храмы или иные памятники, не должны быть никем разоряемы, и к ним никто не должен прика-

саться» [19]. Интерес к античному наследию в эпоху Ренессанса во многом возрос благодаря личной заинтересованности представителей папского престола (в частности, папы Юлия II, известного покровителя искусств и мецената).

В России выявление памятников, постановка на учет и их сохранение впервые получили признание на государственном уровне при Петре I, в правление Екатерины II государственная активность в сфере сохранения культурного наследия заметно увеличилась. Новая история России также продемонстрировала заинтересованность власти в сохранении культурного наследия: сразу же после Октябрьской революции в ноябре 1917 г. Петроградский совет рабочих и крестьянских депутатов принял «Воззвание о необходимости сохранения культурного наследия», а 12 апреля 1918 г. был издан Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «О памятниках Республики».

В настоящее время значение культурного наследия сводится не только к удовлетворению культурных и эстетических потребностей общества, стремлению сохранить культурные ценности для будущих поколений, а трактуется более широко: как стратегический ресурс социально-экономического развития, важная составляющая улучшения качества жизни человека и системы общественного устройства в целом. С точки зрения экономики сохранение культурного наследия традиционно трактовалось в терминах обременения государственного бюджета. Однако сейчас в развитых странах эта сфера рассматривается как «инновационный стимул для обеспечения экономического роста и занятости в разного рода традиционных и новых индустриях» [9, р. 5].

Не меньшая роль отводится культурному наследию как фактору национальной идентичности, укрепления социальной сплоченности, активизации гражданского самосознания, формирования чувства сопричастности территории (*sense of place*). В этой связи культурное наследие выступает драйвером системы местного самоуправления и территориального развития.

Согласно рамочной Конвенции Совета Европы о значении культурного наследия для общества (*Council of Europe Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society*) (Фаро, Португалия, 27 октября 2005 г.) (далее по тексту – Конвенция Фаро), под культурным наследием понимается «совокупность ресурсов, унаследованных из прошлого, которые люди считают, независимо от своей принадлежности, отражением и выражением своих постоянно эволюционирующих ценностей, убеждений, знаний и традиций. Оно включает все аспекты окружающей среды, которая возникла посредством взаимодействия между людьми и пространством с течением времени» [5, Art. 3].

Следует отметить, что экономика культурного наследия оперирует только материальными объектами культурного наследия, оставляя за рамками своего рассмотрения нематериальное культурное наследие (язык, традиции, нормы, обряды, верования и проч.). В контексте экономики культурного наследия к нему относятся «здания, сооружения и памятники, унаследованные из прошлого, с культурным или историческим значением, оправдывающим их сохранение для будущих поколений» [3, р. 255].

Теоретический ландшафт экономики культурного наследия

Экономика культурного наследия (*economics of cultural heritage*) как отдельное направление экономики культуры (*cultural economics*) оформилась в ранг самостоятельной экономической дисциплины в 70-е годы прошлого века, спустя почти десятилетие после возникновения собственно самой экономики культуры. Одним из родоначальников данного направления исследований по праву считается британский экономист сэръ Алан Пикок (*A. Peacock*). Оказавшись в 70-е годы прошлого века по долгу службы в Италии, он был удручен плачевным состоянием различных памятников истории и культуры во многих итальянских городах. Этот факт и послужил отправной точкой для обращения внимания исследователя к данной проблематике.

За почти 40-летнюю историю существования экономики культурного наследия было опубликовано большое количество работ по результатам теоретических и прикладных научных исследований, посвященных экономическим аспектам сохранения культурного наследия. Известные специалисты по экономике культуры неоднократно обращались в своих исследованиях к тематике сохранения культурного наследия, среди которых Д. Тросби (*D. Throsby*), А. Пикок (*A. Peacock*), В. Гинзбург (*V. Gingburgh*), Б. Фрей (*B. Frey*), У. Баумоль (*W. Baumol*), М. Шустер (*M. Schuster*) и др. Также следует выделить работы А. Клэмера (*A. Klamer*), Д. Сноуболл (*J. Snowball*), И. Риццо (*I. Rizzo*), Б. Симена (*B. Seaman*), А. Мигнозы (*A. Mignozza*), Ф. Бенаму (*F. Benhamou*) и др.

Следует отметить консалтинговую деятельность Донована Рипкемы (*D. Rypkema*), который, не являясь академическим ученым, считается одним из крупнейших специалистов по экономическим проблемам сохранения культурного наследия. В России по инициативе Национального центра опеки наследия в 2006 г. впервые на русском языке была опубликована его книга «Экономика исторического наследия. Практическое пособие для руководителей».

Среди исследовательских проектов различных международных организаций, освещающих экономические аспекты сохранения куль-

турного наследия, следует отметить: доклад Института Гетти «Экономика и сохранение наследия» (*Economics and Heritage Conservation*) (1999); доклад Института Гетти «Оценка стоимости культурного наследия» (*Assessing the Values of Cultural Heritage*) (2002); доклад Совета Европы «Наследие и за его пределами» (*Heritage and beyond*) (2009); доклад Всемирного банка «Экономика уникальности. Инвестиции в историческое ядро городов и культурное наследие как активы для устойчивого развития» (*The Economics of Uniqueness. Investing in Historic City Cores and Cultural Heritage Assets for Sustainable Development*) (2012); доклад Евросоюза «Культурное наследие на службе у Европы» (*Getting Cultural Heritage to work for Europe*) (2015); совместный доклад, подготовленный консорциумом из 6-ти консалтинговых организаций, специализирующихся на прикладных исследованиях в области экономики культуры, при поддержке Европейской Комиссии «Культурное наследие на счету у Европы» (*Cultural Heritage Counts for Europe*) (2005) и др.

Немалый опыт исследований искусствоведческой, историко-архитектурной направленности, посвященных различным аспектам выявления, сохранения, реставрации объектов культурного наследия, накоплен в России. Однако исследования в области экономики культурного наследия не получили широкого распространения. Отдельным экономическим аспектам сохранения культурного наследия посвящены работы Ю.А. Веденина, П.М. Шульгина, А.А. Высоковского, Е.А. Хауниной [32], а также автора настоящей статьи [21], [22], [23]. Следует также отметить и попытки оценки культурного наследия с помощью методов экономического анализа [18].

В 2015 г. были проведены два круглых стола по экономике культурного наследия, организованных ФГБУК АУИПИК Минкультуры России совместно с Государственным институтом искусствознания и Институтом экономики РАН: (1) «Сохранение через адаптацию. Экономика недвижимого культурного наследия» в рамках Форум-диалога Агентства по управлению и использованию памятников истории и культуры (ФГБУК АУИПИК) «Совершенствование системы сохранения, приспособления и адаптации объектов культурного наследия», г. Москва, 12–15 октября 2015 г. ; (2) «Экономика культурного наследия: сохранение через развитие» в рамках IV Санкт-Петербургского международного культурного форума, г. Санкт-Петербург, 14–16 декабря 2015 г. В 2016 г. в Государственном институте искусствознания был проведен круглый стол «Экономический потенциал культурного наследия», приуроченный к ежегодной церемонии вручения международной общественной Премии имени Алексея Комеча «За общественно значимую гражданскую позицию в деле защиты и сохранения культурного наследия России», г. Москва, 13 апреля 2016 г.

Парадокс культурного наследия выражается в ярко выраженном противоречии между его высокой социальной значимостью сохранения, с одной стороны, и недостатком общественных финансов, направляемых в эту сферу, с другой стороны. Известный британский экономист Алан Пикок в своей статье 1978 г. «Сохранение прошлого: международная экономическая дилемма» (*Preserving the Past: an International Economic Dilemma*) сформулировал этот феномен в терминах экономической теории: «коллективный интерес в сохранении какого-либо блага, которое имеет определенную полезность, может генерировать общественный спрос на то, чтобы государство «делало что-то», но отнюдь не достаточные стимулы у тех, кто гарантирует принятие соответствующих государственных мер» [14, р. 1–2].

В этой связи возникают две принципиально важные проблемы экономики культурного наследия: (1) обоснование общественной поддержки необходимости его сохранения, включая проведение ремонтно-реставрационных работ; (2) введение объектов культурного наследия в рыночный оборот, т.е. приспособление памятников для коммерческого использования в современных условиях хозяйствования, при наличии такой возможности. Первая проблема посвящена преимущественно теоретическим аспектам экономики культурного наследия, в то время как вторая носит более практико-ориентированный характер.

Выработка грамотных управленческих решений в области сохранения культурного наследия возможна только на основе междисциплинарного подхода и комплексной оценки вклада культурного наследия в устойчивое социально-экономическое развитие.

В соответствии с традиционной экономической теорией потребитель является «единственным судьей, выносящим вердикт в отношении значимости той или иной хозяйственной деятельности» [13, р. 195]. С точки зрения экономического поведения, построенного на индивидуальной полезности, «культурное наследие – неосознаваемая составляющая увеличения полезности потребителя, благодаря которой исторические здания и артефакты являются объектами потребления» [13, р. 7]. По мере развития экономической теории концепция А. Пикко утратила свое первоначальное значение. На первый план вышли теории, «узаконивающие» общественный интерес, в соответствии с которым государство-меценат трансформируется в государство-инвестора, осуществляющего финансирование сохранения культурного наследия.

За почти полувековую историю экономики культуры появился ряд концепций, обосновывающих государственную поддержку культуры: (1) концепция провалов рынка; (2) «болезнь цен» Баумоля; (3) теория мериторных благ; (4) теория опекаемых благ.

1. Необходимость исправления провалов рынка¹ является основным лейтмотивом теоретического обоснования государственной поддержки в сфере сохранения культурного наследия. Обычно выделяют три стандартных случая: (1) общественные блага; (2) внешние эффекты (экстерналии); (3) информационная асимметрия.

Культурное наследие *per se* относится к категории *общественных благ*, потребление которых носит коллективный характер и отвечает двум свойствам: неисключаемости и несоперничества в потреблении. Неисключаемость предполагает, что никого нельзя исключить из потребления данного блага. Несоперничество в потреблении означает, что данное благо одновременно доступно многим потребителям. Применительно к культурному наследию речь идет о том, что любой человек вправе наслаждаться красотой памятников, не ущемляя возможности удовлетворения аналогичных потребностей другими людьми².

Следующий случай с обоснованием вмешательства государства в сохранение культурного наследия обусловлен *экстерналиями* (или *внешними эффектами*), которые воздействуют на третьих лиц, не участвующих в самой рыночной трансакции. Характер такого воздействия может быть как позитивным, так и негативным. Например, в программе сохранения исторической застройки городов напрямую заинтересованы владельцы недвижимости. Они осуществляют ремонтно-реставрационные работы, взамен получая от государства возможность компенсировать часть своих расходов в виде разного рода налоговых льгот. Однако выиграет от улучшения внешнего облика городов общество в целом, несмотря на то что напрямую оно не участвует в данном процессе.

Наконец, третий случай государственного вмешательства в сферу сохранения культурного наследия связан с информационной асимметрией. В обстоятельствах, когда отдельный человек существенно меньше информирован о реальной культурной ценности того или иного объекта культурного наследия, потребительский спрос (желание увидеть, посетить исторические места, культурный туризм и

¹ Под провалами рынка принято понимать такие ситуации, при которых рыночный механизм не в состоянии обеспечить рациональное распределение и использование ресурсов. Государственное вмешательство в экономику оправдывается необходимостью исправления провалов рынка.

² Прогулка по Дубровнику является примером отнесения культурного наследия к категории общественных благ. Но только до определенного момента: как только турист захочет осмотреть средневековый город с высоты городских стен, окружающих его, осмотр достопримечательностей перестает быть общественным благом. Покупка билета для прохода на городскую стену аннулирует свойства неисключаемости и несоперничества в потреблении, превращая знакомство с культурным наследием в частное (делимое) благо.

проч.) оказывается на более низком уровне, чем это могло бы быть при более полном информировании. «Необразованные не видят всех выгод образования». С учетом сказанного становится очевидным, что культурное наследие, несущее в себе отпечаток информационной асимметрии, требует адекватных действий со стороны государства.

2. «Болезнь цен» Баумоля объясняет дефицит общественных финансов в отношении сохранения культурного наследия. Проанализировав в 60-е годы прошлого века колоссальный объем финансовой отчетности организаций исполнительских искусств в США и Великобритании на протяжении нескольких десятилетий, американские экономисты У. Баумоль и У. Боуэн пришли к выводу, что организации исполнительских искусств функционируют в условиях постоянной финансовой нагрузки – их расходы почти всегда превышают заработанные ими доходы [2]. Это обусловлено тем, что *в исполнительских искусствах издержки производства растут быстрее, чем цены на конечный продукт*. Впоследствии эта выявленная закономерность получила название эффекта Баумоля, или «болезни цен» (*Baumol's Cost Disease*).

По аналогии с исполнительскими искусствами финансовые проблемы сохранения культурного наследия обусловлены существованием разновидности «болезни цен» Баумоля в этой сфере, что выражается в высоких издержках проведения ремонтно-реставрационных работ с использованием дорогостоящих материалов и применением высококвалифицированной рабочей силы по сравнению с относительно низкими издержками при строительстве современных зданий и сооружений [4, р. 10–12].

3. Теорию мериторных благ (*merit goods*) предложил американский экономист Р. Масгрейв в рамках разработанной им теории общественных финансов [12]. Мериторными называются блага, спрос на которые со стороны частных лиц отстает от желаемого обществом, поэтому государство стимулирует их производство. «Другое возможное объяснение термина «мериторные блага» сводится к тому, что он описывает класс товаров и услуг, которые обладают присущей только им ценностью или внутренними достоинствами, которые отличают их от обычных потребительских товаров» [10, р. 16–17]. Объекты культурного наследия, бесспорно, обладают такими характеристиками.

Необходимость государства заботиться о своем материальном культурном наследии сам Масгрейв объяснял наличием коллективных потребностей в обществе, которые не связаны напрямую с индивидуальным потреблением. Речь идет о том, что государственная поддержка сохранения культурного наследия должна осуществляться в целях реализации интересов общества как такового.

4. Теория опекаемых благ, разработанная А.Я. Рубинштейном, стала продолжением теории мериторных благ и концепции экономической

социодинамики [27], [28], [29], [20]. Ядром этой теории является принцип комплементарности (взаимодополняемости) индивидуальных предпочтений и социальных интересов в отличие от чистого индивидуализма традиционной экономической теории. Вмешательство государства в этом случае объясняется не столько необходимостью исправления провалов рынка, сколько стремлением реализовать интересы общества как такового. С учетом этого культурное наследие, безусловно, относится к категории опекаемых благ.

Таким образом, современное государство, ориентированное на устойчивый долговременный экономический рост и повышение благосостояния людей, должно осознавать свою ответственность перед гражданами в сохранении культурного наследия. При этом следует иметь в виду, что государственные инвестиции в эту сферу не имеют быстрой отдачи, поэтому решения государства в этой области не должны быть продиктованы сиюминутными целями и задачами. В этой связи важная роль отводится прикладным работам, не являющимся, как правило, академическими исследованиями, но несущими в себе большой экономический потенциал, связанный с практикой приспособления объектов культурного наследия к современным условиям хозяйствования, а также с оценкой их возможного влияния на экономику городов и территорий.

Прикладные научные исследования в области экономики культурного наследия

В прикладных исследованиях в области сохранения и адаптации культурного наследия обращается внимание на недооценку экономической составляющей сохранения культурного наследия. При этом экономическая оценка культурного наследия включает в себя два компонента: стоимость использования (*use or market value*), где культурно-историческая недвижимость рассматривается как частное благо, плюс значимость объекта, не связанная с его использованием (*non-use or non-market value*), при котором он выступает как общественное благо. Если объект используется в коммерческих целях, то арендная ставка является эквивалентом стоимости использования. Нерыночная стоимость объекта культурного наследия отражает его социальную значимость, поэтому «экономическая оценка проекта должна хотя бы в какой-то мере учитывать вопрос о культурной ценности» [31, с. 114].

Любопытно, как по-разному искусствоведы (или в более широком смысле – люди искусства (*arts people*)) и специалисты по экономике культуры оценивают результаты культурной деятельности. Люди искусства отдают предпочтения исследованиям, в основе которых лежит экономическая оценка культурной деятельности. А специали-

сты по экономике культуры, напротив, большое внимание уделяют исследованиям, в рамках которых можно понять характер положительных экстерналий и оценить те результаты культурной деятельности, которые не учитываются рыночным механизмом [8, р. 2].

В эмпирических исследованиях, посвященных экономической оценке культурного наследия, выделяют три основных подхода:

1. Макроэкономический анализ сферы сохранения культурного наследия.

2. Методы условной оценки (*contingent valuation method, CVM*).

3. Исследования влияния или воздействия (*impact studies*).

Макроэкономический анализ сферы сохранения культурного наследия связан с оценкой расходов и доходов этой сферы в контексте национальной экономики. Речь идет о суммарной оценке объемов финансирования ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия, численности занятых в этой сфере, совокупном объеме налоговых отчислений в бюджет, объеме финансовых поступлений от входной платы (при наличии таковой). Этот анализ позволяет оценить совокупные финансовые потоки в этой сфере и ее вклад в ВВП страны.

Методы условной оценки сводятся к выявлению максимальной готовности платить (*willingness to pay, WTP*) за предоставление рассматриваемого общественного блага, в данном случае – за сохранение культурного наследия. Респонденту задают вопросы (опрос проводится по телефону, по почте или путем интервьюирования), цель которых назвать ту сумму, которую он готов заплатить. В зависимости от вопросов полученные данные обрабатываются различными методами. По мнению Тросби, «метод условной оценки и связанные с ним техники пытаются приписать экономическую ценность положительным экстерналиям или общественному благу, рассчитав, какой бы была функция спроса, если бы спрос мог выражаться через нормальные рыночные каналы» [31, с. 46].

Существенным недостатком данного подхода является «оценка заявленных предпочтений, которые люди демонстрируют в ситуации не реального, но гипотетического экономического выбора» [16, с. 24].

В качестве примера можно привести основные результаты исследования, проведенного Европейским университетом в Санкт-Петербурге в 2014 г. к 250-летию Эрмитажа «Эрмитаж для города и горожан: результаты оценки экономического и социального вклада музея в жизнь Санкт-Петербурга», которое во многом опиралось на выявление готовности платить. Согласно методологии, совокупный экономический эффект складывается из трех составляющих: прямого эффекта, косвенного эффекта и опосредованного эффекта.

Прямой эффект рассчитывается на основе совокупных финансовых поступлений Эрмитажа за год (средства из федерального бюджета;

доходы от основных видов уставной деятельности; благотворительные пожертвования и спонсорские средства). В 2013 г. прямой экономический эффект составил 5,2 млрд руб. (расходы на персонал, текущие расходы и капитальные расходы) [33, с. 30].

Косвенный эффект рассчитывается на основе оценки расходов иностранных и иностранных посетителей Эрмитажа в городе (на проживание, питание, транспорт, покупки). Методология расчета сводилась к перемножению количества посетителей за год на количество проведенных в городе дней и на среднюю сумму расходов в течение одного дня. Для подсчета расходов туристов респондентам предлагали назвать примерную сумму расходов в день. В результате, косвенный экономический эффект Эрмитажа составил в 2013 г. 19,3 млрд руб. [33, с. 39].

Опосредованный эффект или эффект мультипликатора рассчитывается перемножением суммы расходов самого музея в год (прямой эффект), суммы расходов посетителей музея в год (косвенный эффект) и коэффициента мультипликатора. Опосредованный экономический эффект Эрмитажа в 2013 г. составил от 31 млрд руб. (мультипликатор – 1,25) до 37 млрд руб. (мультипликатор – 1,50) [33, с. 42].

В результате, совокупный экономический эффект Эрмитажа в 2013 г. составил от 55 до 61 млрд руб. в экономику города [33, с. 43].

При этом нельзя не отметить ряд ничем не подтвержденных гипотез и необоснованность основных положений данной методологии, что снижает ценность полученных результатов и самого метода оценки социально-экономической роли Эрмитажа в экономике города.

Исследования влияния или воздействия измеряют экономическую эффективность культурного наследия в терминах доходов, которые, как напрямую, так и косвенно (в смежных отраслях), генерируют ремонтно-реставрационные работы на объектах культурно-исторической недвижимости. Эти исследования очень популярны в среде политиков и сторонников государственной поддержки, так как свидетельствуют о том, что государственные расходы, направляемые на сохранение культурного наследия, экономически оправданны.

Ярким примером тому служит реализуемая в США начиная с 1970-х годов прошлого века программа Национального траста по сохранению исторического наследия «Главная улица» («Main street»), основной целью которой является восстановление и возрождение исторического облика городов³. Результаты программы свидетельствуют о том, что «всего лишь за три года каждый вложенный в проект «Главная улица» доллар принес в среднем 11 долларов в виде новых инвестиций в исторический центр города» [25, с. 140].

³ Впоследствии эта программа была взята за основу в таких странах, как Канада, Австралия, Новая Зеландия, Венесуэла.

С точки зрения социально-экономического развития основные преимущества от сохранения культурно-исторического наследия в целом, и проведения ремонтно-восстановительных работ в частности, заключаются в следующем:

1. *Культурное наследие* – ключевой элемент в создании привлекательности регионов, городов и сельских территорий за счет привлечения внутренних инвестиций со стороны частного сектора в развитие креативных кварталов, улучшение культурной среды и формирование туристического бренда.

Так, по данным исследования, проведенного в Гамбурге, объекты культурно-исторической недвижимости, адаптированные под коммерческое использование, пользуются большой популярностью с точки зрения размещения бизнеса. 87% работодателей отметили улучшение рабочей атмосферы после переезда офиса в историческое здание, впрочем как и 73% их клиентов высказали положительное отношение к такому размещению офиса [6, р. 21, 161].

2. *Создание новых рабочих мест*, причем в большинстве своем среди местного населения. Практика показывает, что до 70% расходов идет на оплату труда, поэтому вложенные средства остаются в регионе, участвуют в улучшении инвестиционной привлекательности территории, а также способствуют развитию местной бизнес-среды, преимущественно малого бизнеса. Кроме того, на ремонтно-восстановительных работах объектов культурного наследия, как правило, задействованы рабочие более высокой квалификации в отличие от рабочей силы, привлекаемой при новом строительстве, что дает дополнительные стимулы для повышения профессионального уровня, творческого подхода к профессии, а значит и для совершенствования человеческого потенциала в целом. Снижение уровня безработицы, в свою очередь, способствует нормализации социального микроклимата в регионе и росту благосостояния местного сообщества.

По оценкам экспертов, культурное наследие создает 26,7 опосредованных рабочих мест в расчете на 1 рабочее место, непосредственно связанное с сохранением культурного наследия, что намного больше, чем, например, в автомобильной промышленности с аналогичным показателем в 6,3 опосредованных рабочих мест [6, р. 154].

В Европе численность напрямую занятых в секторе сохранения культурного наследия насчитывает порядка 300 тыс. человек, однако косвенный эффект по созданию рабочих мест в смежных областях оценивается в 7,8 млн человек [6, р. 153–154].

В соответствии с данными Мирового банка по состоянию на 2001 г., каждый миллион долларов, инвестируемый в реставрацию исторического здания, создает 31,3 рабочих места, в то время как при анало-

гичной сумме инвестиций в промышленное производство создается только 21,3 рабочих места на рынке труда [6, р. 155].

Пример музея современного искусства – галереи Тейт Модерн в Лондоне – свидетельствует о роли культурного наследия индустриальной эпохи в трансформации окрестностей города. В течение года сразу после своего открытия этот бывший промышленный район на южном берегу Лондона стал третьим по посещаемости туристами местом в Великобритании. По данным отчета аудиторско-консалтинговой фирмы «МакКинзи и Компани» (2001 г.), в процессе реконструкции квартала было создано 2100–3900 рабочих мест, а вклад в экономику страны составил порядка 75–140 млн фунтов стерлингов, из которых 50–70 млн фунтов стерлингов относятся непосредственно к экономике Лондона. Собственно, в самом Тейт Модерн было создано 467 рабочих мест, плюс к тем 283 рабочим местам, которые появились в процессе реконструкции. 30% занятых на этих работах были представителями местного сообщества. Важно отметить, что количество отелей и точек общественного питания с 1997 по 2000 гг. увеличилось на 23%. Это привело к созданию почти 1800 рабочих мест в сфере туристического обслуживания. Таким образом, открытие музея современного искусства Тейт Модерн стало важнейшим фактором восстановления исторического квартала индустриальной эпохи на южном берегу Лондона, а 26% опрошенных ассоциируют эту территорию прежде всего с деятельностью музея [6, pp. 159–160].

Кроме того, ремонтно-реставрационные работы характеризуются высокой трудоемкостью (60–80 % затрат, а при новом строительстве – только 50%). Жизненный цикл отдельных компонентов объекта культурного наследия 25–40 лет, поэтому ежегодно 2–3% исторических зданий требует реставрационных работ. Адаптация объекта культурного наследия, придание ему новой функциональности позволят ввести объект культурно-исторической недвижимости в хозяйственный оборот [15, pp. 113–118].

3. *Развитие культурного туризма.* Исследования в этой области свидетельствуют о том, что на долю культурного туризма приходится 37% от всего мирового объема туризма, а темпы его ежегодного роста составляют 15% [25, с. 006]. Расходы, понесенные на территории самого памятника истории и культуры, составляют лишь 6–10% от общей суммы, потраченной туристом в этом районе [25, с. 007]. По данным американской некоммерческой организации «Americans for the arts», посетители культурного объекта дополнительно к стоимости самого посещения в среднем тратят 27,79 долл. в расчете на одного человека и на одно посещение, что идет на оплату питания, сувениров, транспорта, жилья. Причем для местного жителя эти дополнительные расходы почти в два раза меньше, чем для приезжего, что составляет

соответственно, 19,53 долл. против 40,19 долл. [1, р. 15–16]. Результаты исследования подтверждают тот факт, что туристы, путешествующие с целью ознакомления с культурными достопримечательностями, тратят больше, пользуются услугами индустрии гостеприимства и, как правило, остаются на более продолжительное время, чем местное население или жители близлежащих районов, поэтому сохранение культурно-исторического наследия становится катализатором социально-экономического развития территории.

4. *Развитие сопряженных отраслей* – индустрии гостеприимства, транспортной и коммунальной инфраструктуры. За более чем 35-летнюю историю реализации проекта «Главная улица» в США были реконструированы или построены десятки тысяч километров дорог, усовершенствовано техническое состояние электросетей, водоснабжения, газового хозяйства, канализационных систем и т.д., что, в свою очередь, способствует улучшению качества жизни и повышению инвестиционной привлекательности территории. «Объект культурного наследия сам по себе является носителем экономической ценности лишь в минимальной степени» [15, р. 113].

Так, Министерство культуры Франции во время мирового финансового кризиса 2008/2009 гг. вложило 100 млн евро в ремонтно-реставрационные работы на различных объектах культурного наследия не только в целях сохранения наследия, но и для создания новых рабочих мест в этой сфере, а также использования историко-культурных объектов для стимулирования культурного и экономического развития в период экономической рецессии [11, р. 38].

5. Культурное наследие демонстрирует хорошую отдачу на вложенный в его сохранение капитал и является существенным генератором налоговых доходов государства как от экономической деятельности, непосредственно связанной с сохранением культурного наследия, так и опосредованно через внешние эффекты от реализации проектов, ориентированных на использование культурного наследия, которые, в свою очередь, способствуют привлечению новых инвестиций.

Так, в 1997 г. в Нидерландах было проведено исследование, посвященное оценке экономической эффективности голландской политики в области сохранения культурного наследия. Собственники исторических зданий могли претендовать на получение государственных грантов при проведении ремонтно-реставрационных работ. В результате, каждый доллар, вложенный государством, вырос до 2,78 долл. инвестиций, т.е. 1,78 долл. были привлечены в сферу сохранения культурного наследия от частных инвестиций, спонсорства и благотворительности. Каждый вложенный государством доллар привел к экономической отдаче в размере 0,74 доллара в виде налогов. Таким образом, инвестирование 1 долл. реально обошлось государству только в 0,26 долл. [7, р. 33].

Экономика культурного наследия России в цифрах

Россия обладает колоссальным культурным наследием, потенциал которого практически не принимается в расчет, за исключением объектов культурно-исторической недвижимости Москвы, Санкт-Петербурга и крупных региональных центров, несмотря на общепринятую риторику о важности культурного наследия для достижения устойчивого социально-экономического развития России.

По данным Росстата, в 2013 г. в Российской Федерации насчитывалось 180,1 тыс. недвижимых памятников истории и культуры, включая: 82,2 тыс. – памятников археологии; 30,7 тыс. – памятников истории; 61,4 тыс. – памятников градостроительства и архитектуры; 4,1 тыс. – памятников искусства. Это много или мало? Причем за прошедшую почти четверть века количество памятников, находящихся на государственной охране, увеличилось в 3,9 раза – с 46 тыс. в 1990 г. до 180,1 тыс. в 2013 г. (см. табл. 1).

Как следует из таблицы, количество недвижимых памятников истории и культуры в большей степени увеличилось за рассматриваемый период за счет постановки на государственный учет памятников археологии (в 6,8 раза) и памятников градостроительства и архитектуры (в 5,5 раза).

Таблица 1

Памятники истории и культуры в Российской Федерации (1990–2013 гг.*), тыс. ед.

	1990	2000	2005	2010	2011	2012	2013
Число недвижимых памятников истории и культуры	46,0	84,9	87,8	143,4	185,1	175,9	180,1
в том числе памятники:							
– археологии	12,0	–	18,1	36,5	78,0	78,9	82,2
– истории	20,6	–	24,1	36,1	31,1	29,4	30,7
– градостроительства и архитектуры	11,1	–	42,7	66,8	70,1	61,8	61,4
– искусства	2,3	–	2,9	4,0	4,9	3,7	4,1

* В 2015 г. была введена новая форма статистического наблюдения № 1-ОПИК, поэтому данные за 2014 г. были представлены по другой классификации памятников.

Источник: [26, С. 243].

При этом, по данным Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 г., утвержденной Распоряжением Правительства РФ от 29 февраля 2016 г. № 326-р (далее по тексту – Стратегия ГКП), в России зафиксировано около 83 тыс. выявленных, но не внесен-

ных в единый государственный реестр объектов культурного наследия [24, с. 14], [30].

Расширение государственного реестра объектов культурного наследия – естественный процесс, свидетельствующий в том числе и о желании сохранить культурное наследие для будущих поколений. В нашей стране включение в реестр означает не только постановку на государственную охрану, но и выделение бюджетных средств (в зависимости от категории памятника (федерального, регионального или местного значения) из бюджета соответствующего уровня бюджетной системы РФ) на содержание и проведение охранных мероприятий.

Несмотря на очевидную высокую общественную значимость сохранения культурного наследия, действительность демонстрирует неутешительные факты: по данным Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИиК), за последние 10 лет в Российской Федерации погибло более 2,5 тыс. памятников, а ежегодные утраты составляют порядка 150–200 памятников⁴.

В Стратегии ГКП отмечается, что «доля объектов культурного наследия, находящихся в федеральной собственности, состояние которых является удовлетворительным, в общем количестве объектов культурного наследия составляет 39%. Поскольку состояние объектов культурного наследия регионального значения значительно хуже, то ежегодно увеличивается число региональных памятников в руинированном или неудовлетворительном состоянии» [30, с. 14–15]. По данным ВООПИиК, состояние от 50 до 70% находящихся на государственной охране памятников истории и культуры (федерального, регионального и местного значения) характеризуется как неудовлетворительное⁵...

По данным ГИВЦ Минкультуры России, из 171104 объектов культурного и археологического наследия Российской Федерации, находящихся на государственной охране в 2015 г., ремонтно-реставрационные работы осуществлялись на 6256 объектах, что составляет 3,6% от их общего количества (см. табл. 2).

В 2014 г. из 172538 объектов культурного и археологического наследия Российской Федерации, находящихся на государственной охране, ремонтно-реставрационные работы осуществлялись на 6962 объектах, что составляет 4% от их общего количества (см. табл. 2).

По значимости объекты культурного наследия распределены следующим образом: 26% объектов относятся к памятникам федерального значения, 72% – регионального значения и 2% – местного значения (см. рис. 1).

⁴ <http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage>.

⁵ Там же.

Таблица 2

Количество объектов культурного и археологического наследия РФ, включая реставрируемые, ед. (2014, 2015 г.)

	Количество объектов культурного и археологического наследия	Количество реставрируемых объектов культурного и археологического наследия
Объекты культурного наследия	98556 (2014 г. – 91726)	5848 (2014 г. – 6717)
в том числе:		
памятники	92813 (2014 г. – 86601)	5666 (2014 г. – 6527)
ансамбли	4623 (2014 г. – 4317)	165 (2014 г. – 177)
достопримечательные места	917 (2014 г. – 808)	17 (2014 г. – 13)
Памятники в составе ансамблей*	20238 (2014 г. – 22785)	643 (2014 г. – 588)
Объекты археологического наследия	72548 (2014 г. – 80812)	408 (2014 г. – 245)
Всего по России	171104 (2014 г. – 172538)	6256 (2014 г. – 6962)

* Входят в графу «памятники», поэтому не учитываются в общем расчете (в соответствии с новой Годовой формой федерального статистического наблюдения № 1-ОПИК «Сведения об объектах культурного наследия» (март 2015 г.)).

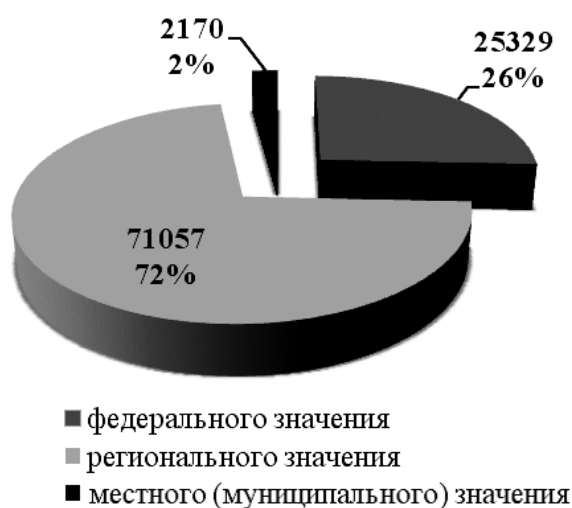

Рис. 1. Распределение памятников по уровням ведения, 2015.

Финансирование ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия увеличилось за прошедшие 6 лет в 2 раза (в номинальных ценах) – с 19,4 млрд руб. в 2010 г. до 38,8 млрд руб. в 2015 г. (см. рис. 2). В сопоставимых ценах указанные расходы увеличились только в 1,3 раза за рассматриваемый период, причем в 2013 г. в реальном выражении объем финансирования ремонтно-реставрационных работ был даже ниже уровня 2010 г. Реальное увеличение расходов произошло только в 2014 г., после чего в следующем году пошло на спад.

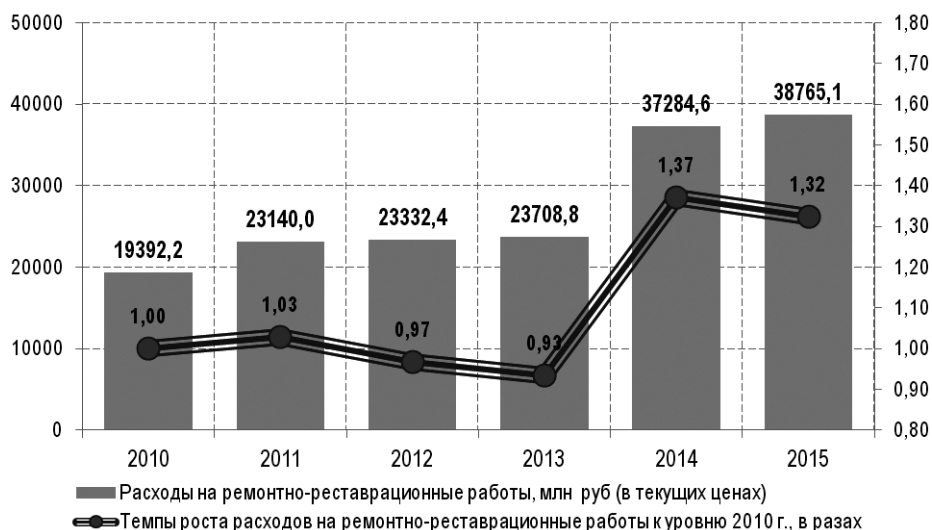

Рис. 2. Динамика расходов на проведение ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия (2010–2015), млн руб.

В 2015 г. объем финансирования ремонтно-реставрационных работ составил 0,048% от ВВП или 0,13% от расходов консолидированного бюджета РФ. В расходах на культуру и кинематографию финансирование проведения ремонтно-реставрационных работ составило 9,8% (см. табл. 3).

Следует отметить, что все указанные выше показатели за рассматриваемый период демонстрировали понижающую тенденцию вплоть до 2014 г. Вполне вероятно, что увеличение государственной поддержки сохранения культурного наследия во многом произошло благодаря инициативе по проведению Года культуры в Российской Федерации в 2014 г. Однако в 2015 г. темпы роста расходов на сохранение культурного наследия снизились.

Из 38,8 млрд руб., направленных в 2015 г. на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия, распределение средств по уровням бюджетной системы было представлено следующим обра-

Таблица 3

Динамика основных показателей финансирования расходов на ремонтно-реставрационные работы (2010–2015 гг.)

Показатели	2010	2011	2012	2013	2014	2015
Расходы на культуру и кинематографию, млрд руб.	279,1	310,6	340,2	376,9	410,0	395,60
Расходы на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия, млрд руб.	19,4	23,1	23,3	23,7	37,3	38,8
Доля расходов на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия в совокупных расходах на культуру и кинематографию, %	6,95	7,44	6,85	6,29	9,10	9,81
Доля расходов на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия в ВВП, %	0,042	0,041	0,037	0,036	0,048	0,048
Доля расходов на ремонтно-реставрационные работы на объектах культурного наследия в расходах КБ РФ, %	0,11	0,12	0,10	0,09	0,14	0,13

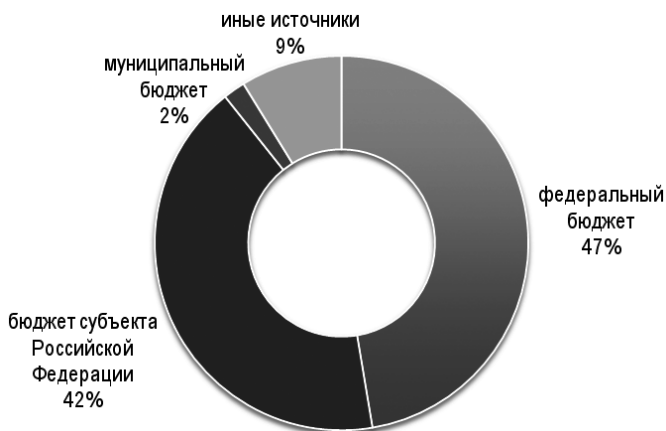

Рис. 3. Структура финансовых поступлений на проведение ремонтно-реставрационных работ на объектах культурного наследия в 2015 г., %

зом: 19,8 млрд руб. – из федерального бюджета; 18,3 млрд руб. – из региональных бюджетов; 0,8 млрд руб – из местных бюджетов; 3,5 млрд руб – из других (бюджетных) источников. Чуть меньше половины средств было выделено из федерального бюджета, почти две пятых – из средств региональных бюджетов, на долю местных бюджетов приходится ничтожно малая часть финансирования (см. рис. 3).

При этом ассигновано в 2015 г. было 42,4 млрд руб., но по итогам года фактически израсходованными оказались только 91,5% (в 2014 г. – 85,6%) от запланированного объема, что на 3,6 млрд руб. (в 2014 г. – 6,3 млрд руб.) меньше первоначально утвержденного плана.

В региональном разрезе государственная поддержка сохранения культурного наследия очень неравномерна. Так, в 2014 г. суммарный объем финансирования ремонтно-реставрационных работ в десяти субъектах РФ с максимальным уровнем финансирования данной сферы составил 71,2% от совокупной государственной поддержки культурного наследия. Аналогичная ситуация наблюдалась и в 2015 г., только на десятку регионов с максимальным объемом финансирования ремонтно-восстановительных работ пришлось уже 80,2% от совокупной государственной поддержки (см. табл. 4).

Таблица 4

Десятка субъектов РФ с максимальным объемом финансирования объектов культурного наследия (2014, 2015 гг.)

Субъекты РФ	2014 г.		Субъекты РФ	2015 г.	
	млн руб.	%		млн руб.	%
Смоленская обл.	845,4	2,3	Рязанская обл.	583,5	1,5
Тульская обл.	661,2	1,8	Москва	10032,6	25,9
г. Москва	7215,1	19,4	Калининградская обл.	967,5	2,5
г. Санкт-Петербург	12258,2	32,9	Ленинградская обл.	609,4	1,6
Астраханская обл.	723,0	1,9	Санкт-Петербург	13736,1	35,4
Ростовская обл.	1043,3	2,8	Астраханская обл.	609,3	1,6
Ярославская обл.	579,0	1,6	Республика Татарстан	1617,9	4,2
Пермский край	1010,3	2,7	Красноярский край	976,2	2,5
Красноярский край	1089,4	2,9	Новосибирская обл.	728,2	1,9
Хабаровский край	1140,8	3,1	Республика Крым	1237	3,2
Итого по 10 субъектам РФ	26565,7	71,4	Итого по 10 субъектам РФ	31097,7	80,2
Итого по всем субъектам РФ	37284,6	100,0	Итого по всем субъектам РФ	38765,1	100

Финансирование ремонтно-реставрационных работ только в Москве и Санкт-Петербурге составило в 2014 г. 52,2% от совокупного объема государственной поддержки сохранения всего культурного наследия Российской Федерации. Причем в структуре финансовых поступлений преобладают средства федерального бюджета: в Москве – 71,7%,

Санкт-Петербурге в 57,4%. В 2015 г. на долю двух крупнейших городов России пришлось 61,3% от совокупного объема государственной поддержки.

В 2014 г. в семи субъектах РФ – в Республике Адыгея, Республике Ингушетия, Карачаево-Черкесской Республике, Республике Алтай, Магаданская области, Республике Тыва, Республике Саха-Якутия – ремонтно-реставрационные работы не проводились. В 2015 г. количество таких регионов увеличилось до девяти – Республика Адыгея, Республика Калмыкия, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия – Алания, Республика Алтай, Республика Тыва, Республика Саха-Якутия, Камчатский край, Еврейская а.о.

Существуют различные экспертные оценки в отношении необходимого объема государственной поддержки сохранения культурного наследия. Если исходить из того, что требуется порядка 1 тыс. долл. на ремонтные работы в расчете на 1 кв. м, а на государственной охране находятся около 180 тыс. памятников общей площадью порядка 300 млн кв. м, то необходимый объем инвестиций в сферу сохранения объектов культурного наследия составляет порядка 300 млрд долл. [18, с. 4]. Исходя из того, что в 2014 г. было израсходовано на ремонтно-восстановительные работы 37,3 млрд руб. (из расчета среднегодового курса доллара к рублю в 2014 г. 37,97 руб. за 1 долл. – 0,98 млрд долл), объемы финансовых средств, необходимых и реально располагаемых, не сопоставимы, причем в разы. В 2015 г. при среднегодовом курсе доллара к рублю, равному 60,7 руб. за 1 долл., государственная поддержка культуры составила 0,64 млрд долл.

Совершенно очевидно, что такую масштабную задачу невозможно решить исключительно за счет бюджетного финансирования. Необходимо создание благоприятной институциональной среды для привлечения дополнительных финансовых ресурсов в сферу сохранения культурного наследия.

* * *

В ст. 10 Конвенции Фаро признается необходимость использования культурного наследия как фактора устойчивого экономического развития, что предполагает «учитывать особый характер и интересы культурного наследия при разработке экономической политики». Для того чтобы эти интересы учитывались в полной мере, необходимо создание эффективной институциональной среды, которая бы позволила создать режим благоприятствования для активизации разного рода инициатив как со стороны государства, так и бизнеса и гражданского общества по поддержке культурного наследия.

Прежде всего речь идет о необходимости кардинального изменения существующей парадигмы финансирования. Совершенно оче-

видно, что выделяемых бюджетных средств, которых хватает на проведение ремонтно-реставрационных работ только на 3,6% объектов культурного наследия от их общего количества (2015 г.), находящегося на государственной охране, катастрофически мало. При сохранении существующих объемов бюджетного финансирования необходимо вводить в российскую практику инновационные институты поддержки наследия, которые заключаются в следующем: (1) институт бюджетных назначений, позволяющий гражданам от 1 до 2% своих налоговых отчислений в бюджет адресно перенаправлять на поддержку социально значимых отраслей, включая сферу сохранения культурного наследия; (2) направление части акцизов на табачную и алкогольную продукцию в сферу сохранения культурного наследия; (3) создание региональных эндаумент-фондов в целях аккумулирования средств, поступающих от института индивидуальных бюджетных назначений и маркированных налогов с возможностью расходования только инвестиционных доходов.

В создании эффективной институциональной среды также большое значение придается активизации гражданской инициативы, в том числе в сфере сохранения культурного наследия. Практика партисипативного бюджетирования, неокрепшие ростки которой только начинают приживаться на российской почве, свидетельствует о том, что в сферу сохранения культурного наследия можно привлечь как средства местных бюджетов, так и средства самих граждан.

Проблема учета культурного наследия по-прежнему очень остро стоит на повестке дня. 83 тыс. выявленных, но не поставленных на государственную охрану по итогам 2014 г. памятников, находятся в зоне риска из-за бюрократических проволочек и пробуксовок государственной машины. В 2015 г. количество выявленных памятников увеличилось до 105 тыс. Проблема учета памятников непосредственно связана также с системой статистического наблюдения в сфере сохранения культурного наследия.

Обеспечение согласованности в принятии управленческих решений между различными министерствами и ведомствами, разными ветвями государственной власти, различными уровнями бюджетной системы является еще одним важным шагом на пути формирования эффективной институциональной среды в сфере сохранения культурного наследия. Принятая Стратегия культурной политики на период до 2030 г. в итоге оказалась сугубо отраслевым документом, действие которой не выходит за пределы зоны ответственности Министерства культуры РФ. Это свидетельствует о том, что разрешение межуровневых, межрегиональных и межведомственных разногласий, о насущной необходимости которых было заявлено в Основах государственной культурной политики, не получит своего развития, так как каждое

министерство по-прежнему будет действовать согласно своим узко-ведомственным интересам. Для сохранения культурного наследия такая координация, напротив, очень важна. Поэтому создание Координационного органа по реализации культурной политики в России необходимо ускорить, что в полной мере согласуется с поручениями Президента РФ, данными по итогам состоявшегося 24 декабря 2014 г. совместного заседания Государственного совета РФ и Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

Наконец, особую актуальность представляет необходимость проведения полной инвентаризации действующего законодательства в сфере сохранения культурного наследия. По-прежнему остро стоит вопрос о разработке нового закона о культуре, в котором бы в полной мере были учтены нормы, охраняющие наследие. Инвентаризация необходима не только для определения действующих, но не работающих норм, но и выявления тех законодательных лакун, которые позволяют чиновникам и недобросовестным собственникам объектов культурного наследия безнаказанно уходить от ответственности за осуществление хозяйственной деятельности, наносящей ущерб наследию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Arts and Economic Prosperity III. The economic impact of nonprofit arts and culture organizations and their audiences. National report. 2007. <http://www.AmericansForTheArts.org>.
2. Baumol W., Bowen W. Performing Arts: the Economic Dilemma. Cambridge London: MIT, 1968. P. 161–180.
3. Benhamou F. *Heritage* // A Handbook of Cultural Economics / Ed. by R. Towse. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2010.
4. Benhamou F. Public intervention for cultural heritage: normative issues and tools // Handbook on the Economics of Cultural Heritage / Ed. by I. Rizzo and A. Mignosa. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013.
5. Council of Europe Framework Convention on the Value of Cultural Heritage for Society. Faro. 2005. 27 October. Art. 3.
6. Cultural Heritage Counts for Europe. Report. Krakow, 2015.
7. Economics and Heritage Conservation. Los Angeles: The Getty Conservation Institute, 1998.
8. Frey B.S. What Values Should Count in the Arts? The Tension between Economic Effects and Cultural Value. Institute for Empirical Research in Economics. University of Zurich // Working Paper. 2005. September. №253.
9. Getting cultural heritage to work for Europe (2015). Report of the Horizon 2020 Expert Group on Cultural Heritage. Directorate-General for

- Research and Innovation. Luxemburg: Publications Office of the European Union.
10. Heilbrun J., Gray C.M. The Economics of Arts and Culture. An American Perspective. Cambridge University Press, 1993.
 11. Klammer A., Mignosa A, Petrova L. Cultural heritage policies: a comparative perspective // Handbook on the Economics of Cultural 14. Heritage. Ed. by I. Rizzo and A. Mignosa. Cheltenham, UK; Northampton, MA, USA: Edward Elgar, 2013.
 12. Musgrave R.A. The Theory of Public Finance. New York; London, 1959.
 13. Peacock A. A future for the past: the political economy of heritage. Edinburgh: David Hume Institute, 1994.
 14. Peacock A. Preserving the Past: An International Economic Dilemma // Journal of Cultural Economics. 1978. Vol. 2. № 2.
 15. Rypkema D. Economics and the Built Cultural Heritage // Heritage and Beyond. Strasbourg: Council of Europe Publishing. 2009. <http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage>.
 16. Автономов Ю.В. Эмпирические исследования спроса на культурные блага: исполнительское искусство и объекты культурного наследия. (Научный доклад). М.: ИЭ РАН, 2011.
 17. Бобров Ю.Г. Теория реставрации памятников искусства: закономерности и противоречия. М.: Эдсмит, 2004.
 18. Валеграхов В.М. Совершенствование методов экономической оценки объектов культурного наследия. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М.: Финансовый университет, 2014.
 19. Грегоровиус Ф. История города Рима в средние века (от V до XVI столетия). М.: Альфа-книга, 2008.
 20. Гринберг Р.С., Рубинштейн А.Я. Экономическая социодинамика. М.: ИСЭ-ПРЕСС, 2000; R. Grinberg, A. Rubinstein. Economic Sociodynamics. Berlin; New York: Springer, 2005.
 21. Музычук В.Ю. (2010). Сохранение объектов культурно-исторического наследия в России: to be or not to be... // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 3.
 22. Музычук В.Ю., Козлова С.В. Управление объектами культурного наследия: проблемы и перспективы имущественных отношений // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2008. № 6.
 23. Музычук В.Ю. Сохранение объектов культурно-исторического наследия в России: to be or not to be... // Вестник Московского государственного университета культуры и искусства. 2010. № 3.
 24. Распоряжение Правительства РФ от 29.02.2016. № 326-р «Об утверждении Стратегии государственной культурной политики на период до 2030 года».

25. Рипкема Д. Экономика исторического наследия. Практическое пособие для руководителей. М.: ЗАО «Билдинг медиа групп». 2006. С. 140.
26. Российский статистический ежегодник 2015. Стат. сб. / Росстат. М., 2015.
27. Рубинштейн А.Я. К теории опекаемых благ. Неэффективные и эффективные равновесия // Вопросы экономики. 2011. № 3.
28. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в оптике сравнительной методологии. Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2013.
29. Рубинштейн А.Я. Опекаемые блага в сфере культуры: признаки и последствия «болезни цен». Научный доклад. М.: Институт экономики РАН, 2012.
30. Стратегия государственной культурной политики, 2016. <http://www.voopik.ru/our-heritage/status-cultural-heritage>.
31. Тросби Д. Экономика и культура. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 2013.
32. Хаунина Е.А. Культурное наследие может сорвать джек-пот. Хранители наследия. http://hraniteli-nasledia.com/articles/paralleli/kulturnoe-nasledie-mozhet-sorvat-dzhek-pot/?sphrase_id=5784 (дата обращения 16.12.2014).
33. Эрмитаж для города и горожан: результаты оценки экономического и социального вклада музея в жизнь Санкт-Петербурга. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2014.

V.YU. MUZYCHUK

Doctor of Science (Economics), Deputy Director for Science of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences
vm-instecon@yandex.ru

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF RUSSIA

The main idea of the paper is that the preservation of cultural heritage matters not only in terms of its cultural and historical value, but also play a significant social and economic role for the revitalization of areas that are rich in historical and cultural monuments, and without exaggeration for the revival of some Russian regions. It is about the strategic role of cultural heritage in the socio-economic development of Russia as a whole. The cultural and historical property can be a driver of regional development, a kind of growth point or cultural cluster for a number of regions with rich cultural heritage, whose potential is not fully use.

Keywords: *cultural economics, cultural heritage, regional development, cultural cluster, funding for the arts and culture, cultural policy.*

JEL: Z11.

Э.Н. СОБОЛЕВ

доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник
Института экономики Российской академии наук

СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ТРУДА: КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ И НАПРАВЛЕНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ¹

В статье предлагается система критериев эффективности трудовой политики, базирующаяся на методе оптимальных интервалов и включающая индикаторы занятости, оплаты труда и согласования интересов. Показано, что в настоящее время в России фактические показатели по этим индикаторам не вписываются в оптимальные интервалы, что свидетельствует о слабой эффективности государственной политики в сфере труда и кризисном состоянии социально-трудовых отношений. Наиболее проблемными местами являются нарушения законодательства в области занятости, неоправданные перекосы в оплате труда, слабая социальная активность работников по защите своих интересов. Обоснована система институциональных преобразований, направленных на модернизацию социально-трудовой сферы с целью ее гуманизации и повышения эффективности.

Ключевые слова: *эффективность трудовой политики, занятость, оплата труда, социальное партнерство, профсоюзы, социально-трудовые гарантии.*

JEL: J08, J21, J31, J52, J64.

При обсуждении хода социально-экономических преобразований в России на удивление мало внимания уделяется процессам, происходящим в сфере труда, в частности, проблемам эффективности трудовой политики. Между тем сложившиеся на сегодняшний день деформации в социально-трудовых отношениях носят системный характер и требуют адекватного системного ответа, в том числе создания комплексной системы экономико-правовых механизмов, способствующих эффективной занятости населения, гарантирующих защиту социально-трудовых прав работников, поддерживающих баланс интересов субъектов трудовых отношений [10].

¹ Статья подготовлена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 15-02-00260 «Человеческий потенциал малого бизнеса: зоны уязвимости и перспективы развития».

Критерии эффективности

Первым шагом в направлении модернизации политики в социально-трудовой сфере должна стать разработка *системы индикаторов состояния социально-трудовых отношений* на основе метода оптимальных интервалов². Система индикаторов охватывает основные блоки трудовой сферы: занятости, оплаты труда, согласования интересов. Эти блоки соответствуют европейской практике регулирования. К примеру, в Швеции в рамках модели социального государства на переговорах между государством, профсоюзами и работодателями также фигурируют три основных темы повестки дня: занятость, система зарплат и участие наемного персонала в управлении производством и распределением прибыли.

Система индикаторов включает в ряде случаев пороговые (максимальные или минимальные) значения, но в большинстве случаев – оптимальные интервалы характеристик, описывающих наиболее существенные аспекты развития социально-трудовых отношений: занятости, оплаты труда, согласования интересов (см. табл.).

Интервалы устанавливаются исходя из практики развитых стран в период их благополучного бескризисного развития. Применение этого метода позволяет учитывать как особенности каждого из аспектов социально-трудовых отношений, так и специфику проблем, которые стоят перед той или иной национальной экономикой, в том числе и перед Россией. Регулирование может считаться эффективным, если значение индикатора попадает в пределы заданного интервала. В идеале индикаторы, по крайней мере некоторые из них, должны приобрести статус государственно устанавливаемых императивных показателей, достижение которых должно стать обязательным элементом правительственных программ (типа МРОТ).

Конечно, оценка успешности политики только на основе метода оптимальных интервалов не может в полной мере учесть различия систем регулирования в пространстве (в разных странах) и во времени (в разные исторические периоды). Поэтому этот метод следует сочетать с качественным анализом состояния трудовой сферы. Так, факт низкой забастовочной активности в разных ситуациях может означать либо отсутствие серьезных проблем в социально-трудовых отношениях, либо излишне жесткую регламентацию протестных действий, делающую реализацию права на забастовку практически невозможной. Тем не менее, несмотря на недостатки, предлагаемый метод позволяет провести диагностику состояния трудовой сферы,

² Этот метод весьма успешно использовался В. Сенчаговым для создания системы индикаторов экономической и социальной безопасности России [11, с. 82–85].

Таблица

Индикаторы состояния социально-трудовых отношений

Индикатор	Оптимальный интервал или пороговое значение	Фактически в России
В области занятости		
Средняя продолжительность рабочей недели	35–40 часов	около 40 часов
Доля работников, занятых на постоянных контрактах	70–90%	свыше 90%
Уровень общей безработицы	5–8%	5,8%
Соотношение общей и регистрируемой безработицы	90–110%	в 4–5 раз
Охват безработных пособиями	не менее 80%	Около 20%
Соотношение пособия по безработице и зарплаты на последнем месте работы (норма замещения)	50–70%	нет данных
Продолжительность выплаты пособия по безработице	8–12 месяцев	12 месяцев
В области оплаты труда		
Доля затрат на оплату труда в ВВП	35–55%	50%
Отношение средней зарплаты к минимальной	40–60%	более 5 раз
Отношение минимальной зарплаты к прожиточному минимуму	120–150%	70%
Доля гарантированной части в структуре зарплаты	50–80%	около 40%
Уровень межрегиональной дифференциации в оплате труда	1,5–2,5	более 5 раз
Коэффициент фондов по заработной плате	7–14 раз	14–16 раз
Доля теневой заработной платы	не более 10%	25–45%
В области согласования интересов		
Уровень юнионизации в массовых производствах	50–80%	менее 50%
Охват коллективными договорами	60–90%	около 60%
Доля трудовых конфликтов, связанных с нарушением законодательства и условий коллективных договоров	не более 20%	свыше 80%

выделить ее основные уязвимые точки и тем самым определить основные количественные критерии при выработке эффективной политики в сфере труда.

Оценка текущей ситуации

В настоящее время в России фактические показатели по многим индикаторам не вписываются в оптимальные интервалы, что свидетельствует о слабой эффективности государственной политики в сфере труда и кризисном состоянии социально-трудовых отношений. Такая ситуация есть результат выбранного курса радикальных рыночных преобразований, который достаточно жестко определял направления и границы институционального регулирования социально-трудовых отношений. Его основными чертами являются: *концептуальная ориентация на либеральную модель*, которая предполагает минимизацию социальных обязательств государства перед гражданами и работодателя перед наемными работниками; слабая ресурсная обеспеченность и хроническое недофинансирование социально-трудовой сферы; отсутствие гибкости и унификация социальной организации трудовых процессов; слабый учет национальных традиций и сложившихся трудовых ценностей при реформировании социально-трудовой сферы; отсутствие эффективных механизмов принуждения к исполнению действующих трудовых норм.

Отличительной чертой российских социально-трудовых отношений периода реформ является перманентный *кризис занятости*. Свидетельством этого стали значительные масштабы частичной и подавленной безработицы, усиление профессионально-квалификационного дисбаланса, связанного с оттоком рабочей силы из отраслей реального сектора экономики, обеспечивающих инновации и насыщение потребительского рынка, рост занятости в неформальном секторе и примитивных подсобных производств в рамках домашних хозяйств. Главными факторами, обусловившими эти негативные изменения, стали снижение социальной защищенности населения, рост дифференциации уровня и качества жизни, минимизационная стратегия оплаты труда, деиндустриализация экономики и сопутствующая ей деградация структуры и содержания занятости, ослабление присутствия государства в ключевых сферах нематериального производства [9, с. 148–149].

Защита от безработицы. Продолжительность выплаты пособия по безработице в России составляет 12 месяцев, что в целом соответствует международным стандартам. Другие индикаторы менее оптимистичны. В отличие от других стран, где уровень охвата пособиями рассчитывается по отношению ко всем безработным, при расчете российского показателя принято оперировать данными регистрируемой безработицы. В соответствии с этими данными пособия назначаются более чем 90% безработных, обратившихся в службы занятости и получивших соответствующий статус. И с этой точки зрения уро-

вень охвата действительно высок, что дает основания международным экспертам характеризовать российскую систему выплат пособий как достаточно щедрую по сравнению со всеми другими странами, а российским политикам и законодателям обосновывать решения по ужесточению данной системы. Если же рассчитывать этот показатель по отношению ко всем безработным, а не только к зарегистрированным, то цифра будет неприлично низкой (не более 20%).

Важнейшим индикатором страхования от безработицы является показатель нормы замещения пособиями по безработице заработной платы. В англоязычных странах наблюдается невысокая норма (около 50% средней заработной платы). В Европе выплаты более щедрые. Так, в Скандинавских странах выплаты достигают 70% от прежней зарплаты. В Восточной Европе норма замещения составляет 56% [2]. В России определить реальную норму замещения пособиями по безработице заработной платы весьма затруднительно, поскольку официальная статистика не дает данных о соотношении пособия и заработка на последнем месте работы. Эксперты оценивали коэффициент возмещения (отношение выплат по безработице к средней заработной плате) в 1990-е годы в 20–30%, а в середине 2000-х годов в 10–15%. С учетом того, что размер максимального пособия составляет 65% от МРОТ и не достигает половины прожиточного минимума, этот критерий в российских условиях выходит в социально опасную зону.

Особенностью России является гипертрофированное развитие *неформальных трудовых отношений и теневых выплат* (по разным оценкам, доля последних во всей зарплате в России составляет 25–45% против 10% в развитых странах), которые в значительной мере определяют особенности политики российского бизнеса в трудовой сфере. Порой неформальный сектор рассматривают исключительно с позиций текущей адаптации к рынку труда [3], но при этом забывают, что в этом секторе грубо нарушаются права работников, нет социальной защиты и невозможен контроль и привлечение работодателей к ответственности. С точки зрения вектора развития расширение неформальных отношений – шаг в направлении, противоположном движению к современной социально ориентированной экономике. Дерегулирование проявляется и в слабой защите национального рынка труда от бесконтрольного наплыва мигрантов. Этому способствуют недифференцированный характер миграционной политики, переход к уведомительному порядку миграционного учета, введенного взамен регистрации; слабость антидемпингового законодательства, которое запрещало бы работодателю намеренно снижать зарплату.

Развернувшийся в постсоветский период кризис трудовой мотивации является следствием глубоких и опасных *деформаций в практике оплаты труда*. Официальный минимум оплаты труда (МРОТ) только

в последние годы стал превращаться в более или менее значащую экономическую величину. В настоящее время отношение МРОТ к прожиточному минимуму составляет менее 60% (МРОТ с 1 июля 2016 г. равен 7,5 тыс. руб., а федеральный прожиточный минимум для трудоспособного населения за III квартал 2016 г. составляет 10678 руб.).

В стране сложился особый тип дифференциации оплаты труда. В конфигурации факторов, воздействующих на зарплату, доминирующее значение принадлежит таким факторам, как сектор экономики (экспортно ориентированный или обрабатывающий); регион (нефтегазовый или нечерноземная зона); размер и местоположение населенного пункта, финансовое состояния предприятия. В то же время факторы дифференциации, играющие ведущую роль в любой западной модели (образование, квалификация, опыт работы), в России отходят на второй план. Факторами, обуславливающими возникновение российской модели дифференциации, выступают распад единого социального и экономического пространства на отдельные регионы и особенности российского рынка труда: неразвитость институциональной инфраструктуры, прежде всего отсутствие доступного жилья, и низкая территориальная мобильность населения. В стране сформировался особый тип социального неравенства – региональный. Если за точку отсчета брать советский период, то видим, что тогда эти различия составляли 2,5–3 раза. Но уже к середине 90-х годов средняя зарплата в Ненецком округе и Дагестане различалась более чем на порядок (1995 г. – в 16 раз). В последующие годы региональные различия в оплате стали постепенно снижаться – в 2001 г. – 10, а 2014 – около 6 раз. Тем не менее они по-прежнему находятся на чрезвычайно высоком уровне. Для сравнения: во Франции (самой большой западноевропейской стране) разрывы между крайними регионами составляют 1,5 раза, а в США и Канаде – примерно 2 раза.

Одним из важнейших макроэкономических показателей, характеризующих поведение оплаты труда в народном хозяйстве, является *доля оплаты труда в ВВП*. Эксперты приводят разные цифры о ее величине – от 20% до 60%. Такая разногласия связана с различиями в методологии подсчета. Мы используем методологию системы национальных счетов (СНС), когда в оплату труда включают как отчисления работодателей на социальное страхование, так и скрытую оплату труда [8]. В России в последнее десятилетие наблюдается повышательная тенденция доли оплаты труда в ВВП: 2000 г. – 40,2%, 2005 г. – 43,8%, 2010 г. – 49,6%, 2014 г. – 52,0%³. Тем не менее переоценивать динамику этого показателя не стоит. Во-первых, во второй половине 1990-х годов в стране наблюдалось существенное снижение этого пока-

³ http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts.

зателя по сравнению с дореформенным периодом. Поэтому его более быстрый рост в значительной мере имел восстановительный характер. Во-вторых, рост зарплатоемкости сопровождается значительными перекосами в дифференциации. Для основной массы работников так называемая медианная зарплатоемкость существенно ниже. Для исправления перекосов следовало бы более сбалансировать верхние и нижние параметры заработков россиян, т.е. усилить перераспределительные процессы. В-третьих, рост зарплатоемкости сочетается с постоянным возрастанием нагрузки на зарплату как результат непродуманных процессов приватизации социальной сферы (ЖКХ, здравоохранение, образование), когда появление платных услуг взамен бесплатных не сопровождалось соответствующим ростом зарплаты. Тем не менее сегодня по показателю зарплатоемкости ВВП мы выглядим вполне нормально на уровне таких стран, как Испания, Португалия, Германия, уступая Франции, Великобритании, США и превосходя другие посткоммунистические страны – Польшу, Чехию, Украину.

Современная ситуация в социально-трудовой сфере характеризуется крайней неэффективностью механизмов согласования интересов. Основными причинами низкой эффективности механизмов социального партнерства, в т.ч. коллективно-договорного регулирования, являются: преимущественное использование властью и бизнесом авторитарных механизмов, задающих основные параметры социально-трудовой сферы; формально имитационная деятельность профсоюзов по защите интересов работников; безразличие или нежелание основной массы рядовых работников активно участвовать в защите своих интересов.

Важнейшим источником социальной напряженности на макроэкономическом уровне является несовершенство институциональной базы, проявляющееся прежде всего в слабом инфорсменте трудового законодательства [5, с. 79–83]. В результате широкое распространение получили так называемые отрицательные, нецивилизованные конфликты, связанные с прямыми нарушениями трудового законодательства. В настоящее время такого рода конфликты составляют подавляющее большинство (около 80% от общей массы трудовых коллективных конфликтов). В то же время положительные или цивилизованные трудовые конфликты, представляющие собой определенный этап договорного процесса, как индивидуального, так и коллективного, играют второстепенную роль.

Слабым звеном остается процесс регулирования трудовых конфликтов: механизмы регулирования либо функционируют крайне неэффективно, либо еще не созданы. Это в равной мере относится как к механизму восстановления нарушенного права (для первого типа конфликтов), так и к механизму социального диалога (для второго типа конфликтов). Происходит возрастание так называемого порога

терпимости работников, превышение которого необходимо для возникновения реальных конфликтов. Следствием этого является рост числа «подавленных» конфликтов: работники, чувствуя нестабильность своего положения как на данном предприятии, так и на рынке труда, вообще не решаются вступать в открытый конфликт с администрацией, так как не верят в то, что им удастся отстоять свои права. Одновременно наблюдается увеличение доли конфликтов, которые либо остаются неразрешенными, либо разрешаются не в пользу работников (почти пятая часть открытых конфликтов имела результатом увольнение работников) [6, с. 19–34].

Видимость «социального мира», за фасадом которого, по существу, скрываются потенциальные конфликты, преимущественно достигается за счет подавления требований работников в условиях отсутствия полноценного механизма выявления и согласования интересов внутри предприятия, без которого невозможен равноправный конструктивный диалог между социальными партнерами. В этом состоит коренное отличие российской действительности от западных стран, где отрицательная динамика трудовых конфликтов, в т.ч. забастовок, есть результат не подавления или игнорирования требований работников, а все более широкого развития компромиссных форм согласования интересов в сфере трудовых отношений.

Таким образом, в России фактические показатели по многим индикаторам не вписываются в оптимальные интервалы, что свидетельствует о слабой эффективности государственной политики в сфере труда и кризисном состоянии социально-трудовых отношений. Наиболее проблемными местами являются нарушения законодательства в области занятости, неоправданные перекосы в оплате труда, слабая социальная активность работников по защите своих интересов.

Приоритеты государственной политики

При раскрытии теоретических и практических основ формирования новой трудовой модели целесообразно обратиться к международной практике и, прежде всего, к наработкам, сделанным в рамках Международной Организации Труда. Важнейшей из них является *концепция достойного труда в условиях глобализации*. Она была сформулирована в 1999 г. в докладе Генерального директора МБТ на 87 сессии Международной конференции и включает четыре составляющие: занятость, социальная защита, права трудящихся и социальный диалог. Занятость означает здесь любую работу и включает количественные и качественные аспекты. Достойный труд относится не только к занятым в формальной экономике, но и к наемным лицам в нерегулируемой экономике, самозанятым и надомным работникам. Кроме

того, он подразумевает достаточные возможности для получения работы, вознаграждения (деньгами и натурой) и охватывает безопасность и здоровые условия труда. В двух остальных компонентах подчеркиваются социальные отношения: основополагающие права трудящихся (свобода ассоциации, отсутствие дискриминации на работе, отсутствие принудительного и детского труда) и социальный диалог, в ходе которого трудящиеся реализуют право излагать свою точку зрения, защищать свои интересы и участвовать в обращениях с работодателями и органами власти, связанных с работой [13].

Во многих отношениях содержание «достойного труда» аналогично тому, что Европейский союз называет «качеством занятости». Такие аспекты достойного труда, как возможность работать и свобода выбора занятости, связаны с наличием работы и ее приемлемостью; другие аспекты – производительный труд, справедливость, защищенность и достоинство – с тем, насколько «достойна» имеющаяся и свободно выбранная работа. Помимо названных аспектов достойного труда важны также социально-экономические условия, определяющие содержание «достоинства» в данном обществе, а также то, в какой мере обеспечение достойного труда способствует повышению эффективности экономики, социальной сферы и рынка труда [12].

В то же время надо учитывать, что сравнительная значимость отдельных аспектов достойного труда весьма различна в странах и любой набор международно приемлемых рекомендаций движения в направлении достойного труда, предложенных МОТ, неизбежно будет носить общий характер. В рамках конкретных стран они должны быть дополнены конкретными разработками по изменению политики в социально-трудовой сфере [4].

Ведущая роль в преодолении кризисных явлений в трудовой сфере и налаживании цивилизованных социально-трудовых отношений в современной России должна принадлежать государству. Усиление *социальной направленности* государственного регулирования соответствует, с одной стороны, российским традициям сильного государства патерналистского типа, а с другой – общемировым трендам регулирования современной экономики.

Фундаментом идеологии и практики социально ориентированного регулирования социально-трудовых отношений является развитие общенациональной системы социально-экономических гарантий в сфере труда (минимум оплаты труда, продолжительность рабочего дня, продолжительность оплачиваемого отпуска, оплата сверхурочных, определенные гарантии занятости и т.д.). Эти права должны быть распространены на всей территории Российской Федерации, чем обеспечивается социальное единство всех регионов и территорий страны. Для повышения эффективности этой стороны деятельности государ-

ства ключевое значение приобретает не сужение набора социальных обязательств, а повышение эффективности law enforcement – институтов и механизмов принуждения к исполнению законов.

В области занятости в центр внимания должна быть поставлена принципиально иная политика – не сохранение занятости любой ценой, а создание новых рабочих мест, эффективных как с точки зрения продуктивности, так и с точки зрения качества занятости и оплаты труда. Сегодня в России *проблемой является не столько безработица, сколько неэффективная занятость*. Это связано с особенностями российской трудовой модели, в которой стабильности отдается приоритет по сравнению с зарплатой. Эта традиция тянется еще с советских времен, когда каждый обязан был заниматься обязательным общественно полезным трудом («кто не работает, тот не ест»). С переходом к рынку стабильность оказалась подорванной, но по сравнению с развитыми странами она остается весьма высокой. Опыт реформ показал, что люди предпочитают солидарно соглашаться на меньшую зарплату в обмен на получение гарантий от увольнения. Такая политика сохранения занятости любой ценой, особенно на старых предприятиях, консервирует неэффективность. В то же время в новую политику занятости должна быть встроена более широкая поддержка безработных. Суть принципиально нового подхода к регулированию трудовых отношений – в его гибкости, комплексности, в сочетании экономической эффективности и определенного минимума гарантий занятости [1].

Учитывая сложность и многоплановость теневых трудовых отношений, борьба с ними не может не быть комплексной. В то же время комплексный подход не отрицает иерархии проблем. Представляется, что в настоящее время экономика не является главным звеном в борьбе с теневыми отношениями. Самыми узкими местами, на наш взгляд, являются непрозрачность хозяйственной деятельности, коррупция контролирующих органов власти, слабость практики правоприменения и общий строй ценностных ориентаций всех слоев населения. Высокие ставки налогов здесь ни при чем: в большинстве западных стран и при более высоких ставках налоги более или менее исправно платят, а масштабы теневой экономики существенно меньше. Налоговые послабления должны сочетаться с постоянным повышением рисков и цены потерь для предпринимателей, использующих теневые расчеты с работниками.

Важным элементом становления цивилизованных трудовых отношений в российской экономике является *защита национального рынка труда от нелегальных мигрантов*. Сегодня иммиграция как основной путь решения проблемы дефицита трудовых ресурсов, да и вообще вывода страны из демографического кризиса, не имеет будущего. Поэтому акцент должен быть сделан на разумном использовании налич-

ных трудовых ресурсов и на усилении дифференцированного характера миграционной политики, а в перспективе – на обеспечении трудосберегающего инновационного пути экономического развития России. В системе насущных мер можно выделить следующие ключевые направления. Во-первых, отказ от уведомительного порядка миграционного учета, введенного взамен регистрации. Во-вторых, передача контроля за миграционными потоками, по возможности, на уровень региона и ниже. В-третьих, разработка, введение и контроль за соблюдением *антидемпингового законодательства*, которое запрещало бы работодателю намеренно снижать заработную плату.

В сфере оплаты труда. В настоящий момент оплата труда в стране одновременно страдает как от «переизбытка» статусной дифференциации, так и от недостатка профессионально-квалификационных различий. Поэтому следует ставить вопрос не столько о снижении уровня дифференциации до некоего «социально нормального», сколько об изменении качества дифференциации, а именно о придании ей профессионально-квалификационного характера. В современной экономике интенсивные процессы интеллектуализации труда, возрастание его творческого характера идут одновременно с сохранением в довольно ощутимых размерах исполнительского, неквалифицированного труда. Как следствие растут разрывы в квалификации работников и степени сложности труда, что, естественно, служит объективным основанием для усиления дифференциации в оплате. Могут возразить, что для России усиление фактора квалификации и образования в оплате приведет к дальнейшему росту ее дифференциации между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками, а она и так уже представляется избыточной. Это опасение является вполне обоснованным. Поэтому одновременно необходимо снижать дифференциацию по другим факторам – межотраслевым, межрегиональным. Для исправления перекосов в дифференциации следовало бы более сбалансировать верхние и нижние параметры зарплат россиян, т.е. усилить перераспределительные процессы. *С этой целью предлагается:*

- *изменить методику определения минимума оплаты труда.* МРОТ должен определяться не по отношению к прожиточному минимуму, а к средней заработной плате по народному хозяйству (не менее 40%), как это практикуется в большинстве европейских стран. Как показала более чем многолетняя практика российских реформ, пересмотр прожиточного минимума на протяжении этого периода определялся не потребностями повышения или, по крайней мере, сохранения минимально приемлемого уровня жизни низкодоходных групп населения, а соображениями целесообразности выделения ресурсов на эти цели. Преимущество

нового механизма состоит в том, что рост минимума оплаты не зависит от методики пересмотра прожиточного минимума и ставится на более объективную и стабильную основу;

- в коллективных договорах, заключаемых профсоюзами и администрацией, *ввести* в качестве обязательного пункт, регулирующий *максимально допустимую дифференциацию* между наиболее высокооплачиваемыми и наиболее низкооплачиваемыми группами работников;
- *ввести ограничения для окладов и прочих выплат топ-менеджерам предприятий через привязку этих выплат к зарплате* и выплатам наименее обеспеченным работникам. В полном объеме это предложение сегодня вряд ли реализуемо. Но есть смысл реализовать его хотя бы в отношении предприятий бюджетного сектора, а также частных корпораций, в т.ч. банковского сектора, которые получают финансовую поддержку от государства (как в США);
- восстановить прогрессивную шкалу подоходного налогообложения.

Наряду с государством, существенная роль в регулировании социально-трудовых отношений принадлежит бизнесу. На протяжении большей части постсоветского периода ведущим направлением политики бизнеса являлась стратегия минимизации затрат на рабочую силу. Но минимизационная стратегия – одна из многих стратегий бизнеса, причем не всегда самая выигрышная даже с чисто экономической точки зрения. Эта стратегия возможна только в определенных сегментах рынка: при фабричной организации труда с их «потогонной системой выжимания пота», в мелком полутеневом бизнесе с его беспощадной эксплуатацией этнокласса, либо в кризисный период как стратегия текущего выживания. Но представить себе такой подход для современных технологий трудно – слишком важен человеческий фактор. Экономия на издержках в этом случае означает непрофессионализм менеджмента.

Альтернативой стратегии минимизации является инвестиционная стратегия развития рабочей силы, связанная с социальными инвестициями, с развитием человеческого потенциала. Инвестиционная стратегия характеризуется следующими основными чертами: гарантированность основной части зарплаты; выбор устойчивых систем оплаты труда, в которых величина заработков зависит как от важнейших характеристик работников (образование, квалификация, опыт работы), так и от результативности их работы на предприятии; установление более высоких заработков (так называемой «эффективной заработной платы») как способ привлечения и удержания работников, стимулирование повышения квалификационного уровня рабочей силы на предприятии; постоянный и устойчивый характер надтариф-

ных стимулирующих выплат; предоставление социальных выплат и льгот, выходящих за сферу прямой оплаты труда.

Главными внутренними факторами, способствующими распространению этой стратегии, являются устойчивое финансово-экономическое положение предприятий и профессионализм менеджмента. При этом стагнационный вариант экономического поведения предприятия (ориентация на «выживание») в большей степени ориентирован на минимизационную стратегию. Развивающиеся же предприятия тяготеют к использованию инвестиционной стратегии. Многое будет зависеть от формирования «человеко ориентированной» институциональной среды, которая должна или стимулировать, или принудительно «навязывать» менеджменту проведение политики инвестирования в развитие наемного персонала. Для распространения инвестиционной стратегии акцент должен быть сделан на *механизмах институционального принуждения*:

- введение жестких законодательных норм, регламентирующих поведение бизнеса в отношении наемных рабочих, а также реализация мер по принуждению к исполнению этих норм;
- использование механизмов социального партнерства для достижения компромисса, выработки гибких, в том числе неформальных, правил взаимодействия бизнеса и работников;
- формирование договоренностей в рамках предпринимательских союзов относительно основных социальных функций бизнеса на корпоративном уровне [10].

В развитии социального партнерства необходимо прежде всего переходить от формально-показных к реальным формам. Это развитие должно происходить одновременно на всех уровнях (предприятие – отрасль – регион – народное хозяйство в целом) и базироваться на четком разграничении полномочий между верхними и нижними уровнями в системе коллективных соглашений. При этом задачи государства по институциональному обеспечению поиска согласия не заканчиваются с формальным созданием многоуровневой системы социального партнерства. Оно должно принять дополнительные экономические и организационные меры для принуждения субъектов социально-трудовых отношений к партнерству. В практическом плане важно создание эффективной и, главное, независимой от обеих сторон системы третейского суда (принудительного арбитража) для разрешения трудовых конфликтов [7].

Следует отметить, что в данном случае опыт западных стран, где государство мало вмешивается в отношения труда и капитала, в основном наблюдая за диалогом развитых организаций и традиционно не менее сильных профсоюзов, для России не актуален. В нашей стране государство должно быть не просто скромным модератором при диа-

логе, а организатором и активным полноправным участником процесса. В этом смысле трипартизм – взаимодействие государства, бизнеса и работников – наиболее адекватно отражает как раз российскую потребность.

Таким образом, повышение эффективности социальной политики требует ее переориентации на гуманизацию социально-трудовых отношений на основе мер 1) по реформированию общенациональной системы базовых социально-трудовых гарантий, прежде всего в области оплаты труда; 2) по стимулированию российского бизнеса к выбору инвестиционной стратегии развития рабочей силы; 3) по развитию реального социального партнерства в сфере труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоусов А. Антикризисные программы – временная мера, нужны стратегические решения / ТАСС. 26 мая 2016 г. <http://tass.ru/opinions/interviews/3314575>.
2. Вишневская Н.Т. Новая стратегия занятости в ОЭСР // Вестник международных организаций. 2009. № 1.
3. Капелюшников Р.И. Особенности российской модели рынка труда // Социальная политика в контексте «нормативной теории государства» / Под общ. ред. проф. А.Я. Рубинштейна. М.: ИЭ РАН, 2009. С. 53–88.
4. Карпунхин Д.Н. Достижение достойного труда при создании и модернизации рабочих мест. М.: ИЭ РАН, 2014.
5. Кудюкин П.М. Российское трудовое право // Социально-трудовые отношения: проблемы и перспективы / Под ред. Р. Гринберга, Р. Крумма. М.: Фонд «Национальная ассамблея», 2009. С. 79–83.
6. Соболев Э.Н. Динамика трудовых доходов и проблема забастовочной активности работников / Сер.: Научные доклады Института экономики РАН. М.: ИЭ РАН, 2015.
7. Соболев Э.Н. Социальное партнерство в России: эффективность и перспективы // Россия и современный мир. 2014. № 1. С. 6–20.
8. Соболев Э.Н., Соболева И.В. Тенденции и факторы дифференциации заработной платы в российской экономике // Вестник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. 2014. № 5. С. 33–50.
9. Соболева И.В. Реакция на кризис и стратегические риски в сфере труда // Журнал Новой экономической ассоциации. 2010. № 6. С. 148–149.
10. Соболева И.В., Баскакова М.Е., Дегтярь Л.С., Ржаницына Е.С., Соболев Э.Н. Социальная политика: факторы неэффективности и направления реформирования // Urbi et Orbi / Под общ. ред. Р.С. Гринберга,

- А.Я. Рубинштейна: в 3 т. СПб: Алетейя, 2014. Т. 2. Экономическая политика / Под ред. Д.Е. Сорокина. С. 515–570.
11. Экономическая безопасность России / Под ред. В.К. Сенчагова. М.: Дело, 2005.
 12. *Anker R., Chernyshev I., Egger P., Mehran F., Ritter J.* Measuring decent work with statistical indicators // Policy Integration Department Working Paper. ILO. Geneva, 2002. No. 2.
 13. *Ghai Dharam.* Decent work: Concepts, models and indicator// Discussion Paper. ILO. Geneva, 2002. No. 139.

E.N. SOBOLEV

doctor habilitatus in economics, leading research fellow of the Institute of economics of the Russian academy of sciences
edsobol@rambler.ru

SOCIAL POLICY IN THE SPHERE OF LABOUR: CRITERIA OF EFFECTIVENESS
AND DIRECTIONS OF MODERNIZATION

In the article a system of criteria of effectiveness for policy in the sphere of labour is presented. The system based upon the method of optimal intervals encompasses indicators of employment, wages and reconciliation of interests. It is demonstrated that in Russia the actual values of indicators lie outside the optimal intervals which is a signal of very low effectiveness of public policy in the sphere of labour and of labour relations crisis. The most problematic areas are violations of labour legislation, unjustified biases of labour remuneration, weak social activity of employees in protecting their rights. A system of institutional reforms aimed at modernization of the labour sphere with purpose of its humanization is substantiated.

Keywords: *effectiveness of labour policy, employment, wages, social partnership, trade unions, social and labour guaranties.*

JEL: J08, J21, J31, J52, J64.

Т.А. БАРАНЕНКОВА

кандидат экономических наук, старший научный сотрудник
Института экономики РАН

СТАРЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ И ЕГО СОЦИАЛЬНО- ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье на основе статистических данных анализируется процесс старения населения России, выявляются особенности данного процесса на современном этапе, а также его последствия. Рассматриваются пути преодоления негативных последствий «старения» трудового потенциала. Обосновывается необходимость более полного использования лиц пожилого возраста, создания условий для продления активного периода жизни, особенно у представителей профессий, требующих длительной и дорогостоящей подготовки.

Ключевые слова: *возрастная структура населения, пожилые люди, трудовая активность, социально-экономическая политика.*

JEL: J11, J14.

Одной из важнейших тенденций развития современного российского общества является старение населения, т.е. увеличение в его составе доли людей старше трудоспособного возраста (в результате снижения смертности в старших возрастах и роста общей продолжительности жизни) и уменьшение количества детей и молодежи, как следствие снижения рождаемости. В демографической литературе первое принято называть старением «сверху», второе – старением «снизу».

Старение населения тесно связано с естественным биологическим процессом старения человека, однако эти понятия далеко не однозначные. Старость человека предопределяется его возрастом¹, а старение населения определяется показателем удельного веса группы лиц определенного возраста (например, 60 лет и старше) в общей числен-

¹ По мере исследования тайны механизма старения человека, изучения совокупности факторов этого процесса планка начального старения человека поднимается все выше. Так, мужчины 50-ти лет, именуемые в художественных произведениях писателей XIX в. «стариками», в настоящее время уже таковыми не являются. По документам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), возраст от 60 до 74 лет рассматривается как пожилой; 75 лет и старше – это старые люди, 90 лет и старше – долгожители.

Таблица 1

**Динамика численности российского населения и показатели,
характеризующие процесс его старения**

	Годы				
	1989	2002	2010	2014	2015
Все население (тыс. чел.)	147022	145167	142857	143667	146267
в том числе:					
мужчины	68714	67605	66047	66547	67772
женщины	78308	77562	76810	77120	78495
Средний возраст всего населения (лет)	34,9	37,6	38,9	39,4	39,5
Удельный вес лиц в возрасте 60 лет и старше в общей численности населения (%)	15,3	18,5	18,2	19,4	19,9
в численности населения 60 лет и старше (%):					
удельный вес лиц в возрасте 70 лет и старше	42,8	46,5	54,6	48,9	46,0
удельный вес лиц в возрасте 80 лет и старше	11,8	9,9	16,1	15,8	15,2

Источник: Демографический ежегодник России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 15, 20–21, 32.

ности населения. Польский демограф Эдвард Россет предложил за начальный уровень старения общества принять показатель, равный 12%, за средний – 14–16, за высокий – 16–18, за очень высокий уровень старения населения – 18% и более. Как видно из табл. 1, Россия в начале XXI в. «достигла» последнего уровня, а в 2015 г. он приблизился уже к 20%².

В качестве дополнительного показателя, характеризующего старение населения, на наш взгляд, можно рассматривать повышение среднего возраста всего населения и изменения удельного веса населения в возрасте 70 лет и старше, 80 лет и старше в численности населения 60 лет и старше. Динамика последних показателей за период с 1989 г. по 2015 г. показывает, происходит ли старение и самого населения старших возрастов.

Факторы старения населения и отдельного человека не одинаковы. Старение населения во многом – результат социальных факторов, про-

² В настоящее время, по обобщенной характеристике ООН, общество считается активно стареющим в случае, когда доля людей в возрасте, превышающем 65 лет, составляет больше 7% от всего населения. В России эта цифра в 1989 г. равнялась 9,6, а в 2015 г. – 13,5%.

являющихся через демографические факторы, в то время как старение индивида – результат затухания физиологических процессов в его организме. К сожалению, последний процесс необратим, в то время как население, общество, в определенных условиях, на какое-то время может даже «помолодеть»³.

Демографическое старение населения – это, с одной стороны, результат необратимых изменений в рождаемости (сокращение числа рождений одной женщиной на протяжении ее репродуктивного периода) и, с другой – сокращение смертности в старших возрастных группах, что отражается на показателях продолжительности жизни.

Старение населения в большей степени характерно для развитых стран, в меньшей – для развивающихся. Оно происходит фактически повсеместно и в настоящее время довольно быстрыми темпами.

Еще в 1982 г. Генеральной Ассамблеей ООН был единогласно одобрен план действий, касающихся проблем старения. Было рекомендовано строить политику в отношении пожилых, исходя из следующих оснований – необходимости признания, что постепенное старение общества является результатом социально-экономического развития, а также с учетом того факта, что потребности, способности и возможности людей не становятся меньше с увеличением продолжительности их жизни. Было подчеркнуто, что поскольку возрастает число людей, являющихся здоровыми и социально активными, необходимо использовать этот ресурс на благо общества и самих лиц «третьего возраста», создавать для них возможности для самовыражения путем привлечения их к участию в различных сферах жизни.

Особенности старения российского населения

Старение населения в России имеет ряд особенностей. Если в большинстве европейских стран этот процесс происходит в условиях низкой рождаемости, низкой смертности и высокой средней продолжительности жизни населения, то в России он протекает при низкой рождаемости, высокой смертности и низкой, по сравнению с другими развитыми странами, средней продолжительности жизни. В 2014 г. ожидаемая продолжительность жизни в России составляла для мужчин 65,3, для женщин 76,5 лет, в то время как, например, в Швеции – 80,2 и 83,8, в Великобритании – 79,2 и 82,9, в Ирландии – 79,0 и 83,1 лет соответственно (2013 г.).

³ Наличие явлений старения в организме человека замечается с 45 лет, хотя старость начинается, согласно, например, немецкому патологоанатому Ашоффу и американскому демографу Боуту, с 65 лет.

Важная особенность старения российского населения на современном этапе развития – сохранение значительных диспропорций старших возрастных групп по половому признаку, которые в последнее время несколько сгладились, но очень незначительно. Гендерный дисбаланс возрастной структуры в России выражен значительно сильнее, чем, например, в Западной Европе, и даже во всех бывших союзных республиках (см. табл. 2).

Таблица 2

**Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в России
и бывших республиках Советского Союза**

Страны	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении в 2014 г., лет		
	мужчины	женщины	разница между мужчинами и женщинами
Россия	65,3	76,5	11,2
Азербайджан	71,6	76,8	5,2
Армения	71,8	78,1	6,3
Беларусь	67,8	78,4	10,6
Республика Молдова	67,5	75,4	7,9
Латвия*	69,3	78,9	9,6
Литва*	68,5	79,6	11,1
Казахстан	66,9	76,5	9,6
Киргизия	66,5	74,5	8,0
Украина	66,3	76,4	10,1
Узбекистан*	71,1	75,8	4,7
Таджикистан	71,6	75,4	3,8
Эстония*	72,8	81,7	8,9

Источник: Демографический ежегодник России: стат. сб./ Росстат. М., 2015. С. 260–262.

* Данные по Латвии, Литве, Эстонии и Узбекистану приведены за 2013 г.

В соответствии с данными демографического прогноза ожидаемой продолжительности жизни при рождении, приведенными в Демографическом сборнике (с. 250), эта разница между мужчинами и женщинами в России будет постепенно снижаться. Так, например, к 2025 г. она составит (по низкому варианту прогноза) 11,2 года, по среднему – 9,8, по высокому – 8,6 лет; к 2030 г. – 10,9; 9,3; 7,8 лет и к 2035 г. – 10,6, 8,8 и 7,1 года соответственно. Согласно данным демографического прогноза, величины ожидаемой продолжительности жизни при рожде-

нии приблизятся к достигшим на сегодня аналогичным показателям развитых стран только к 2035 г. и составят (по среднему варианту прогноза) для женщин 80,3, по высокому – 81,7 лет, а для мужчин – соответственно 71,5 и 74,6 лет.

Процесс старения населения в России отличается также большим территориальным разнообразием (учитывая огромные просторы нашей страны). Интенсивность постарения населения, как правило, возрастает в направлении с востока на запад и с севера на юг, что связано с территориальными особенностями режима естественного воспроизводства, а также в значительной степени – с миграционными потоками населения, в том числе молодежи. Отток ее из сельской местности в города также оказывает непосредственное влияние на степень старения сельского населения, которое отличается от городского.

Изучение процесса старения российского населения, учет его особенностей, в том числе региональных, отличающихся большим разбросом показателей рождаемости, смертности и миграции, становится важным фактором, определяющим формирование, цели, задачи, содержание социальной политики в отношении самих престарелых людей во взаимосвязи также с другими, более молодыми категориями населения, а также ее корректировки.

Социально-экономические и демографические последствия старения населения

Старение населения имеет ряд негативных последствий: приводит к ухудшению базы для расширенного воспроизводства населения, к ухудшению соотношения между численностью работающих и неработающих людей, к увеличению, при прочих равных условиях, нагрузки на лиц, занятых в сфере труда (см. табл. 3).

Если в 1989 г. население в возрасте 0–15 лет составляло 24,5% в общей численности населения, то в 2015 г. – 17,6%. Удельный вес населения в трудоспособном возрасте в 1989 г. был равен 57,0%, в 2015 г. – 58,4%, а населения старше трудоспособного возраста – 18,5 и 24,0% соответственно.

Увеличение удельного веса лиц пожилого возраста в составе населения приводит к определенным изменениям в масштабах и структуре заболеваемости, требует более высоких затрат на медицинскую помощь, на социальное обслуживание и пенсионное обеспечение. Известно, что для лиц старшего возраста свойственны ухудшение здоровья, уменьшение физических сил, изменение психических функций (замедление скорости реакции, ухудшение памяти, снижение зрения и слуха и т.д.).

Таблица 3

**Динамика численности населения разных возрастных групп
в Российской Федерации, тыс. чел.**

	Годы					2015 г. к 1989 г. (в %)
	1989	2002	2010	2014	2015	
Население в возрасте 0–15 лет	35995	26327	23126	24717	25689	71,37
Мужчины в возрасте 16–59 лет и женщины в возрасте 16–54 лет	83746	88942	87983	85162	85415	102,0
Мужчины в возрасте 60 лет и более и женщины в возрасте 55 лет и более	27196	29778	31714	33789	35163	129,3
Коэффициент демографиче- ской нагрузки (в %)	75,45	63,08	62,33	68,70	77,45	102,65

Источник: рассчитано по данным: Демографический ежегодник России: стат. сб. /Рос-
стат. М., 2015. С. 20–21.

Старение населения требует повышения экономических расходов со стороны государства на содержание лиц пожилого возраста, прежде всего на выплату пенсий. Активизация процесса старения населения предъявляет более высокие требования к разным видам необходимого обслуживания данного контингента (медицинского, бытового, рекреативного, культурного и др.).

Оказание специализированной социальной помощи престарелым, своевременное предоставление базовых социальных услуг (что входит в функции социального государства, выступающего гарантом обеспечения населения, в том числе людей пожилого возраста) диктует необходимость качественной перестройки этих систем, дальнейшего улучшения работы социальных, экономических, правовых, культурных и др. институтов, требует повышения капитальных вложений, увеличения численности обслуживающего персонала и т.д.

Процесс старения населения сопровождается снижением мобильности трудовых ресурсов в профессиональном, квалификационном, территориальном разрезах. Кроме того, у лиц старших возрастных групп (в силу ухудшения медицинских показаний) в большинстве случаев снижается работоспособность, адаптация к социально-экономическим преобразованиям, к технологическим и информационным изменениям в условиях модификации экономики, а также возможность получить новую специальность, повысить образовательный уровень.

Характерно, что наряду с психофизиологическими изменениями происходят также изменения в социальной жизни пожилого человека – меняется его статус (в связи с выходом на пенсию), положение в

обществе и в семье, ухудшается материальное состояние. Для многих обостряется проблема одиночества. В России постоянно увеличивается число нуклеарных семей, в результате чего в настоящее время 6,7 млн пожилых людей проживают отдельно. Многие из них не получают необходимого внимания и поддержки со стороны родных и близких, при этом удельный вес одиноких престарелых постоянно растет.

Со старением населения увеличиваются диспропорции между численностью мужчин и женщин. Если в 1989 г. на одну тысячу мужчин в возрасте 25–59 лет приходилось 1102 женщины того же возраста, то на одну тысячу мужчин в возрасте 80 лет и более приходилось 4238 женщин. В 2014 г. эти показатели составляли соответственно 1086 и 3203 женщин.

Таким образом, абсолютное и относительное увеличение доли людей пожилого и старшего возраста влечет за собой для всего общества целый ряд социально-экономических и демографических последствий.

Резервы роста трудового потенциала с учетом тенденций старения населения

К сожалению, процесс старения населения «снизу» (из-за низкой рождаемости), по крайней мере в ближайшей перспективе, будет продолжаться, поскольку сложившиеся в постсоветской России репродуктивные установки семьи быстро измениться не могут.

Развал Советского Союза, последующие кризисы, охватившие многие стороны общественной жизни, оказали существенное влияние на семью, процесс разрушения которой идет полным ходом. Это проявляется, в частности, в росте незарегистрированного сожительства, так называемых «гостевых» браков, и сокращении зарегистрированных, сроки заключения которых отодвигаются на более поздний возраст, как со стороны мужчин, так и со стороны женщин; наметилась тенденция роста разводов, что увеличивает число неполных, неблагополучных в материальном отношении семей. В связи с тяжелыми социально-экономическими условиями нередко происходит откладывание рождений. В то же время наблюдается рост внебрачных детей (см. табл. 4), однако он не компенсирует суммарный коэффициент рождаемости, необходимый для обеспечения процесса нормального воспроизводства. По-прежнему число родившихся детей у несостоявших в зарегистрированном браке женщин, проживающих в сельской местности, значительно больше, чем у проживающих в городах. В 2014 г. эти показатели составили соответственно 27,17 и 20,77%.

Всоздавшихся условиях, характерных для старения населения «снизу», важное значение приобретает дальнейшее сокращение смертности

Таблица 4

Динамика показателей браков, разводов и рождаемости

	Год				
	1990	2002	2010	2013	2014
Количество браков на 1000 чел. населения	8,9	7,1	8,5	8,5	8,4
Количество разводов на 1000 чел. населения	3,8	5,9	4,5	4,7	4,7
Общий коэффициент рождаемости	13,4	9,7	12,5	13,2	13,3
Суммарный коэффициент рождаемости в среднем на одну женщину	1,89	1,29	1,57	1,71	1,75
Отношение родившихся вне зарегистрированного брака ко всем родившимся живыми (%)	14,6	29,45	24,86	22,99	22,57
Средний возраст матери при рождении детей (лет)	25,3	26,1	27,7	28,0	28,1

Источник: рассчитано автором по данным: Демографический ежегодник России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 45, 50, 67, 68–69; Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 91.

Таблица 5

Динамика умерших в трудоспособном возрасте

Год	Всего, чел.			На 1000 человек соответствующего пола и возраста		
	мужчины и женщины	мужчины	женщины	мужчины и женщины	мужчины	женщины
1960	257674	173629	84045	3,8	5,5	2,3
1990	409883	329553	80330	4,9	7,6	2,0
1995	671779	552985	118794	8,1	12,8	3,0
2000	630982	504564	126418	7,3	11,5	2,9
2005	739905	590752	149153	8,3	13,0	3,4
2010	556841	443745	113096	6,3	9,9	2,6
2011	522833	415486	107347	6,0	9,3	2,5
2012	496312	394762	101550	5,8	8,9	2,4
2013	478659	381058	97601	5,6	8,6	2,4
2014	484172	385701	98471	5,7	8,7	2,4

Источник: Демографический ежегодник России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 82.

населения как в младенческом возрасте (которая, несмотря на позитивные тенденции, еще велика), так и в последующих возрастах (см. табл. 5).

В период 1995–2005 гг. Россия понесла большие потери населения за счет умерших в трудоспособном возрасте, как женщин, так и осо-

бенно мужчин. В последние годы по сравнению с этим периодом происходит сокращение абсолютного числа умерших мужчин и женщин трудоспособного возраста. Прослеживается уменьшение относительных величин данных показателей по мужской смертности и фактически стагнация по женской.

Удельный вес умерших мужчин в среднем значительно превышает удельный вес умерших женщин. Тревогу в отношении этого явления, которое наблюдается в России уже много лет, еще в 1968 г. высказал д.э.н., проф. Б.Ц. Урланис [1]. Особенно велико это превышение (как видно из табл. 6) в возрасте от 20 до 40 лет.

Таблица 6

Сравнение абсолютных и относительных показателей умерших мужчин и женщин определенных возрастных категорий в 2014 г.

Возраст, лет	Число умерших (чел.)		Удельный вес умерших в численности населения соответствующего пола и возраста (%)		Превышение умерших мужчин в сравнении с умершими женщинами (разы)
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	
15–19	3815	1618	0,10	0,04	2,5
20–24	10955	2929	0,22	0,06	3,7
25–29	22548	6625	0,36	0,11	3,3
30–34	34191	10546	0,59	0,18	3,3
35–39	41039	13177	0,79	0,24	3,3
40–44	42049	14848	0,89	0,30	3,0
45–49	48826	18183	1,12	0,38	2,9
50–54	78428	30797	1,52	0,51	3,0
55–59	104304	46422	2,24	0,78	2,9

Источник: рассчитано автором по данным: Демографический ежегодник России: стат. сб. /Росстат. М., 2015. С. 20–21, 75.

Проведенный анализ смертности мужского и женского населения трудоспособного возраста, основанный на данных статистики, показал, что по-прежнему основную долю причин смерти составляют болезни системы кровообращения; большая доля смертности также от новообразований и от внешних причин. За последние годы, правда, наметилась устойчивая тенденция снижения смертности от этих и др. причин среди мужчин и женщин. Однако нельзя не отметить, что, например, в связи с внешними причинами смерти (случаи отравления алкоголем, все виды транспортных несчастных случаев, самоубийств, убийств) число смертей среди мужчин в 5 раз превышает число смер-

тей среди женщин. Снижение смертности от этих заболеваний, особенно в молодом возрасте и прежде всего среди мужского населения, таит большие резервы повышения продолжительности жизни. Необходимо также проведение мер по раннему выявлению онкозаболеваний и их профилактике в целях дальнейшего сокращения смертности от данных болезней, особенно среди контингентов трудоспособного возраста.

Несмотря на положительную динамику возрастных коэффициентов смертности, как в городской, так и в сельской местности, снижение которых в 2014 г. по сравнению с 2011 г. наблюдается по всем возрастным группам (за исключением 35–39-летних), величина коэффициентов смертности на селе по-прежнему превышает городские, особенно значительно среди возрастной категории 20–24 и 15–19 лет – в 1,83 и 1,57 раза соответственно. Заметим, что повышение коэффициента смертности городского населения в возрасте 35–39 лет прослеживается не только в отношении мужчин, но и женщин (см. табл. 7).

Таблица 7

Возрастные коэффициенты смертности городского и сельского населения в 2011–2014 гг.

Возраст, лет	Городское население			Сельское население		
	Все население	из них:		Все население	из них:	
		мужчины	женщины		мужчины	женщины
15–19	0,7/0,7	0,9/0,9	0,4/0,4	1,3/1,1	1,8/1,4	0,8/0,6
20–24	1,4/1,2	2,1/1,9	0,7/0,5	2,3/2,2	3,4/3,2	1,0/0,9
25–29	2,5/2,1	3,8/3,3	1,2/1,1	3,2/2,9	4,8/4,2	1,5/1,3
30–34	4,0/3,6	6,2/5,6	1,8/1,7	4,6/4,2	6,9/6,3	2,2/2,0
35–39	4,8/4,9	7,5/7,7	2,2/2,3	5,5/5,4	8,2/8,1	2,7/2,6
40–44	5,7/5,5	8,7/8,5	2,9/2,8	6,8/6,3	10,1/9,4	3,3/3,2
45–49	7,6/7,0	12,0/10,9	3,8/3,7	9,1/7,9	13,6/11,9	4,5/4,0
50–54	10,4/9,5	16,7/15,0	5,4/4,9	12,1/10,7	18,1/16,0	6,3/5,7
55–59	14,8/13,4	24,1/21,7	8,0/7,3	17,5/15,3	26,3/22,9	9,8/8,5

Источник: Демографический ежегодник России: стат. сб. /Росстат. М., 2015. С. 78, 79.

Именно наличием многих хронических заболеваний можно объяснить значительное отставание России от развитых стран по показателю ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В России, по сравнению с Центральной Европой, заболеваемость выше почти в 1,4 раза, по сравнению с США и Западной Европой – почти в 1,7 раза, по сравнению с Китаем и Японией – почти в 1,8 и 1,9 раза соответственно.

Государственные расходы на здравоохранение у нас по-прежнему значительно ниже, чем в развитых странах. Общий коэффициент заболеваемости (на 1000 чел. населения) в России продолжает расти – он составлял в 1992 г. 614,6, в 2000 г. – 730,5, в 2010 г. – 780,0, в 2014 г. – 787,1⁴. Поэтому, на наш взгляд, необходимо дальнейшее реформирование системы здравоохранения, повышение качества и доступности медицинской помощи. Акцент в организации медобслуживания и использовании ресурсов целесообразно сделать на предупреждении и раннем выявлении заболеваний (что сейчас позволяют новые медицинские технологии), с тем чтобы не допускать затяжных заболеваний и предупредить последующее, нередко дорогостоящее лечение.

Член-корр. РАН, профессор В. Хавинсон, главный геронтолог Санкт-Петербурга, директор Санкт-Петербургского института биорегуляции и геронтологии, утверждает, что генетически человеку отпущен срок 100-120 лет, но нарушения человеком естественных биоритмов, неблагоприятная экология, неправильное питание, вредные факторы на производстве, стрессы и прочее ведут к сокращению продолжительности жизни и к ускоренному старению. Он считает, что от генетики здоровье зависит на 25–30%, остальное определяет образ жизни. Например, культурные люди, как он полагает, живут дольше, поскольку более внимательно относятся к своему здоровью. Так, Петербург, где достаточно высокий уровень культуры, является самым «старым» крупным городом России – здесь проживает 1 млн 100 тыс. человек, отметивших 60-летие (более 22% от общего числа горожан). Среди них 54,9% – от 60 до 70 лет; 28,9% – от 70 до 80 лет; 14,2% – от 80 до 90; 2% – от 90 до 100; свыше 100 лет – 311 человек [2].

Создание условий для эффективного использования услуг пожилых людей на рынке труда

Преодоление последствий старения трудового потенциала требует проведения своевременной масштабной целенаправленной работы по повышению профессиональной мобильности, квалификации, переподготовке, внедрению систем непрерывного образования для лиц средних и старших возрастных групп в составе населения трудоспособного возраста, что позволит сделать их более конкурентоспособными на рынке труда.

В 1991 г. Резолюцией 46/91 Генеральной Ассамблеей ООН были приняты принципы в отношении пожилых людей. К ним, в частности, относятся следующие основные положения: пожилые люди должны иметь возможность работать или заниматься другими видами деятельности,

⁴ Россия в цифрах: стат. сб. / Росстат. М., 2016. С. 158.

приносящими доход; пожилые люди должны иметь возможность участвовать в определении сроков и форм прекращения трудовой деятельности; участвовать в соответствующих программах образования и программах профессиональной подготовки; делиться своими знаниями и опытом с представителями молодого поколения; иметь возможность для всесторонней реализации своего потенциала; иметь доступ к возможностям общества в области образования, культурной жизни и отдыха.

Как известно, демографический прогноз Росстата (его средний вариант) до 2030 г. предусматривает ежегодное сокращение трудоспособного населения на 0,6% при сохранении общей численности населения, которая будет составлять свыше 147 млн человек. Величина удельного веса работников трудоспособного возраста будет равна 53,6%, моложе трудоспособного – 18,0%, а старше трудоспособного возраста – 28,4%, причем последний имеет тенденцию к дальнейшему росту. Дефицит работников стимулирует большую активность в поисках внутренних резервов рабочей силы. Для предотвращения снижения численности рабочей силы – одного из главных источников экономического роста – необходимо создать условия для более рационального использования населения в пенсионном возрасте.

В постсоветской России этому способствовали, в частности, меры законодательного характера, позволившие всем работающим пенсионерам наряду с заработной платой получать пенсию в полном размере, а также предоставить возможность работать неполный рабочий день, работать на дому и т.д. Значительным увеличением экономической активности пожилых людей характеризовались 1990-е годы.

Как показывают обследования, основным мотивом продолжения трудовой деятельности российских пенсионеров выступает получение дополнительного дохода (кстати, как и у пенсионеров развитых стран); наряду с необходимостью самообеспечения и необходимостью материальной помощи семье, детям, называются также интерес, любовь к своей работе, желание быть в коллективе и полнее реализовывать свои знания и умения и др.

В США еще в 1967 г. были утверждены новые принципы занятости, учитывающие способности человека, а не его возраст. В настоящее время во многих странах (в Канаде, Франции, Нидерландах и др.) в рекламных объявлениях о трудоустройстве запрещено указание верхних возрастных ограничений, тогда как в постсоветской России дискриминация по возрасту при трудоустройстве нередко начинается даже задолго до наступления пенсионного возраста.

Возраст перехода на пенсию по старости, как правило, является пределом трудоспособного возраста, тем не менее свыше трети пенсионеров и в настоящее время продолжают работать, что позволяет им повысить качество и уровень жизни (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика численности пенсионеров и размеры их пенсионного обеспечения (2000–2014 гг.)

	2000	2005	2010	2011	2012	2013	2014
Численность пенсионеров, состоящих на учете в системе Пенсионного фонда Российской Федерации, тыс.чел.	38411	38313	39706	40162	40573	41019	41456
Удельный вес численности работающих пенсионеров в общей численности пенсионеров, %	15,9	22,4	31,2	32,4	33,7	34,9	36,0
Средний размер назначенных пенсий, руб.	694	2364	7476	8203	9041	9918	10786
Величина прожиточного минимума пенсионера, руб.	909	2418	4521	5032	5123	5998	6617

Источник: Российский статистический ежегодник: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 149, 150.

Вместе с тем данный резерв трудового потенциала для удовлетворения потребности народного хозяйства в дополнительной рабочей силе, из-за недостаточной проработанности этой проблемы, используется еще далеко не в полном объеме. Продолжить трудовую карьеру удастся не всем желающим, в том числе из-за сложившихся негативных стереотипов о возможностях пожилого работника.

5-я Международная конференция по образованию взрослых (1997 г.) приняла Гамбургскую декларацию об обучении взрослых, которая провозглашает обучение на протяжении всей жизни правом каждой отдельно взятой личности. Ключевыми принципами непрерывного образования определены: новые базовые знания и навыки для всех; увеличение инвестиций в человеческие ресурсы; инновационная методика преподавания и учения; развитие наставничества и консультирования, приближающих образование к дому.

В 2014 г. в Воронеже Президент Российской Федерации В.В. Путин провел заседание президиума Государственного совета РФ, посвященное вопросам развития системы социальной защиты граждан пожилого возраста⁵. Правительству Российской Федерации было поручено, в частности, разработать и утвердить стратегию действий в интересах граждан пожилого возраста, направленную на стимулирование активного долголетия, улучшение качества жизни, исполь-

⁵ Материалы Государственного совета РФ «О развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста». 5 августа 2014 г.

зование знаний, опыта и трудового потенциала старшего поколения как важного ресурса экономического роста страны⁶.

Нельзя не отметить, что в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. [3] проблема старения населения ограничивается только одним упоминанием. Среди мер по реализации концепции данная проблема не рассматривается. Между тем преодоление последствий старения трудового потенциала требует своевременного проведения большой целенаправленной работы по созданию условий для добровольного дальнейшего продолжения труда лиц старших возрастных групп. Особенно важно научиться продлевать трудовой период жизни у представителей профессий, требующих довольно длительной и дорогостоящей подготовки (работники науки, образования, культуры, специалисты в области техники, электроники и т.д.).

Конечно, интересы экономики требуется сочетать с интересами самих пожилых людей, предоставлять им право выбора – продолжать работать или выходить на заслуженный отдых. В последнем случае резко меняется положение человека в обществе, его социальная роль, отношение с окружающими, ритм жизни и т.д. Доказано, что если работа соответствует физическим возможностям пожилого человека, она помогает ему сохранить физическое и психическое здоровье. Не секрет, что в ряде случаев уход с работы выбивает человека из привычной жизненной колеи, приводит к преждевременному угасанию жизненных сил, а иногда заканчивается трагически.

В последующее 10-летие рост доли пожилых людей будет обогнать рост численности населения в целом. В то же время отодвигается

⁶ В соответствии с поручением Президента России по итогам заседания президиума Госсовета о развитии системы социальной защиты граждан пожилого возраста 5 августа 2014 г. Минтрудом России разработан документ (№ Пр-2159 от 9 сентября 2014 г., подпункт «а» пункта 1). Подписанным распоряжением утверждена Стратегия действий в интересах граждан старшего поколения до 2025 г. Стратегией определяются цели, принципы, задачи и приоритетные направления государственной социальной политики в отношении граждан старшего поколения.

Ключевые цели Стратегии – устойчивое повышение продолжительности, уровня и качества жизни граждан старшего поколения, стимулирование их активного долголетия.

Приоритетные направления Стратегии: стимулирование занятости граждан пожилого возраста; повышение уровня их финансовой грамотности; обеспечение доступа граждан пожилого возраста к информационным и образовательным ресурсам; развитие современных форм социального обслуживания, совершенствование системы охраны здоровья, развитие рынка социальных услуг, защита прав граждан старшего поколения; формирование условий для организации досуга пожилых людей; применение дифференцированного подхода к определению форм социальной поддержки граждан старшего поколения (Правительство России. <http://government.ru/docs/21692>).

сама граница старости. Очень важно, чтобы рост продолжительности жизни одновременно сопровождался и ростом активного периода жизни человека. Нельзя не согласиться с высказываемым в экономической литературе мнением о необходимости формирования цивилизованного рынка труда для людей старшего возраста (условия для смены профессии, повышения квалификации, справедливая заработная плата), создание условий для возможности изменений в трудовом законодательстве, в том числе и относительно прав работников пенсионного возраста, создания новых институтов и механизмов защиты людей старшего возраста от кризисных явлений [4].

Проблемы определения возрастных границ выхода на пенсию на современном этапе развития

В качестве пути преодоления негативных последствий старения общества в экономической литературе в настоящее время предлагается сокращение численности пенсионеров путем повышения возрастных границ выхода на пенсию. Поскольку увеличение продолжительности предстоящей жизни потенциально увеличивает и ее активный период – период работоспособности, правительства ряда стран (США, Канады, Великобритании и др.) еще в 1990–2000 гг. в условиях дефицита рабочей силы начали поощрять отсрочку выхода на пенсию, используя финансовые стимулы, вводя законодательное повышение пенсионного возраста.

В нашей стране установлен самый низкий пенсионный возраст по сравнению с развитыми странами, а также со странами, достигшими примерно такого же уровня экономического развития, как Россия. Так, в Чехии пенсионный возраст установлен для женщин 59–63 года и для мужчин 63 года; в Словакии, Польше, Эстонии – 62 и 62; 60–67 и 65–67; 62–65 и 63–65 лет соответственно; недавно повышены возрастные границы выхода на пенсию в Республике Беларусь.

В последнее время некоторые экономисты, например, В. Мау, выступают за повышение пенсионного возраста в России до 65 лет, что якобы важно не столько для экономии бюджетных средств на пенсиях, а прежде всего в связи с существенным приращением населения трудоспособного возраста, которое в этом случае может увеличиться к 2024 г. на 9 млн работников. Кроме того, повышение пенсионного возраста даст возможность увеличить пенсии лицам старших пенсионных возрастов [5].

Однако, учитывая, что и в настоящее время более трети пенсионеров (мужчины, достигшие 60 лет и женщины – 55 лет) продолжают работать (прежде всего из-за низкого жизненного уровня), ждать большого прироста работников в сфере общественного хозяйства и др.

сферах в связи с более поздним официальным их выходом на пенсию, на наш взгляд, не приходится. Доход (пенсия + заработная плата) рассматриваемой категории населения в случае повышения пенсионного возраста значительно сократится, поскольку пенсию придется ждать несколько лет. Есть сомнение и в том, что полученная в этом случае экономия пенсионного фонда пойдет именно на повышение пенсий старшим пенсионным возрастам.

Лишение в связи с повышением пенсионного возраста половины дохода (т.е. пенсии) и получение небольшой заработной платы очень осложнит жизнь многих людей и заставит их обратиться в систему социальной защиты. Государству придется оказывать им помощь через программу борьбы с бедностью, поэтому, как справедливо отмечается в литературе, здесь никакого фискального эффекта не будет [6].

С увеличением возраста, из-за обострения хронических заболеваний, увеличивается число людей, оформивших пенсию по инвалидности. Кроме того, следует также иметь в виду, что в условиях определенного дефицита мест в детских садах и недостаточной развитости государственного и муниципального обслуживания пожилых людей многие женщины, достигшие 55-летнего возраста, не смогут продолжать работу в связи с необходимостью ухода за малолетними внуками (позволяя тем самым выйти на работу своим дочерям), либо ухода за престарелыми больными родителями.

Нельзя не учитывать, что в настоящее время в России только $\frac{2}{3}$ мужчин доживают до пенсионного возраста, до 65 лет – чуть более половины; несколько лучше положение у женщин, о чем свидетельствует данные табл. 9.

Таблица 9

Основные показатели таблиц смертности

Возраст, лет	Число доживающих до данного возраста					
	2010		2013		2014	
	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины	муж- чины	жен- щины
0	100000	100000	100000	100000	100000	100000
50	78283	92089	80693	92757	80722	92786
55	71312	89392	74678	90439	74794	90449
60	62502	85384	66824	87027	66950	87058
65	51828	79898	56717	82161	57009	82304

Источник: Демографический ежегодник России: стат. сб. / Росстат. М., 2015. С. 80–81.

Вместе с тем по продолжительности здоровой жизни российские женщины в старших и пожилых возрастах уступают российским мужчинам (о чем свидетельствуют данные различных обследований). И это, как правильно отмечается в экономической литературе, необходимо в дальнейшем учитывать при определении возрастных границ выхода на пенсию [8].

Если в нашей стране среднестатистическому 65-летнему мужчине остается жить в среднем 13,2 года, то в Германии – 18,2, в Великобритании – 18,6, во Франции – 19,1, в Японии – 18,9 лет; среднестатистическая россиянка того же возраста проживет еще 17,5 лет, немка – 21,1 год, англичанка – 20,9, француженка – 23,4, японка – 23,8 лет.

Одним из аргументов сторонников повышения пенсионного возраста является постоянное увеличение в России ожидаемой продолжительности жизни. Однако необходимо согласиться с профессором А. Соловьевым, что рост данного показателя в большей степени характерен для лиц моложе трудоспособного возраста, в меньшей – для лиц трудоспособного возраста и совсем незначителен в группе старше трудоспособного возраста. Так, в 2013 г. по сравнению с 2002 г. абсолютный прирост данного показателя составил в среднем: по I-ой группе для мужчин 6,03 и для женщин 4,01, для II-ой – 4,50 и 3,61 и для III-ей – 1,46 и 1,36 лет соответственно [7].

Если Россия в данном вопросе будет следовать политике развитых стран, то, видимо, у нас будет более целесообразным продление трудовой деятельности пожилого контингента осуществлять посредством постепенного повышения пенсионного возраста, учитывая при этом и интересы государства, и населения. Необходимо тщательно подготавливаться к этому процессу, создать соответствующие условия для эффективного использования услуг пожилых людей на рынке труда, повысить их конкурентоспособность, рационально организовать для них работы на дому, работы на полставки и т.д.

Следует также иметь в виду, что среди пенсионеров есть значительный процент получателей досрочных (льготных) пенсий по условиям труда – работавших в тяжелых и вредных условиях труда (на подземных работах, в горячих цехах и т.д.), в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях. Повышать этой категории работников возраст выхода на пенсию одинаковыми темпами (как для всех пенсионеров) невозможно, поскольку здесь необходимо тщательное проведение исследований о влиянии более продолжительного времени данных условий труда на состояние здоровья и трудоспособность этих людей.

Действующий в России порядок получения пенсии по старости был введен еще в начале 1930-х годов. Конечно, со временем он будет изменен, однако увеличение пенсионного возраста необходимо осу-

щество одновременно с увеличением размера пенсии, повышением заработной платы и качества жизни, что в настоящее время довольно проблематично. Процесс пересмотра пенсионного возраста требует тщательной подготовки, повышения уровня развития всей социально-экономической системы страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урланис Б.Ц. Берегите мужчин // Литературная газета. 1968, 24 июля.
2. Вечерний Санкт-Петербург. 2016, 30 сентября. № 54.
3. Информационный портал «Демоскоп Weekly» <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya/koncepciya25.html>.
4. Козлов В. Современные тенденции старения населения в России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2009 № 1. С. 96–107.
5. Российская газета. 2016, 26 июля. № 163.
6. Гонтмахер Е. Проблема старения населения в России // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 23.
7. Соловьев А. Повышение пенсионного возраста: демографические условия и макроэкономические риски // Экономист. 2015. № 7. С. 3–12.
8. Вишневский А., Васин С., Рамонов А. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни // Вопросы экономики. 2012. №9.

T.A. BARANENKOVA

PhD in economics, senior research fellow of the Institute of economics of the Russian Academy of sciences, Moscow, Russia
agasty73@mail.ru

POPULATION AGEING AND ITS SOCIO-ECONOMIC IMPACT

On the basis of statistical analyzes of population aging on the current stage of development. Peculiarities of Russia's population aging and its consequences. Ways to overcome the negative effects of "aging" of the labor potential. The necessity of making fuller use of the elderly, creation of conditions for the extension of the active period of life, especially in professions that require a fairly lengthy and costly training.

Keywords: *age structure of the population, older people, labor, social and economic policy.*

JEL: J11, J14.

К.И. КАЗЕНИН

кандидат филологических наук, директор Центра региональных исследований и урбанистики Института прикладных экономических исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

В.А. КОЗЛОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры демографии Института демографии Национального исследовательского университета
Высшая школа экономики

ОСОБЕННОСТИ БРАЧНО–РЕПРОДУКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ ДАГЕСТАН: ИХ ПРИЧИНЫ И СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ¹

В статье рассматриваются особенности современного брачного и репродуктивного поведения женщин в Республике Дагестан. От средних показателей по России этот регион отличается более ранним возрастом вступления женщины в брак, более ранним возрастом при рождении детей и более короткими интервалами между рождениями детей. Дагестан – один из немногих регионов России, где не наблюдается «старения» материнства. В статье показано, что такое брачно-репродуктивное поведение стабильно присуще всем поколениям женщин республики. Как показало исследование, это связано с определенными социокультурными факторами. В статье обсуждаются возможные как положительные, так и негативные последствия сохранения нынешних особенностей брачно-репродуктивного поведения для экономики и социальной сферы региона.

Ключевые слова: демографический переход, рождаемость, брачное поведение, репродуктивное поведение, Дагестан, регионы Северного Кавказа.

JEL: J12, J13, J15.

¹ Статья написана на основе проведенного в Республике Дагестан в 2016 г. количественного полевого исследования в рамках НИР РАНХиГС 2016 г. «Влияние социальных изменений на рождаемость в регионах Северного Кавказа».

На примере Дагестана авторы демонстрируют принципиальную объяснимость различий регионов по возрастным характеристикам брачно-репродуктивного поведения через другие особенности регионов, а также показывают возможные социально-экономические последствия определенных возрастных характеристик брачно-репродуктивного поведения.

Региональные различия брачно-репродуктивного поведения населения – важный фактор, который необходимо учитывать при выработке как социальной, так и семейной политик государства. Одна из очевидных причин значимости этих различий состоит в том, что разнообразие регионов по репродуктивной активности населения ведет к увеличению их разнообразия и по возрастной структуре, прежде всего по доле детей, что не может не учитываться при планировании государственных мер поддержки материнства и детства. В России значительные региональные различия в рождаемости во второй половине XX-го – начале XXI в. стабильно наблюдались из поколения в поколение [1], а после введения в действие такой заметной меры поддержки рождаемости, как материнский капитал, эти различия только увеличились [2].

В то же время научные исследования регионального разнообразия по брачно-репродуктивному поведению как в России, так и в мире в целом, характеризуются явной неполнотой анализа данной проблемы.

Во-первых, исследования сосредоточены в основном на различиях по уровню рождаемости, который измеряется рядом индикаторов, показывающих количество детей на одну женщину. Значительно меньшее внимание уделяется различиям между регионами по возрасту вступления в брак, а также по возрасту матери при рождении детей. Между тем эти различия весьма велики в ряде стран, включая Россию (см., например: [3]), а социально-экономические последствия этих различий могут быть достаточно серьезными.

Прежде всего, более ранний средний возраст женщины при вступлении в брак, а также при рождении детей во многих исследованных социумах коррелирует с большим средним количеством детей на одну женщину при завершении периода репродуктивной активности поколения (см., например: [4], [5]). Следовательно, различия между регионами по возрасту вступления в брак и возрасту «старта» материнства с большой вероятностью ведут к различиям между ними по доле детского населения, а значит, и по соотношению населения трудоспособных и нетрудоспособных возрастов. В совокупности это оказывает большое влияние на экономическую ситуацию в регионе.

Кроме того, тенденция к раннему вступлению женщин в брак и рождению первого ребенка в раннем возрасте оказывает влияние на рынок труда, поскольку ранний брак и раннее материнство во многих случаях ведут к отказу молодой мамы от дальнейшего образования. Тем самым в регионе образуется большое количество женщин, которые могут претендовать только на рабочие места, не требующие высокой квалификации [6]. Наконец, «раннее» материнство в регионе в совокупности с небольшой возрастной разницей между супругами (т.е. супруг также является молодым), в условиях сокращающихся из-за кризиса возможностей молодежи найти достойную работу на рынке труда, может иметь специфические негативные социальные последствия. Рост количества моло-

дых семей, чьи достаточно высокие, из-за наличия детей, материальные запросы не могут быть удовлетворены из-за отсутствия хорошей работы у обоих супругов, увеличивает социальную напряженность в регионе.

Семейная политика государства в таких регионах, на наш взгляд, должна быть направлена как на поддержку молодых семей с детьми, так и на то, чтобы по возможности изменить возрастные модели рождаемости, несущие в себе социальные риски, возрастающие в условиях экономического кризиса.

Во-вторых, за редкими исключениями, исследования межрегиональных различий по брачно-репродуктивному поведению в основном ограничиваются констатацией этих различий, но не поиску их возможных причин. Между тем понимание экономических, социальных, культурных контрастов между регионами, различающимися по рождаемости и брачности, позволит не только найти возможные объяснения межрегионального разнообразия брачно-репродуктивного поведения населения, но и спрогнозировать дальнейшее развитие ситуации в регионе. Для принятия правильных государственных решений необходимо знать, изменится ли ситуация, либо сохранится – в зависимости от уровня стабильности факторов, предопределяющих брачно-репродуктивное поведение.

Республика Дагестан – пример региона, где отличия по рождаемости от общестранового «стандарта» сегодня проявляются не столько в уровне брачности и рождаемости (по ним Дагестан незначительно опережает РФ в целом), сколько в их возрастных характеристиках. Для Дагестана характерен более молодой (по сравнению со среднероссийским) возраст вступления в брак, а также более молодой (чем в большинстве других регионов России) возраст матери при рождении первого и второго ребенка.

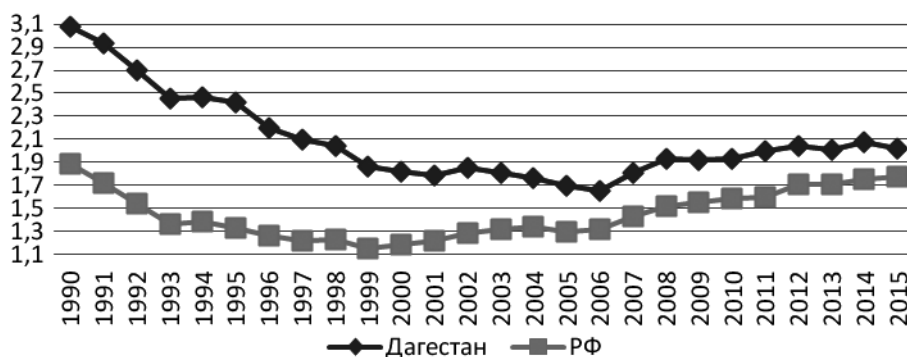
Проведенное нами социологическое обследование показало, что современное брачно-репродуктивное поведение женщин Дагестана формируется большой группой социокультурных факторов, включающих: образование женщины, ее работа за пределами домохозяйства, ее личная религиозность, наличие в семье женщины традиционных возрастных и гендерных иерархий и пр.

Основные характеристики брачности и рождаемости в Республике Дагестан

Показатель рождаемости в Дагестане² стабильно превышает российский показатель, хотя начиная с 2000-го года наблюдается тенденция к их сближению (см. рис. 1)³.

² Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) равен числу детей, рожденных женщиной в течение своей жизни.

³ Ряд исследователей высказывает сомнение в достоверности данных по Дагестану, считая показатель заниженным из-за переучета численности населения республики (подробнее см. например: [7]).

Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система.

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости.

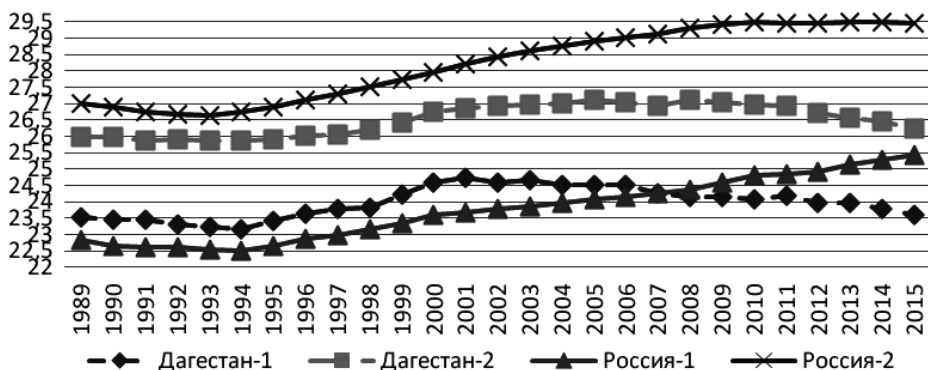
Если мы сравним динамику среднего возраста женщины при рождении ребенка в целом по России и по Дагестану, то увидим существенные различия. На рис. 2 видно, что в РФ с 1994 г. наблюдается неуклонный рост показателя среднего возраста матери при рождении первого ребенка, в то время как в северокавказской республике наблюдается снижение данного показателя примерно с начала 2000-х годов. Так, если в 1989 г. средний возраст матери в России при рождении 1-го ребенка был ниже, чем в Дагестане, на 0,72 года, то сейчас в республике матери при рождении 1-го ребенка в среднем на 1,85 лет моложе, чем в РФ в целом. Что касается возраста рождения 2-го ребенка, то в России он всегда был выше, чем в Дагестане. Но если в начале 2000-х годов разница была менее года, то в 2015 г. – более 3,2 лет. При этом в России этот показатель стагнирует, а в Дагестане снижается.

Можно даже предположить, что если динамика последних лет будет сохраняться, то в скором времени возраст матери при рождении второго ребенка в Дагестане сравняется с возрастом матери при рождении первого ребенка в России в целом.

Показатели среднего возраста вступления в брак⁴ для России в 2013 г. были на уровне 31,71 для мужчин и 29,43 для женщин, а в 2014 г. 32,08 и 29,82 соответственно, в то время как в Дагестане они составили 29,08 и 24,98 для 2014 г. и 28,95 и 24,98 – для 2013 г.⁵ В Дагестане в возрасте 18–24 года заключалось 32,28% всех браков для мужчин и 68,25% для женщин, тогда как в России показатели составили 22,35% и 35,64% соответственно. Налицо тенденция гораздо более молодой модели брачности в Дагестане, а также наличие большего разрыва в возрасте

⁴ По открытым данным, публикуемым Росстатом в Демографических ежегодниках.

⁵ Отметим, что возрасты не совсем корректно рассчитаны, так как приведены по очень крупным интервалам. Кроме того, они учитывают в себе повторные браки.

Источник: рассчитано авторами по Российской базе данных по рождаемости и смертности (РосБРиС) Центра демографических исследований Российской экономической школы (ЦДИ РЭШ).

Рис. 2. Средний возраст матери при рождении ребенка 1-й и 2-й очередности.

между женихом и невестой, что может свидетельствовать о том, что доля повторных браков в республике невелика.

Если мы обратимся к более детализированным данным Микрореписи 2015 г., то выяснится, что в России в 2015 г. к возрасту 30–34 года на 1000 мужчин в браке состояли 691 человек (в том числе в официальном – чуть более 84%), а 221 никогда в нем не состояли, а к аналогичному возрасту в Дагестане цифра была 839 (примерно 95% в официальном) при 115 никогда не состоявших. Среди женщин в России к возрасту 30–34 года 717 из 1000 состояли в браке (82% из них – в зарегистрированном), а 135 никогда в нем не состояли, при этом в Дагестане показатель для женщин – 781 (95% из них – в зарегистрированном), а 87 из 1000 никогда не состояли в браке.

Влияние социокультурных факторов на брачность и рождаемость: результаты исследования в Дагестане

Для исследования влияния социокультурных факторов на возрастные характеристики брачно-репродуктивного поведения в Дагестане нами в 2015 и 2016 гг. в сельской части этого региона было проведено количественное полевое исследование – опрос женщин 16–39 лет, имеющих хотя бы одного ребенка. Опрос, ограниченный респондентками, имеющими детей, разумеется, не позволяет получить даже оценочных коэффициентов рождаемости по возрастам. Но это не являлось принципиальным, поскольку мы исследовали лишь тайминг, но не уровень рождаемости⁶.

⁶ Опрос проводился в 12 селах – в 4-х равнинных, 5-ти предгорных, 3-х горных (по высотным поясам). Доля опрошенных из каждого села в общем числе опрошенных не

Вопросы, задаваемые респонденткам, были распределены по следующим блокам:

- вопросы об их возрасте на момент опроса и на момент наступления основных демографических событий;
- вопросы об образовании и трудовой деятельности: вопрос об учебе после окончания школы, об учебе после вступления в брак, о работе за пределами домохозяйства после вступления в брак, о планах работать в будущем;
- вопросы, позволяющие установить степень действия поколенческих иерархий в семье женщины (действие этих иерархий проверялось на примере вступления женщины в брак – сама ли она познакомилась с будущим супругом или их познакомили родственники; сама ли приняла решение о вступлении в брак или сделала это по совету родителей и т.п.);
- вопросы, позволяющие оценить личную религиозность женщины.

Такой выбор факторов, статистическая связь которых с возрастными характеристиками брачно-репродуктивного поведения была проверена в ходе нашего исследования, был обусловлен следующим. Связь образования женщины и ее трудовой деятельности с возрастом вступления в брак и рождения детей отмечается в очень большом количестве исследований (например, см.: [9], [10]). Вполне предсказуемо, что женщины с более высоким уровнем образования, а также работающие женщины в разных социумах демонстрируют сходную тенденцию к «откладыванию» замужества и материнства, имея альтернативные пути самореализации за пределами семьи.

Поколенческие же иерархии и личная религиозность, напротив, не относятся к тем факторам, которые регулярно исследуются на предмет связи с брачностью и рождаемостью. Однако в научных исследованиях, посвященных рождаемости в обществах, совершающих переход от традиционного сельского общинного уклада к более модернизированным состояниям, демонстрируется, что связь рождаемости с этими факторами наблюдается регулярно (см.: [11], [12], [13]).

В своем исследовании мы относим Дагестан к региону, где распад традиционного сельского образа жизни домохозяйств начался позже,

превысила 10%. Более 80% опрошенных составили женщины, представляющие три наиболее многочисленных народа Дагестана – аварцев, даргинцев и кумыков. Всего по результатам опроса были проанализированы анкеты 902 респондентов, еще 39 собранных анкет не были обработаны из-за существенной неполноты их заполнения. Выбор респонденток в каждой возрастной группе в селах, где проводилось исследование, имел случайный характер. При этом нигде не опрашивались респондентки, проживающие в одном домохозяйстве. Погрешность опроса по основным количественным показателям не превысила 5% при 95%-ом уровне значимости.

чем в России в целом, – не ранее 1970-х годов. И сейчас все еще нельзя говорить о завершении этого процесса: в постсоветские десятилетия он интенсифицировался, но достиг разной глубины в разных частях региона, порождая значительное разнообразие «переходных» форм социальной организации [14]. Поэтому проверка гипотез о влиянии на брачно-репродуктивное поведение тех факторов, которые регулярно влияют на него в обществах, находящихся в похожем состоянии, выглядела наиболее естественным решением. Так, связь религиозности с более ранним возрастом вступления в брак и деторождения ранее уже отмечалась в литературе для целого ряда сообществ, в том числе для мусульманских (например, см.: [15], [16]).

Для проверки гипотез о влиянии перечисленных выше факторов на возрастные характеристики брачно-репродуктивного поведения мы использовали линейные регрессионные модели. В качестве зависимого параметра в этих моделях последовательно выступали следующие возрастные характеристики респонденток:

- возраст при вступлении в брак⁷;
- возраст при рождении первого ребенка;
- возрастной разрыв между рождением первого и второго ребенка (интергенетический интервал);
- возраст при рождении второго ребенка.

В качестве контрольных параметров во все модели включались:

- переменная «поколение» (по ней все респондентки были поделены на возрастные группы: 16–19, 20–24, 25–29, 30–34, 35–39 лет); необходимость контроля по этому параметру была обусловлена тем очевидным соображением, что с ростом возраста женщины расширяются и границы колебаний тайминга основных демографических событий;
- переменные, отражающие национальную принадлежность респонденток (их включение в модели связано с тем, что в Дагестане между женщинами ряда национальностей наблюдаются различия по рождаемости [17]).

Ниже представлены модели (см.: табл. 1, табл. 2, табл. 3, табл. 4), в которых в качестве независимого, помимо контрольных и константы, включено по одному параметру из перечисленных выше групп. Мы приводим только те модели, в которых независимый параметр оказался значимым. В таблицах приводятся стандартизованные значения коэффициентов (β).

⁷ Вопрос касался обряда бракосочетания, а не государственной регистрации брака; о ее времени задавался отдельный вопрос. В современном Дагестане заключение брака (как правило, по мусульманскому обычаю) и его регистрация часто заметно различаются по времени, что также подтвердили результаты опроса.

Данные таблицы 1 подтверждают, что возраст вступления в брак обратно пропорционален религиозности женщины (то есть религиозность значимо «омолаживает» возраст вступления в брак) и позитивно связан с уровнем образования женщины и с ее работой за пределами домохозяйства.

Таблица 1

Модели, в которых возраст женщины при вступлении в брак выступает в качестве зависимого параметра

	Учеба после школы (1 – да, 0 – нет)	Работа после вступления в брак (1 – да, 0 – нет)	Работа на момент опроса (1 – да, 0 – нет) [#]	Планы работать в буду- щем (1 – да, 0 – нет)	Несамостоятельное знакомство с будущим супругом (1 – да, 0 – нет)	Считает важным рели- гиозное воспитание детей (1 – да, 0 – нет)	Считает свою семью религиозной (1 – да, 0 – нет)	Совершает ежедневную пятикратную молитву (1 – да, 0 – нет)
β	0,248***	0,179***	-0,073**	0,177***	0,07**	-0,054*	-0,056*	-0,82**
R^2	0,208	0,178	0,156	0,172	0,155	0,153	0,166	0,158
N	881	877	880	797	797	877	828	872

[#] – Для женщин, которые считались находящимися в отпуске по уходу за ребенком. Здесь и далее: «***», «**», «*» – значимость коэффициентов на уровне 1, 5 и 10% соответственно.

Таблица 2

Модели, в которых возраст женщины при рождении первого ребенка выступает в качестве зависимого параметра

	Учеба после школы (1 – да, 0 – нет)	Работа после вступления в брак (1 – да, 0 – нет)	Планы работать в будущем (1 – да, 0 – нет)	Несамостоятель- ное знакомство с будущим супру- гом (1 – да, 0 – нет)
β	0,209***	0,141***	0,144***	0,121***
R^2	0,264	0,244	0,250	0,246
N	840	837	766	768

Из табл. 2 следует, что для возраста «старта» материнства, в отличие от возраста вступления в брак, незначимыми оказались параметры религиозности, при том что связь с другими параметрами такая же, как у возраста вступления в брак.

Таблица 3

Модели, в которых интергенетический интервал между рождением второго и первого ребенка выступает в качестве зависимого параметра

	Знакомство с будущим супругом непосредственно перед заключением брака (1 – да, 0 – нет)	Считает важным религиозное воспитание детей (1 – да, 0 – нет)	Считает свою семью религиозной (1 – да, 0 – нет)	Соблюдает мусульманский пост (1 – да, 0 – нет)	Совершает ежедневную пятикратную молитву (1 – да, 0 – нет)
β	0,113***	-0,128***	-0,116***	-0,086**	-0,111**
R^2	0,079	0,08	0,08	0,069	0,073
N	572	585	546	579	583

Для интергенетического интервала образование женщины и ее присутствие на рынке труда оказываются незначимыми (см. табл. 3), а религиозность, напротив, значимо связана с более кратким интервалом⁸.

Для возраста при рождении второго ребенка, как видим из табл. 4, значимы: учеба и работа женщины (позитивная связь), действие в семье женщины традиционных поколенческих иерархий (позитивная связь) и личная религиозность (негативная – обратно пропорциональная связь).

Таким образом, регрессионный анализ показал, что точный состав параметров, значимых для возрастных характеристик брачно-репродуктивного поведения, меняется от одной характеристики к другой. Однако выделяются две группы признаков, которые регулярно связаны с более молодым возрастом демографических событий. Во-первых, это послешкольное образование женщины и ее работа за пределами домохозяйства. Указанные признаки значимы для возраста вступления в брак и для возраста при рождении первого и второго ребенка – во всех случаях они «повышали» эти возрастные параметры.

Во-вторых, для возраста наступления рассматриваемых демографических событий значимым оказывается религиозность: более сильная религиозность женщин связана с более молодым возрастом вступления в брак, рождения второго ребенка и с меньшим интервалом между рождениями первых двух детей. Оба результата не представляются неожиданными в свете имеющихся исследований рождаемости в других странах и регионах (см. обзор выше).

⁸ По сравнению с моделями с возрастом вступления в брак к значимым добавляется еще один параметр религиозности – соблюдение женщиной мусульманского поста.

Таблица 4

**Модели, в которых возраст женщины при рождении второго ребенка
выступает в качестве зависимого параметра#**

	Учеба после школы (1 – да, 0 – нет)	Работа после вступления в брак (1 – да, 0 – нет)	Работа на момент опроса (1 – да, 0 – нет)##	Знакомство с будущим супругом непосредственно перед заключе- нием брака (1 – да, 0 – нет)	Несамостоятельное знакомство с будущим супругом (1 – да, 0 – нет)	Считает важным религиозное вос- питание детей (1 – да, 0 – нет)	Считает свою семью религиозной (1 – да, 0 – нет)	Соблюдает мусульманский пост (1 – да, 0 – нет)	Совершает ежедневную пятикрат- ную молитву (1 – да, 0 – нет)
β	0,069***	0,044*	0,07***	0,07***	0,046*	-0,068***	-0,09***	-0,042*	-0,055**
R^2	0,713	0,707	0,716	0,716	0,701	0,713	0,720	0,708	0,711
N	585	583	572	572	541	585	546	579	583

В этих моделях в качестве контрольного параметра выступал также возраст при рождении первого ребенка.

Для женщин, которые считались находящимися в декрете.

Интересным получился результат относительно влияния существующих в семье женщины поколенческих иерархий (факт, что супруги не знали друг друга до свадьбы, или имеет место в принципе несамостоятельное знакомство) на возраст при наступлении демографических событий. Оказалось, что их более сильное влияние связано с более поздним вступлением в брак и рождением детей⁹. Мы не рассматриваем здесь вопрос о причинах такой связи, ограничимся лишь предположением о том, что традиционный семейный уклад Дагестана, при котором высока зависимость младшего поколения от старшего в принятии принципиальных жизненных решений, подразумевал достаточно поздний возраст вступления девушки в брак и «старта» материнства. Наше предположение косвенно подтверждается тем, что на начало 1990-х годов, когда традиционный уклад в Дагестане, по имеющимся оценкам (см. например: [18]), был более сохранным, чем сейчас, средний возраст матери при рождении первого ребенка был всего лишь более чем на полгода выше, чем в целом по России (см. рис. 2).

⁹ О существовании такой связи в других сообществах, в которых исследовалось влияние социокультурных факторов на брачность и рождаемость, нам неизвестно.

Оценка стабильности факторов, влияющих на демографические особенности Дагестана¹⁰

В ходе исследования было выяснено, что значения включенных в модели параметров, связанные с более молодым возрастом вступлением в брак и с более молодым возрастом материнства, демонстрируют большую распространенность от более старших поколений к более младшим. При этом было выяснено, что в самой молодой возрастной группе (16–19 лет) особенно высока доля женщин, не учившихся после окончания школы и не работавших после замужества или на момент опроса (см. табл. 5). Можно предположить, что мы получили такой результат потому, что нашим опросом были охвачены только замужние женщины с детьми, а столь раннее замужество и материнство с большой вероятностью ведет к отказу от послешкольного образования и от работы. Однако рост числа неработающих и не учившихся после школы женщин наблюдается и в более старших поколениях, где такое объяснение межпоколенческих контрастов уже невозможно.

Таблица 5

Динамика доли женщин, не учившихся после школы, и неработающих женщин¹¹

Поколение	Не училась после школы	Не работает сейчас	Не работала после замужества
16–19	0,91	0,91	0,87
20–24	0,57	0,84	0,79
25–29	0,44	0,66	0,59
30–34	0,47	0,56	0,47
35–39	0,56	0,53	0,39
Итого	0,54	0,67	0,59

¹⁰ В предыдущем разделе мы показали, что для возрастных характеристик брачно-репродуктивного поведения в Дагестане, по которым этот регион отличается от средне-страновых показателей, значимым является ряд социокультурных параметров. Следовательно, если мы ставим задачу оценить, насколько возрастные особенности брачно-репродуктивного поведения в Дагестане могут оказаться стабильными в перспективе, нам необходимо оценить, какую динамику имеют в сегодняшнем дагестанском обществе эти параметры. Чтобы ответить на данный вопрос, мы обратились к межпоколенческим различиям по этим параметрам среди женщин, охваченных нашим исследованием.

¹¹ В табл. 5–8 рассматривается доля женщин, давших положительный ответ на соответствующий вопрос, по поколениям.

Обратимся теперь к динамике параметров религиозности (см. табл. 6). Здесь очевиден рост доли женщин, соблюдающих основные требования ислама. Между поколениями 25–29 лет и 16–19 лет стабильной (т.е. примерно одинаковой) от поколения к поколению сохраняется лишь доля соблюдающих мусульманский пост (уразу), по двум другим признакам доля религиозных женщин растет. Еще более показательной является межпоколенческая динамика ценностей воспитания (см. табл. 7). Доля женщин, считающих важным религиозное воспитание детей (мы видели, что этот параметр значимо связан с более ранним вступлением в брак и возрастом рождения второго ребенка), растет от поколения к поколению, при равномерном снижении доли женщин, указавших в качестве важных другие ценности воспитания, предложенные при опросе.

Таблица 6

Динамика параметров религиозности, по данным опроса в Дагестане

Поколение	Считает свою семью религиозной	Соблюдает уразу	Делает намаз
16–19	0,90	0,81	0,81
20–24	0,85	0,80	0,70
25–29	0,79	0,81	0,68
30–34	0,82	0,85	0,75
35–39	0,79	0,80	0,71
Итого	0,82	0,82	0,72

Таблица 7

Динамика приоритетов воспитания детей, по данным опроса в Дагестане

Поколение	Важны религиозное воспитание	Важно образование детей	Важно знание традиций своего народа
16–19	0,79	0,32	0,25
20–24	0,65	0,72	0,27
25–29	0,66	0,74	0,30
30–34	0,63	0,77	0,33
35–39	0,52	0,81	0,33
Итого	0,63	0,72	0,30

Рассмотрим, наконец, динамику по параметрам, отражающим действие в семье женщины поколенческих иерархий. Ответы на соответствующие вопросы показывают разное возрастное распределение. Доля женщин, не знакомых с будущим супругом до свадьбы (наиболее

«чистый» вариант замужества, организованного старшими родственниками), заметно убывает от поколения к поколению. Доля женщин, которых с будущим мужем познакомили родственники (более «мягкий» вариант зависимости от старших родственников при принятии жизненно важных решений), от поколения 30–34 лет к более молодым поколениями обнаруживает незначительный рост (см. табл. 8).

Таблица 8

Динамика параметров, отражающих действенность поколенческих иерархий, по данным опроса в Дагестане

Поколение	Не были знакомы до свадьбы	С будущим мужем познакомили родственники
16–19	0,06	0,60
20–24	0,19	0,58
25–29	0,25	0,58
30–34	0,27	0,56
35–39	0,28	0,44
Итого	0,23	0,55

Итак, значения параметров, связанные с более ранней брачностью и материнством, получают большую распространенность в направлении от более старших поколений к более младшим. Тем самым анализ межпоколенческой динамики не показал таких изменений, которые делали бы вероятным повышение возраста вступления в брак и рождения детей первых порядков в перспективе ближайших поколений.

Социально-экономические последствия демографических особенностей Дагестана

Какие последствия для региона будет иметь сохранение молодой брачности и молодого материнства в условиях экономических трудностей, переживаемых страной?

Отвечая на этот вопрос, необходимо учитывать, что социально-экономические показатели Дагестана ставят его в число наиболее проблемных регионов РФ. Так, в 2014 г. безработица в Дагестане, по данным Росстата, составила 10,2%, что почти в 2 раза выше среднероссийского уровня, а занятость – 56,7% (у женщин 48,3%), при общероссийском показателе 65,3% (у женщин 60,3%). В составе безработных доля молодежи в возрасте 15–19 лет в Дагестане 11,1%, а в возрасте 20–24 года – 43,2%, в то время как в России 4,2% и 36,2% соответственно (хотя здесь различия частично объясняются более молодой возрастной структурой республики).

Неблагоприятные условия на рынке труда и низкий уровень доходов населения создают в республике положение, в котором нынешние возрастные особенности брачно-репродуктивного поведения могут иметь наиболее негативные последствия.

Для оценки последствий сохранения нынешних возрастных характеристик брачно-репродуктивного поведения важно учесть, что Дагестан отличается высокой по сравнению с РФ долей населения молодых возрастов. Так по данным Росстата, в 2014 г. доля жителей от 15 до 29 лет составила в республике 36,7% при общероссийской доле в 24,5%. Когда молодежь составляет более трети населения, это обычно позволяет демографам и экономистам говорить о так называемом «молодежном наросте» (youth bulge), то есть повышенной доле молодежи по сравнению с другими группами населения. «Молодежный нарост» при отсутствии экономического роста и при значительной безработице среди молодежи рассматривается как фактор, повышающий социальную напряженность¹².

В Дагестане социальные риски, связанные с высокой долей молодежи в экономически неблагоприятный период, усугубляются именно возрастными особенностями брачности и рождаемости. В обоснование этого к приведенным выше данным необходимо добавить еще один факт: средний возрастной разрыв между мужем и женой, согласно нашему полевому исследованию, составил около 4,5 лет и стагнировал от поколения к поколению. Этот показатель заметно выше общероссийского (2,50 по всем бракам в 2013 г. и 2,45 – по первым бракам [22]), однако при среднем возрасте вступления женщины в брак около 20,5 лет по нашей выборке он означает, что в Дагестане сохраняется тенденция к созданию именно молодых семей (а не семей, где при молодой жене муж относится к более старшим поколениям). Снижающийся же средний возраст матери при рождении первого ребенка позволяет говорить о том, что молодые семьи не склонны откладывать деторождение.

Следовательно, сегодня следует говорить о рисках, имеющих в Дагестане, и связанных не только с большой долей молодежи как таковой, но и молодежи (обоих полов), состоящей в браке и имеющей детей. Очевидно, что это создает дополнительные риски по сравнению с общими рисками «молодежного нароста», ведь материальные запросы молодой семьи с детьми выше, чем у одиноких молодых людей и даже у супругов, не имеющих детей. Поэтому наблюдаемые и имеющие потенциал к сохранению особенности брачно-репродуктивного поведения в Дагестане в условиях экономических трудностей могут стать факторами дополнительной социальной напряженности.

¹² Именно этот фактор признается рядом исследователей одной из причин недавних волнений в арабских странах (например, см.: [19]).

Помимо общих социально-экономических причин эта напряженность создается и некоторыми специфичными для Дагестана обстоятельствами. Например, они касаются неформальных социальных норм, действующих в сфере недвижимости и предписывающих каждой молодой семье, кроме семьи младшего сына (обычно остающейся в отцовском доме), иметь собственное индивидуальное домостроение и земельный участок [20]). В условиях, когда большое количество молодых семей, имея потребность в земле под застройку, не имеет возможности приобрести ее на открытом рынке, они ориентируются на бесплатное получение земельного участка решением органов местного самоуправления. Однако в условиях малоземелья в густонаселенных частях Дагестана это может привести к обострению земельных конфликтов, прежде всего конфликтов, связанных с границами муниципальных образований [21].

Отталкиваясь от полученных результатов относительно «поддерживающих» раннее материнство факторов, можно предложить ряд мер для некоторого снижения уровня раннего материнства в исследуемом регионе с целью достижения социальной стабильности.

Мы, в частности, видели, что возраст «старта» материнства в среднем выше у работающих женщин. Соответственно, стимулирование образования и трудовой занятости женщин могло бы стать одним из путей снижения распространенности раннего материнства. В условиях села наиболее целесообразными были бы меры, способствующие развитию сети среднего профессионального образования с ориентацией на те «женские» специальности, которые наиболее востребованы в сельской местности. В некоторой степени решению проблемы раннего материнства поспособствует и государственная поддержка малого и среднего бизнеса, создающего рабочие места для женщин, в том числе не имеющих среднего специального или высшего образования. Отраслевая специализация малого и среднего бизнеса, в которых в качестве наемных работников заняты в основном женщины, в Дагестане, согласно нашим полевым наблюдениям, вовсе не ограничиваются торговлей.

Представляется, что при разработке системных мер государственной социальной и семейной политик, а также при формировании стратегий развития регионов необходимо предусмотреть меры по снижению рисков появления и распространения бедности, связанной с ростом большого количества молодых семей в ряде регионах России при одновременном отсутствии факторов экономического развития региона (растущий рынок труда, развитие предпринимательства среди молодежи и пр.). Для этого представляется необходимым и неотлагательным дальнейшее изучение ранней брачности и раннего материнства не только в отдельно взятом регионе, но и в других регионах РФ, отличающихся этими явлениями (ряд республик Северного Кавказа и азиатской части РФ).

ЛИТЕРАТУРА

1. Архангельский В.Н. Рождаемость в реальных поколениях – возможность оценить прошлое и заглянуть в будущее // Динамика и инерционность воспроизводства населения и замещения поколений в России и СНГ. Сб. ст. VII Уральского демографического форума с международ. участием / отв. ред. акад. РАН А.И. Татаркин, д-р социол. наук А.И. Кузьмин. Т. I. Екатеринбург: Институт экономики УрОРАН, 2016.
2. Захаров С.В. Рождаемость // Население России 2012. Двадцатый ежегодный демографический доклад/ Отв. ред. А.Г. Вишневский. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
3. Зубаревич Н.В. Поколения в переходной России: региональное и поселенческое измерение // Под ред. О. Глезер, П. Полян. Россия и ее регионы в XX веке: территория – расселение – миграции. М.: ОГИ, 2005.
4. Bumpass L., Rindfuss R. & Janosik R. Age and Marital Status at First Birth and the Pace of Subsequent Fertility // Demography. 1978. Vol. 15. № 1.
5. Morgan S.P., Rindfuss R.R. Reexamining the link of early childbearing to Marriage and to subsequent fertility // Demography. 1999. Т. 36. № 1. С. 59–75.
6. Otoo-Oyortey N., Pobi S. Early Marriage and Poverty: Exploring links and key policy issues // Gender & Development. 2003. Т. 11. №. 2. С. 42–51.
7. Казенин К.И., Козлов В.А. Омоложение материнства в Дагестане: тенденция или артефакт (предварительные результаты обследования сельского населения) // Демографическое обозрение. 2016. № 3.
8. Казенин К.И., Стародубовская И.В. Северокавказские города: территория контрастов // Общественные науки и современность. 2014. № 6.
9. Caldwell J.C. Mass education as a determinant of the timing of fertility decline // Population and development review. 1980. С. 225–255.
10. Ainsworth M., Beegle K., Nyamete A. The impact of women's schooling on fertility and contraceptive use: a study of fourteen sub-Saharan African countries // World Bank Economic Review. 1996. Vol. 10.
11. Buttenheim A., Nobles J. Ethnic diversity, traditional norms, and marriage behavior in Indonesia // Population Studies. 2009. Vol. 63. № 3.
12. Barbieri M., Blum A., Dolgikh E., and Ergashev A. Nuptiality, Fertility, Use of Contraception, and Fertility Policies in Uzbekistan // Population Studies 50(1). 1996.
13. Malhotra, A., R.Vanneman & Kishor S. Fertility, Dimensions of Patriarchy, and Development in India // Population and Development Review. 1995. Vol. 21. № 2.
14. Мудуев III.C. Население и хозяйство Дагестана на рубеже веков. Махачкала, 2003.
15. Heaton T. Socioeconomic and Familial Status of Women Associated With Age at First Marriage in Three Islamic Societies // Journal of Comparative Family Studies. 1996. 27(1).

16. *Shah N. Women's Socioeconomic Characteristics and Marital Patterns in a Rapidly Developing Muslim Society // Journal of Comparative Family Studies. 2004. 35(2).*
17. *Казенин К.И., Козлов В.А. // Возраст материнства в Дагестане: значимость этнического фактора в условиях модернизации // Народонаселение. 2017. № 1.*
18. *Стародубровская И.В., Соколов Д.В. Истоки конфликтов на Северном Кавказе. М.: РАНХиГС, 2013.*
19. *Goldstone J. Revolutions: a very short introduction. Oxford: Oxford University Press, 2013.*
20. *Казенин К.И. Регулирование земельных отношений в Дагестане: социально-экономические корни «традиционализации» // Экономическая политика. 2015. № 3.*
21. *Казенин К.И. Земельная реформа в Дагестане: социально-политические риски // Экономическое развитие России. 2015. № 6.*
22. *Население России 2013: Двадцать первый ежегодный демографический доклад / Отв. ред. С.В. Захаров. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.*

K.I. KAZENIN

PhD in Philology, Director of Centre for regional researches and urbanistic of the Institute of Applied economic researches, RANEPА, Russia, Moscow
kz@ranepa.ru

V.A. KOZLOV

PhD in Economics, Associate Professor, Demographic department of Institute of Demography NRU HSE
vakozlov@hse.ru

THE MAIN CHARACTERISTICS OF MATRIMONIAL AND REPRODUCTIVE BEHAVIOR
IN DAGESTAN: REASONS AND SOCIAL ECONOMIC CONSEQUENCES

The article was devoted to the main characteristics of contemporary matrimonial and reproductive behavior of women in Dagestan. The abovementioned region differs from the average Russian regions by the earlier age of marriage and childbearing as well as intergenerational intervals. Dagestan is one of the minority of Russian regions without the process of motherhood ageing. The article shows that this type of behavior is universal by all current generations of women in the republic. The research has found the social and cultural factors behind it, and the article discusses both positive and negative consequences of the current model for economic and social spheres of regions if the situation will be preserved.

Key words: *demographic transition, fertility, reproductive behavior, reproductive behavior, Dagestan, North Caucasian regions*

JEL: J12, J13, J15.

Е.Д. АЛЕКСЕЕВА

кандидат исторических наук,
начальник отдела публикации архивного фонда
Центрального государственного архива города Москвы

Я.А. ОНОПЕНКО

начальник Главного архивного управления города Москвы

А.П. ФИЛИППОВ

кандидат экономических наук, заместитель директора
Центрального государственного архива города Москвы

К ИСТОРИИ ИНСТИТУТА ЭКОНОМИКИ РАН: СОВЕТСКИЙ ПЕРИОД (по архивным документам)

В статье представлены основные этапы истории Института экономики РАН с момента его создания в 1930 г. и вплоть до середины 1980-х годов. Авторы анализируют архивные документы из фондов Центрального государственного архива города Москвы, большинство из которых вводится в научный оборот впервые.

***Ключевые слова:** Институт экономики, структура и кадры, основные направления исследований, научные труды, взаимоотношения с властью.*

JEL: B290, E620.

Институт экономики РАН (далее – ИЭ), отметивший в 2016 г. 80 лет с момента вхождения в структуру учреждений Академии наук, занимает особое место в истории отечественной экономической науки и общественных наук в целом. Различные этапы его становления и развития уже не раз были предметом историко-экономического осмысления [1], [2], [3], [4]. Между тем изучение этой темы перспективно для постановки новых проблем, в т.ч. и в области междисциплинарного знания. В этом отношении представляет интерес выявление и интерпретация новых, а также обобщение и анализ уже имеющихся фактических данных.

В отделе хранения документов общественно-политической истории Москвы Центрального государственного архива города Москвы (ЦГА Москвы) имеется документальный комплекс, связанный с историей

ИЭ, дополняющий материалы по основной деятельности и кадровому составу из фонда 1877 Архива РАН. Это – документы парторганизации ИЭ и Фрунзенского РК ВКП(б) – КПСС г. Москвы за 1933–1987 гг.: протоколы заседаний партбюро и партсобраний ИЭ Коммунистической академии (Ф. П-88); протоколы заседаний, открытых и закрытых собраний, материалы отчетно-выборных докладов партбюро ИЭ АН СССР; проекты докладных записок института в ЦК КПСС, в Совет Министров СССР, Госплан СССР; материалы по составу парторганизации, отчеты ряда структурных подразделений института (ф. П-2499).

В этих документах нашли отражение не только важнейшие события в жизни института, но и неоднократные «ревизии» его деятельности со стороны высшего руководства ВКП(б) – КПСС с соответствующими кадровыми и структурными последствиями. Институт находился в эпицентре колебаний «линии партии», что не всегда способствовало формированию нормальных условий для развития собственно академической науки. И все же ИЭ складывался именно как академический институт, как крупнейшее в стране научно-исследовательское учреждение в области экономики.

Предвоенные годы и годы Великой Отечественной войны

23 июня 1930 г. на базе экономической секции Коммунистической академии и Экономического института Российской ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук был организован Институт экономики Комакадемии. Его печатным органом стал журнал «Проблемы экономики», а в сентябре 1930 г. был утвержден первый состав Ученого совета.

В декабре 1931 г. президиум Комакадемии принял постановление об объединении ИЭ с Экономическим институтом Красной профессуры. Таким образом, институт стал одновременно и научно-исследовательским, и научно-учебным учреждением [3, с. 262].

В ноябре 1933 г., в ходе «чистки» ВКП(б), проверке подверглась и партия ИЭ. В выводах соответствующей комиссии говорилось о неудовлетворительном выполнении институтом решения ЦК ВКП(б) о Комакадемии от 15/III 1931 г., о том, что «институт не стал ведущим центром на экономическом фронте» (ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 254. Л. 122). Документ характеризует партийные представления о приоритетных задачах и направлениях работы, а также содержит сведения о кадровом составе института (всего на тот момент в нем работал 31 человек), о партийной принадлежности его сотрудников (комиссия констатировала высокий процент членов других (т.е. не ВКП(б)) партий – 34,5%) (ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 254. Л. 139, 128).

В мае 1934 г. парткомитет института представил отчетный доклад, в котором отмечались определенные успехи в реализации предписаний комиссии. Так, в 1933 г. вышли из печати 17 научных работ общим объемом 311 п. л., из которых особо выделялись: «Этапы экономической политики СССР», «Итоги технической реконструкции», «Итоги выполнения первой пятилетки по труду», а также ряд учебников (ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 254. Л. 134, 140). На договорных началах к работе ИЭ были привлечены наркоматы тяжелой и легкой промышленности СССР (для совместной разработки проблемы «Организация труда в свете освоения новой техники»), а также Центросоюз СССР (по проблеме организации товарооборота). Обе указанные проблемы, имевшие важное практическое значение, планировались к обсуждению уже в сентябре 1934 г. (ЦГА Москвы. Ф. П-88. Оп. 1а. Д. 254. Л. 135).

Новый этап в истории ИЭ был связан с интеграцией его в структуру АН СССР. 7 февраля 1936 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) Комакадемия ликвидировалась, а ее учреждения передавались в Академию наук СССР. 15 февраля 1936 г. Президиум АН СССР принял постановление о слиянии бывших Института экономики и Аграрного института Комакадемии в единый Институт экономики АН СССР.

В сентябре 1938 г. утвержденный Президиумом АН СССР план работы ИЭ впервые согласовали с Госпланом СССР, Наркомтяжпромом, Центральным управлением народнохозяйственного учета, Наркомземом и Наркомфином. В апреле 1939 г. СНК СССР возложил на институт разработку проблемы экономического районирования. Одним из следствий явилась очередная реорганизация. На 1 января 1940 г. в структуру ИЭ входили 6 секторов: экономического районирования, экономики промышленности, сельского хозяйства, технической политики, политической экономии, экономической статистики [5, л. 4].

В предвоенные годы в ИЭ произошли кадровые потери: ряд сотрудников (среди них Я.Б. Кваша, В.П. Красовский, М.И. Кубанин, С.А. Хейнман, С.В. Шахновская и др.) подверглись репрессиям. В то же время институт активно занимался подготовкой новых ученых-экономистов: в 1939–1940 гг. группа аспирантов и докторантов составила вместе с соискателями около 200 человек [1, с. 303].

Великая Отечественная война привнесла серьезные изменения в жизнь ИЭ. 6 июля 1941 г. 27 научных сотрудников во главе с директором института Б.Л. Маркусом добровольно вступили в 21-ю дивизию народного ополчения Киевского района г. Москвы. Многие погибли в боях [3, с. 266, 267]. Остальные трудились в тылу. В октябре 1941 г. ИЭ был эвакуирован в Алма-Ату, многие сотрудники работали в Ташкенте и Куйбышеве.

В августе 1942 г. постановлением Президиума АН СССР была создана московская группа института. Но в своем отчетном докладе от 15 февраля 1943 г. «Итоги работы института за 1942 г. и план на 1943 г.» и.о. директора ИЭ А.А. Арутюнян признал положение неудовлетворительным в силу необеспеченности кадрами, средствами и «элементарными условиями работ» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 1. Л. 4).

Основной темой исследований ИЭ, вернувшегося в Москву в 1943 г., оставалась военная экономика и восстановление промышленности и сельского хозяйства в освобожденных районах страны. Решались задачи мобилизации промышленных и продовольственных сырьевых ресурсов Казахстана, Башкирии, Урала на нужды фронта [1, с. 303]. Всего в 1943 г. сотрудниками института было подготовлено 86 печатных листов научных работ (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 2. Л. 3). В 1944 г. коллектив ИЭ приступил к разработке тем «Советская торговля и распределение в период Отечественной войны и послевоенный период», «Материально-техническая база колхозного сельского хозяйства в условиях войны и перспективы развития», «Закон стоимости». В 1944–1945 гг. были продолжены исследования в области истории экономической мысли (их результатом стал коллективный труд «Очерки истории экономической мысли в России»), подготовлены к печати издания «Вопросы политической экономии социализма», «Очерки экономики текстильной промышленности СССР». В 1946 г. по поручениям Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), МК ВКП(б), Киевского райкома ВКП(б) г. Москвы, Лекционного бюро при Министерстве высшего образования СССР, Отдела научно-технической пропаганды Президиума АН СССР научными сотрудниками ИЭ было прочитано свыше 350 лекций и докладов (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 4. Л. 48).

Послевоенные годы

Идеологические кампании, развернутые в стране в первые послевоенные годы, не могли не затронуть область общественных наук. Серьезного давления не избежал и Институт экономики. В 1946 г. в центральной печати («Правда», «Культура и жизнь») вышел ряд негативных публикаций с резкой критикой «недостатков» в работе ИЭ. 1 октября 1946 г. этот вопрос рассматривался на заседании Президиума АН СССР. Был сделан вывод о том, что институт не играет «ведущей роли в области экономической науки», отмечены его «самоизоляция», слабая связь с практикой социалистического строительства, недостаточно высокий уровень научных работ. Среди недостатков было названо: отсутствие «крупных монографических теоретических трудов, обобщающих практику соцстроительства, раскрывающих

преимущества коллективной системы хозяйства, разоблачающих буржуазные школы в экономической науке», а также неудовлетворительные научное руководство и контроль за работой научных сотрудников (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 3. Л. 148).

Партбюро института утвердило мероприятия по выполнению решения Президиума АН СССР, в т.ч. налаживание тесного контакта с подведомственными НИИ, экономическими вузами и экономическими кафедрами вузов и институтов, экономическими институтами республиканских академий, с академическими институтами права, мирового хозяйства, истории. Такой же тесный контакт должен был осуществляться и с министерствами, с учетом конкретной практики работы. В частности, предлагалось «включать в состав плановой тематики института такие темы, которые выдвигаются министерствами и Госпланом и обеспечиваются ими необходимыми материалами», «добиваться участия работников института на заседаниях коллегии и научно-технических советов министерств». Также было рекомендовано «поставить вопрос о включении в состав Государственной плановой комиссии СССР и РСФСР директора института» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 3. Л. 148, 149, 150).

Новая крупная веха в истории ИЭ – 18 сентября 1947 г., когда Президиум АН СССР, во исполнение постановления Совета министров СССР, принял решение о слиянии Института экономики и Института мирового хозяйства и мировой политики в единый Институт экономики АН СССР под научно-организационным руководством Госплана СССР.

Директором объединенного ИЭ был назначен член-корреспондент АН СССР К.В. Островитянов (с 1953 г. – академик). На 20 января 1948 г. в институте числилось 90 штатных единиц, включая дирекцию, в т.ч. 40 старших и 24 младших научных сотрудника, 3 члена-корреспондента АН СССР и 1 – АН БССР, 10 докторов наук и 28 кандидатов наук. В 1947 г. коллектив ИЭ подготовил и выпустил в свет 11 плановых изданий и около 70 научных статей; было прочтено 254 лекции (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 15, 24, 26). С января 1948 г. у ИЭ появился новый печатный орган – журнал «Вопросы экономики» (Постановление ЦК КПСС от 19 декабря 1947 г.).

15 марта 1948 г. над коллективом ИЭ вновь сгустились тучи: в журнале «Большевик» вышла рецензия «В плену буржуазной идеологии», в которой подверглись резкой критике труды, опубликованные в 1946–1947 гг. учеными бывшего Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР. Как свидетельствуют документы, партбюро бывшего института проявило небывалую твердость: фактически отказавшись «покаяться» в несуществующих грехах, оно направило в ЦК ВКП(б) письмо с позитивной оценкой труда Л.Я. Эвентова «Воен-

ная экономика Англии», аттестованного «Большевиком» в качестве «порочной книги» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 69, 70).

ЦК перенаправил вопрос в парторганизацию ИЭ. Публикация была рассмотрена на общем собрании партбюро, которое пришло к выводу, что указанные работы (Л.Я. Эвентова, Е.С. Варги, А.Ю. Шпирта, М.Л. Бокшицкого) «свидетельствуют об отходе авторов и редакторов этих работ от ленинско-сталинской оценки современного капитализма» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 69). В свете положения на идеологическом фронте – более чем серьезное обвинение! Однако формулировки резолютивной части, по сути, остались весьма обтекаемы: «Необходимо покончить с увлечением конъюнктурно-описательными и информационными работами, недооценкой теории и поднять идейно-теоретический уровень работ института. Работники института обязаны в своей работе не на словах, а на деле обеспечить последовательное осуществление партийности. Они должны ликвидировать отрыв экономики от политики и преодолеть не критическое использование буржуазных источников» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 5. Л. 72). На практике исправление учеными своих «ошибок» свелось к «бесконечным», по признанию К.В. Островитянова, переделкам научных трудов и воздержанию от их публикаций (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 7. Л. 14).

В 1949 г. был снят со всех ответственных постов и арестован Н.А. Вознесенский. Вышло Постановление Совета министров СССР, в котором указывалось: «... т. Вознесенский неудовлетворительно руководит Госпланом СССР, не проявляет обязательной особенно для члена Политбюро партийности в руководстве Госплана СССР и в защите директив Правительства в области планирования...» [6, с. 752]. В связи с этими событиями объектом пристального внимания партийных и компетентных органов стала большая группа академиков, членкоров и профессоров во главе с К.В. Островитяновым. За Институт экономики всерьез взялся ЦК ВКП(б). Высший партийный орган принял специальное постановление «О работе Института экономики АН СССР», в котором вновь были выдвинуты обвинения в «отрыве от практики» и в том что, в частности, публикации журнала «Вопросы экономики» «не обобщают практики социалистического строительства и не выдвигают никаких новых вопросов» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 6. Л. 39).

На общем собрании парторганизации ИЭ К.В. Островитянов был вынужден признать, что институт «оторван от практики социалистического строительства, не ведет глубокого изучения советской экономики, а также экономики империалистических стран, не представляет в ЦК партии и Совет министров [СССР] докладов и материалов об экономических процессах, происходящих в советской и зарубежной экономике, не проявляет инициативы в постановке и разработке акту-

альных экономических вопросов». Также он констатировал, что положительная оценка работы Вознесенского «Военная экономика СССР в Отечественной войне» является «серьезной ошибкой» института в лице его дирекции и редакции журнала (Островитянов был главным редактором «Вопросов экономики») (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 7. Л. 3, 4). Центральный комитет поручал Отделу пропаганды и агитации, Президиуму АН и дирекции ИЭ в месячный срок представить конкретные предложения о мерах по улучшению работы института, укреплению квалифицированными кадрами, «способными на деле перестроить работу Института экономики в соответствии с потребностями народного хозяйства страны» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 7. Л. 5, 6).

Кульминационным моментом взаимоотношений ИЭ с властью стали 1951–1952 гг., когда на ИЭ было обращено непосредственное внимание И.В. Сталина. В ноябре 1951 г. в ИЭ развернулась дискуссия по вопросу об учебнике политэкономии социализма, работу над которым вел коллектив института. За ее ходом пристально следил главный заказчик. В феврале 1952 г. были обнаружены сталинские «Замечания по экономическим вопросам, связанным с ноябрьской дискуссией 1951 г.». Директивный характер носил 10-й пункт этого документа – «Пути улучшения проекта учебника политической экономии». Сталин предлагал «назначить комиссию со включением туда не только авторов учебника и не только сторонников большинства участников дискуссии, но и противников большинства, ярых критиков проекта учебника», а также «редакционную комиссию, скажем, из трех человек для окончательной редакции учебника». Результаты этой работы должны были быть представлены в ЦК через год [7, с. 154]. Некоторые ученые (А.И. Ноткин, Л.Д. Ярошенко, А.В. Санина и В.Г. Венжер) не воздержались от письменных возражений вождю, и в ответ Сталин написал три статьи, где выдвинул более чем серьезное по тем временам обвинение в непонимании, что «товарное обращение несовместимо с перспективой перехода от социализма к коммунизму» [7, с. 187].

Смерть Сталина прервала ход «дискуссии», а учебник увидел свет только в 1954 г. Но нападки на ИЭ не прекратились. В январе 1955 г. в «Правде» вышла разгромная статья Д.Т. Шепилова «Генеральная линия партии и вульгаризаторы марксизма» с политической оценкой «...антимарксистских выступлений отдельных сотрудников института».

Примечательно, что партбюро Института сделало все, чтобы спустить дело на тормозах, в частности, «...слабо подготовило партийное собрание», проведенное с целью «проработки» вопроса. Позднее партбюро вменили в вину еще и поспешное прекращение прений якобы вопреки желанию «...ряда коммунистов выступить по обсуждаемому вопросу». Секретарь партбюро ИЭ Г.Г. Котов пытался отсто-

ять позиции на собрании партактива г. Москвы, однако МГК КПСС принял решение «О серьезных недостатках в работе партийного бюро Института экономики АН СССР». В связи с этим состоялось очередное собрание парторганизации ИЭ, которое вынесло оргвывод: «Ввиду того, что т. Котов не обеспечивает должного руководства партийной организацией института, освободить его от обязанностей секретаря партийного бюро» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 23. Л. 222, 224).

В апреле 1956 г. Президиум АН СССР принял решение об организации Института мировой экономики и международных отношений, куда и перешли все сотрудники ИЭ, занимавшиеся экономикой капиталистического мира [1, с. 307].

Хрущевская «оттепель» сказалась на работе Института экономики благотворно. Только за неполный 1959-й год институт выпустил в свет 33 работы. ИЭ принимал участие в разработке предложений Госплану по следующим «проблемам генеральной перспективы развития народного хозяйства Советского Союза на 1959–1965 гг.»: определение темпов и основных пропорций воспроизводства в генеральной перспективе; генеральная схема размещения производительных сил с целью эффективного использования природных и трудовых ресурсов, всестороннего развития хозяйства и культуры союзных республик; резервы роста производительности труда; проблемы трудовых ресурсов СССР, их использования и распределения по союзным республикам и экономико-географическим районам; развитие и совершенствование государственной и колхозно-кооперативной собственности в целях создания необходимых условий перехода к единой общенародной собственности в СССР и преодоления существенных различий между городом и деревней; стирание существенных различий между умственным и физическим трудом и повышение культурно-технического уровня рабочего класса и колхозного крестьянства; дальнейшее укрепление хозрасчета и др. (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 34. Л. 146, 149, 150).

Углубление проблематики исследований привело к расширению штатов ИЭ и к изменениям его структуры. Только за год, с ноября 1958 г. по ноябрь 1959 г., общее число сотрудников института увеличилось на 25 человек (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 34. Л. 152). В 1961 г. из ИЭ был выделен сектор стран народной демократии, развернутый в самостоятельный Институт экономики мировой социалистической системы (ИЭМСС). С этого времени основным предметом научных исследований ИЭ как головной научно-исследовательской организации стали закономерности развития советской социалистической экономики [1, с. 307]. О продуктивной научной деятельности Института в это время свидетельствуют следующие цифры: за 1961 – первую половину 1962 г. вышла из печати 21 плановая работа объемом в 297 п.л. и

подготовлены 22 внеплановые работы объемом в 166 п.л., в вышестоящие организации представлены 24 научных доклада (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 40. Л. 71).

После Мартовского 1962 г. пленума ЦК КПСС «особенно важное значение» для ИЭ приобрело решение «аграрных проблем». Совместно с Институтом экономики сельского хозяйства его коллектив трудился над выполнением задания «...по определению оптимальных размеров социалистических сельскохозяйственных предприятий». Как отмечалось в Отчете о работе партбюро, «большой коллектив аграрников нашего института, институтов экономики АН союзных республик, ряда филиалов АН СССР, ВНИИЭСХ с его периферией, общим числом около тысячи человек, изучали и изучают этот вопрос по единому координированному плану». Также велась разработка вопросов материального стимулирования и хозрасчета в социалистическом народном хозяйстве. В ИЭ был создан соответствующий Научный совет и сектор материального стимулирования (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 40. Л. 69, 70).

Еще в 1961 г. партбюро ИЭ констатировало: «Профиль нашего института сейчас вполне ясно определился – как института, изучающего проблемы политэкономии социализма в увязке их с крупными народнохозяйственными проблемами. С этим связана необходимость создания проблемных секторов, разрабатывающих в течение более или менее длительного периода времени ту или иную теоретическую и[ли] народнохозяйственную проблему. Такие проблемные секторы у нас за последнее время созданы. По существу все секторы института построены сейчас по проблемному принципу – вместо отраслевого принципа, действовавшего до недавнего времени. Над улучшением, совершенствованием новой организационной структуры института нужно работать и дальше» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 40. Л. 75).

Период с середины 1960-х до середины 1980-х годов

В целях укрепления связи науки и практики после Сентябрьского 1965 г. пленума ЦК КПСС был учрежден двухгодичный Университет экономических знаний (ректор – Я.Г. Фейгин), рассчитанный в основном на руководящих работников московской промышленности. Лекционная работа «практически полностью» осуществлялась ведущими научными сотрудниками ИЭ.

В ноябре 1965 г. на закрытом партсобрании ИЭ отмечалось, что научно-исследовательская работа коллектива в основном была сосредоточена на двух главных проблемах: 1. Закономерности развития социализма и перехода к коммунизму. 2. Научные основы планирования и организации общественного производства. Исследования были направ-

лены на решение наиболее актуальных вопросов, связанных с разработкой плана развития народного хозяйства СССР на период 1966–1970 гг. В соответствии с государственным планом научно-исследовательских работ, институт представил в 1964 и 1965 гг. в Госплан СССР ряд научных докладов, в которых содержались предложения о темпах и пропорциях воспроизводства в 1966–1970 гг., о путях повышения капитальных вложений, о совершенствовании хозяйственного управления и экономического стимулирования (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 44. Л. 59).

В мае 1970 г. партбюро, заслушав доклад директора института, члена-корреспондента АН СССР Л.М. Гатовского, отметило, что «... за последние годы возросла эффективность разработки институтом народнохозяйственных проблем. Работы института оказывают теперь большое влияние на исследование этих проблем в стране и на практику. Фронт исследований, проводимых институтом, значительно возрос. Наряду с ранее проводившимися работами возникли и новые направления: экономические проблемы технического прогресса, долгосрочное прогнозирование развития социалистической экономики, экономико-математические методы и их использование в области теоретических исследований и народнохозяйственных расчетов. Развертывание работ по ранее проводившимся и новым направлениям потребовало значительного увеличения штатного состава института. За последние годы численность научных работников почти удвоилась...» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 55. Л. 75).

В 1970 г. в ИЭ насчитывалось 9 отделов, а в их составе – 27 секторов, включая ленинградский сектор экономических исследований. В соответствии с основными направлениями научно-исследовательской работы были уточнены названия отделов и секторов и созданы новые научно-исследовательские единицы, в т.ч. сектор по подготовке фундаментального труда «Основы политической экономии социализма» [1, с. 307]. В августе 1971 г. создан сектор экономических основ планирования и стимулирования научно-технического прогресса (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 57. Л. 157, 158).

В декабре 1971 г. ЦК КПСС принял специальное Постановление «О работе партийной организации Института экономики АН СССР по выполнению Постановления ЦК КПСС “О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве”». В январе 1972 г. документ был заслушан и обсужден на партсобрании института (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 58. Л. 1, 100). Постановление высшего органа КПСС положило начало новым направлениям исследований и очередной реорганизации ИЭ. ЦК обязал институт сконцентрировать усилия на создании фундаментальных теоретических работ в области политэкономии социализма, закономерностей создания материально-технической базы коммунизма и

развертывания НТР, социалистического расширенного воспроизводства, научного обоснования путей и методов повышения эффективности общественного производства. В ИЭ были созданы 6 основных отделов и 26 секторов (включая ленинградский сектор) [1, с. 307, 308]. С 1971 г. по 1986 г. Институт возглавлял Е.И. Капустин (с 1976 г. – член-корреспондент АН СССР, затем РАН).

В 1970-е годы ИЭ активно занимался вопросами планирования социалистической экономики. Так, уже в 1971–1972 гг. в ИЭ приступили к разработке прогноза социально-экономического развития СССР до 1990 г. (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 59. Л. 124). Первый вариант порученного институту раздела указанной программы был подготовлен и одобрен Отделением экономики АН СССР в 1977 г. (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 70. Л. 29).

Также ИЭ принял участие в создании ряда методик и положений, среди которых можно назвать «Порядок оценки научно-технической деятельности научно-исследовательских, проектно-конструкторских и технологических организаций» (утвержден ГКНТ СМ СССР и ГК по изобретениям СМ СССР в 1974 г.; руководитель С.И. Голосовский), «Основные положения по определению экономической эффективности новой техники, изобретений и рационализаторских предложений» (утверждены ГКНТ СМ СССР, Госпланом СССР, АН СССР в 1977 г.; руководитель Л.М. Гатовский), «Положение о научно-производственном объединении» (утверждено СМ СССР в декабре 1975 г.; руководитель К.И. Таксир), «Положение о фондах экономического стимулирования научно-производственных объединений» (утверждено ГКНТ СМ СССР, Госпланом СССР, Министерством финансов СССР и Госкомитетом труда СССР в 1976 г.; руководитель П.А. Седлов).

Лаборатория теоретических проблем планового управления народным хозяйством под руководством А.С. Гусарова приняла активное участие в разработке утвержденных в 1976 г. Госпланом СССР и ГКНТ СМ СССР «Временных общетраслевых методических рекомендаций по проектированию создания и развития производственных объединений в промышленности» (отв. исполнитель Ю.В. Субоцкий). Подготовлена «Методика определения эффективности АСУ – банк» (руководитель В.Д. Белкин) (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 70. Л. 31).

В 1971–1977 гг. Институт экономики АН СССР совместно с ЦЭМИ, ИМЭМО АН СССР, экономическими институтами республиканских академий наук, ведущими институтами и вузами страны, Госпланом СССР, ГКНТ СМ СССР, министерствами СССР и РСФСР, руководителями научно-исследовательских объединений и предприятий провел 19 всесоюзных научно-исследовательских конференций и совещаний по важнейшим экономическим проблемам (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 70. Л. 32).

В соответствии с «Государственным планом научных исследований на 1976–1980 гг.» ИЭ являлся головной организацией по 35 темам и выступал в качестве соисполнителя по 14 темам. Кроме того, институт выполнял разработку 21 темы по заданиям вышестоящих организаций (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 70. Л. 29). Итоги работы за 1976–1980 гг. были обобщены в многочисленных монографиях, в т.ч. в коллективных. Только в 1980 г. вышло в свет 29 монографий общим объемом 538,8 п.л. (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 83. Л. 4). К 1980 г. были завершены «важные разделы Комплексной программы научно-технического прогресса и его социально-экономических последствий до 2000 г.» (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 80. Л. 6). В 1980 г. ИЭ был награжден Орденом Трудового Красного Знамени в связи с 50-летием создания и большим вкладом в развитие экономической науки. В 1982 г. за успешное выполнение заданий 11-й пятилетки и за разработку Продовольственной программы ИЭ наградили переходящим Красным Знаменем (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 89. Л. 26). В то время в институте трудились 530 человек, среди которых – 8 академиков и членов-корреспондентов АН СССР, свыше 70 докторов наук, свыше 60 кандидатов наук. В аспирантуре готовили диссертации 130 человек, главным образом по политэкономии социализма (ЦГА Москвы. Ф. П-2499. Оп. 1. Д. 85. Л. 13).

В первой половине 1980-х годов ИЭ выступал головной организацией по многим темам научно-исследовательских работ, проводившихся по заказам Госплана СССР, координировал работу соисполнителей. В частности, он принимал участие в разработке «Комплексной программы научно-технического прогресса в 1986–2005 гг.», являясь головной организацией по трем проблемным разделам программы: «Агропромышленный комплекс СССР», «Совершенствование социальных производственных отношений» и «Трудовые ресурсы».

В 1986 г. ИЭ возглавил член-корреспондент АН СССР Л.И. Абалкин (с 1987 г. – академик), который придал новый импульс достаточно мощному потенциалу института.

В годы перестройки и в постсоветский период, когда прежняя теоретическая парадигма экономического развития страны подверглась тотальному переосмыслению, начался новый этап в истории ИЭ.

Несмотря на диктат «большевистской партийности» в советской науке в целом и в экономике в частности (тем более, в экономике государства, которую, перефразируя формулу В.И. Ленина, «в самом концентрированном виде» выражала политика), и на тот факт, что общественные науки в СССР развивались в условиях четко очерченных идеологических рамок, ИЭ стал главным научно-исследовательским академическим центром в области экономической науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Орешкин В.В. Институт экономики Академии наук СССР // Истоки: Вопросы истории народного хозяйства и экономической мысли. М.: «Экономика», 1990. Вып. 2. С. 299–309.
2. Судьба ученого и трагедия науки (к 80-летию со дня рождения Я.А. Кронрода). М.: Наука, 1992.
3. Архипов А.И., Гусева М.Б. К 80-летию Института экономики РАН // Вестник Института экономики РАН. 2010. № 3. С. 261–272.
4. Гринберг Р.С. Юбилей зрелости: дела и планы // Вопросы экономики. 2010. № 5. С. 4–15.
5. Загребаяева В.Н. Предисловие к описи № 12 – управленческая документация (1936–1941) фонда 1877 – Институт экономики АН СССР.
6. Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М.: «МФД», 1998.
7. Сталин И.В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 2007.

E.D. ALEKSEEVA

Candidate of Historical Sciences, Head of Publications Department of the Central State Archive of the City of Moscow
AleksseevaED@mos.ru

YA.A. ONOPENKO

Head of the Main Department of Archives of the City of Moscow
OnopenkoYaA@mos.ru

A.P. FILIPPOV

Candidate of Economic Sciences, Deputy Director of the Central State Archive of the City of Moscow
FilippovAP@mos.ru

THE HISTORY INSTITUTE OF ECONOMICS: THE SOVIET PERIOD OF ARCHIVAL DOCUMENTS

The article presents the main stages of the history of the Institute of Economics of Russian Academy of Science since its creation in 1930 and until the mid-1980s. The authors explore and analyze archival documents from the funds of the Central State Archive of the City of Moscow, the majority of which is introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: *Institute of Economics, structure and staffing, the main areas of research, scientific work, the relationship with the authorities.*

JEL: B290, E620.

Н.М. РОЗАНОВА

доктор экономических наук, профессор, профессор департамента
теоретической экономики, Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»

К.В. ПАРФЕНОВ

руководитель проектов интеграции, ООО «КардсПроСервис»

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОГРАММЫ ЛОЯЛЬНОСТИ: ФАКТОРЫ КОНКУРЕНТНОГО УСПЕХА, КЛЮЧЕВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ В РОССИИ

В статье анализируется рынок программ лояльности, его эволюция в мировой экономике и в России, факторы успеха, основные тенденции и перспективы. Дается детальный обзор ключевых направлений исследования рынка программ лояльности в развитых странах, приводится история развития данного рынка в России. Рассматриваются различные характеристики успешных программ лояльности. Особый акцент делается на сравнительном анализе программ лояльности в России. Предоставляются рекомендации по развитию бизнес-моделей программ лояльности.

Ключевые слова: программы лояльности, бизнес-модель, теория отраслевых рынков, конкуренция.

JEL: D21, L25, L26, M10, M11, M21, M31.

С начала появления программ лояльности прошел достаточно длительный период времени, в течение которого они развивались и совершенствовались как в целом, так и по самым различным направлениям. Новые технологии находят все более широкое применение в работе многих компаний разных стран. Программы лояльности помогают реализовать новые конкурентные преимущества, что позволяет промышленным и торговым компаниям за два-три года занять лидирующие позиции на своем рынке. Лояльность уже давно рассматривается как самостоятельный бизнес, который продает свои услуги промышленным и торговым компаниям.

Программы лояльности в современном мире

Программы лояльности получили широкое распространение в развитых странах как полноценная новая бизнес-модель маркетинга.

Это связано в первую очередь с объемом покупательского выбора в развитых странах, оцениваемого величиной 1010. В этих условиях компании соревнуются не только за предпочтения потребителей, но и за их отношение к компании, к бренду и к конкретному товару.

Это особенно актуально при активном развитии информационных технологий. Для потребителя становится все более простой и доступной возможность сравнения услуг, получения прямых предложений и упрощения межотраслевых барьеров. В перспективе это может стать основанием для ухода стойких клиентов. По оценкам, затраты на привлечение одного нового покупателя в пять раз больше, чем затраты на удержание и удовлетворение одного имеющегося [4, с. 173–174].

Первые программы лояльности появились еще сто лет назад, когда американские фирмы выдавали марки для повторных покупок лояльным покупателям [31]. Первоначально выдавались специальные карты наиболее платежеспособным клиентам, предоставлявшие возможность получения кредита. Компании начали выдавать такие карты в США в 1914 г., а в 1928 г. бостонская компания *Farrington Manufacture* выпустила первые металлические карты, в дальнейшем развившиеся в международные платежные системы [1, с. 18–19]. Основным ограничением для программ лояльности, включающих клиентский счет, было отсутствие баз данных, что не позволяло вести большое количество клиентов, предлагать географически распределенную возможность применения карт.

Первая программа лояльности современного типа была предложена рынку в 1981 г. американской авиакомпанией *American Airlines*. Для «закрепления» часто летающих пассажиров она предложила начисление условных единиц – миль, которые в дальнейшем клиент мог обменять на билет. Первоначально программы лояльности рассматривались как дополнительный инструмент маркетинга, добавляющий некий новый (инновационный) компонент к ценности продукта. По мере развития данного направления пришло понимание того, что программа лояльности значима и важна сама по себе, поскольку создает принципиально новую ценность для потребителя [30].

Программа лояльности *Air Miles*, 51% которой принадлежит *British Airways*, была запущена в 1988 г. и включала более 130 партнеров-предприятий, среди которых были такие фирмы, как *Shell*, *Hertz* и *Nat West Bank*. Это позволило клиентам получать дополнительные мили за определенное количество денежных средств, потраченных с применением кобрендовой (совместной) банковской карты у партнеров. Некоторые из крупных компаний сделали выбор в пользу участия в программе *Air Miles* вместо создания собственных программ лояльности. За три года к программе присоединилось более 4 млн участников, и она собрала доход в 40 млн долл. [2, с. 249–250].

Следующим этапом для программ лояльности стало развитие бонусных программ. В 1979 г. гостиничная программа лояльности *Marriott's Club Marquis* была преобразована в бонусную. За каждый доллар, потраченный в сети, гость получал несколько очков, которые он мог обменивать на призы, в том числе на бесплатную ночь в отеле, а также на различные привилегии и услуги. В 1993 г. клиенты *Marriott* получили возможность накапливать не только очки, но и мили авиакомпаний-партнеров и обменивать их на бесплатный билет [2, с. 21].

Современный масштаб и скорость распространения программ лояльности в мире действительно поражают. Например, с 2000 по 2006 г. в США участие фирм в программах лояльности возросло на 35,5% [19, р. 93]. В начале 2000-х годов половина взрослого населения США была задействована по крайней мере в одной программе лояльности [28]. В настоящее время доля таких участников превышает 90% [50]. В среднем взрослый американец участвует в четырех программах лояльности одновременно [22].

Общая характеристика программ лояльности

Программа лояльности – это долгосрочная стратегия формирования будущего поведения клиентов, которая позволяет потребителям накапливать некую форму программных денег (бонусов или баллов), которые могут быть позже обменены на бесплатные или дисконтные товары и услуги [27], [35]. Программа лояльности может быть определена как набор мероприятий, направленных на удержание клиентов, на формирование положительного имиджа товара или компании в глазах покупателей [5, с. 15].

Одними из первых подробно описанных маркетинговых исследований потребительской лояльности были исследования Джорджа Брауна [2, с. 233], проводившиеся на основании опросов постоянных групп респондентов от газеты *Chicago Tribune*.

Экономист Т. Осентон определяет лояльных потребителей как тех, которые не поддаются ни на какие уговоры и хранят верность однажды выбранной торговой марке [6, с. 76]. При этом подчеркивается, что такая лояльность может не иметь под собой логических оснований и базироваться на эмоциональной и психологической приверженности. Две другие категории потребителей он определяет как переходящие с одной торговой марки на другую (1) и как сохраняющие нейтралитет по отношению к каким-либо брендам (2).

Программы лояльности особенно значимы в тех отраслях, где потребители совершают повторные покупки достаточно часто. Это авиаперевозки, финансовые услуги, розничная торговля, гостиничный бизнес. Здесь, согласно исследованиям, более половины компаний –

участников рынка предлагают разнообразные программы лояльности [51]. Так, британская компания *Tesco* насчитывает 13,5 млн участников программ лояльности, которые приносят данной сети розничных универсальных магазинов более 200 млн долл. ежегодно в виде дополнительного объема продаж [50].

С экономической точки зрения программы лояльности представляют собой вариант динамической конкуренции: компании делают долгосрочные и дорогостоящие вложения, отдача от которых планируется в течение нескольких последующих лет. Расходы на программы лояльности стали эндогенными необратимыми издержками для фирм.

Конкуренция в сфере программ лояльности изучается экономистами разных стран с начала 2000-х годов. В исследования включаются самые разнообразные рынки, сферы деятельности и страны. Это Интернет-рынки [36], лояльность к бренду [24], гостиничный бизнес США [32], авиаперевозки и супермаркеты Европы [11], Европейские лоукостеры [10], телекоммуникации [26] и сотовая связь [25], туризм [16], электронная коммерция [24], грузовые перевозки [45], B2B рынки [42], ИТ-продукты [37]. Делаются попытки выявить различное воздействие программ лояльности на мужчин и женщин [41].

Факторы успеха

Программы лояльности воздействуют на ожидания потребителей [18], на их восприятие своего статуса в системе взаимоотношений с компанией-продавцом. Исследователи считают, что даже если сама программа лояльности оказывается не слишком удачной, послепрограммная лояльность покупателей все равно возрастает [46]. Индивидуальные программы лояльности, действующие по принципу «один магазин – одна программа», подвержены эффекту устаревания и эффекту насыщения. Однако участие компании во множественных программах лояльности, ориентированных на самых разных потребителей, при участии фирм-партнеров из других отраслей и даже сфер, преодолевает эти негативные аспекты [29], [34], [40].

Некоторые исследователи [39] выделяют три ключевых фактора успеха программ лояльности: (1) хорошая фокусировка (продуманность) программы; (2) правильно выделенный целевой рынок (таргетированные потребители); (3) преимущества по сравнению с конкурирующими программами и фирмами. Имеет значение стоимость приза по программе лояльности, вероятность получения такого приза (количество бонусов или баллов), наличие ограничений во времени (срок действия программы) [44].

Поведение потребителей в рамках программы лояльности различается по отношению к процессу зарабатывания баллов (бонусов) и

последующего их использования [22]. На рынке программ лояльности выявляется наличие кривой обучения (эффекта обучения) [20]: потребители учатся эффективно зарабатывать баллы (бонусы и деньги) и их тратить. Лонгитюдное исследование поведения потребителей в условиях программы лояльности показало, что активность участия характеризуется перевернутой U-образной кривой. Сначала с возрастом (после 20 лет) активность индивида в рамках программы лояльности растет, достигая максимума для мужчин в возрасте 35–39 лет (77% участия) и для женщин в возрасте 25–29 лет (68% участия). Затем она постепенно падает [20].

Синг, Джейн и Кришнан разработали модель [48] с асимметричным равновесием на рынке программ лояльности: когда одна фирма выбирает программу лояльности, оптимальная стратегия другой – низкие цены. Фирма, предлагающая программу лояльности, тем самым дает обещание предоставить лояльным клиентам определенный дисконт в будущем. Но другая фирма может вместо будущего дисконта предложить скидку к цене уже сегодня – чтобы снизить эффект программы лояльности своего конкурента.

Исследования показывают, что крупные компании в большей степени выигрывают от программ лояльности, чем мелкие и средние участники [39]. Компании с большей долей рынка могут получить больше отдачи от программ лояльности [49]. Анализ долгосрочных последствий программ лояльности показывает, что потребители начинают лучше понимать содержание таких программ с течением времени [38].

Наиболее часто встречающимися индикаторами [14] эффективности программ лояльности являются: частота покупок; размер покупок и средний размер чека; оборот товарных запасов у фирмы или магазина; интенсивность покупателей в единицу времени. Успешные программы лояльности приводят к удержанию старых потребителей и к активному привлечению новых клиентов. Они способствуют увеличению расходов потребителей в целом и среднего размера чека на одну покупку [35], [53], росту товарооборота магазина [23], [43].

Эффект от программы лояльности зависит от первоначального уровня покупок у типичного клиента. Частота покупок и средний размер чека быстрее всего растут у традиционно умеренных покупателей по сравнению с крупными клиентами и мелкими непостоянными покупателями [38]. Крупные клиенты совершают значительные приобретения, и программы лояльности, скорее, теряют на них, чем получают какую-либо выгоду. Мелкие покупатели, совершающие время от времени небольшие необязательные и одноразовые покупки, оценивают затраты на участие в программах лояльности как более высокие, чем потенциальные выгоды.

Как показали эмпирические проверки и эксперименты, потребители, которые платят хотя бы минимальную плату (франшизу) за участие в программе лояльности, по сравнению с бесплатными участниками проявляют более благожелательное отношение к программе. Они показывают более высокую степень поведенческой лояльности, делают больший акцент на выгодах от участия в программе, чем на затратах [12], [15], [30].

Проблемы программ лояльности

Программы лояльности таят в себе и некоторые угрозы. Так, анализ Л. Бассо, М. Клементса и Т. Росса [13] показывает, что программы лояльности оказывают воздействие не только на клиентов, но и на сотрудников компаний. Купоны и баллы стимулируют сотрудников приобретать более дорогие авиабилеты, пользоваться услугами более дорогих гостиниц и арендовать автомобили по более дорогим ценам при командировках. Модель данных авторов демонстрирует увеличение в этих случаях цены приобретения товара или услуги для бизнеса и снижения совокупной прибыли для фирмы – поставщика программы лояльности. Таким образом, программы лояльности становятся частью агентской проблемы: работодатели оплачивают деловые поездки, но именно работники приобретают блага и накапливают бонусы по программам лояльности. У работника в целом нет стимула искать наиболее дешевый вариант, раз компания оплачивает его расходы. Наличие программы лояльности только усугубляет данную проблему.

Крупные фирмы получают больше выгод от программ лояльности, чем более мелкие компании. Воздействие индивидуальных программ лояльности уменьшается по мере того, как рынок становится более зрелым, когда растет доля более знающих и требовательных потребителей [17], [21], [39].

Программы лояльности в России

В России бонусные программы начали появляться только с 1990-х годов. Сравнительно небольшой опыт действия механизмов рыночной экономики приводил к использованию обезличенных скидок вместо программ лояльности [5, с. 57] и не способствовал достижению первоначальных целей. Одной из первых стала программа лояльности компании «Трансаэро», запущенная в 1995 г., а в 1999 г. была разработана программа «Аэрофлот Бонус». С 1999 г. также начала работать дисконтная программа «Почетный гость» ресторанной сети «Росинтер». Первая коалиционная бонусная программа в России была запущена на платформе дисконтной программы и начала рабо-

тать в 2000 г.¹ под названием «Клуб Много.ру». Основной механикой программы является получение бонусов при осуществлении покупок у партнеров коалиции, которые участник может впоследствии обменять на призы.

В 2006 г. происходит старт программы «МАЛИНА» одновременно в 350 предприятиях Москвы и Московской области. Партнерами запуска становятся сеть ресторанов «Росинтер Ресторантс», сеть АЗК«ВР», «Аптечная сеть 36,6». В течение первого года работы программы выпущен 1 млн карт, во второй год работы – уже 3 млн карт. Также в 2007 г. к программе присоединился Райффайзенбанк, став шестым по счету партнером программы (включая также Рамстор и Билайн). Последующие два года принесли новых партнеров и еще 1 млн новых карт, запущена возможность оплаты баллами в торговых точках партнеров.

В 2007 г. была запущена программа лояльности «Клуб Перекресток» сначала в Москве и Московской области. Это первая бонусная программа такого масштаба на российском рынке продовольственной розницы. Программа лояльности «Кукуруза» (компании «Евросеть») стартовала в 2010 г. За первый год было эмитировано более 1,1 млн карт, в 2012 г. количество карт превысило 5 млн, а за три года программа охватила 9 млн участников. Ключевое преимущество программы заключалось в том, что она работала на основе предоплаченной платежной карты *Master Card*². Программа «Спасибо от Сбербанка» была запущена в конце 2011 г. За первый год работы к программе присоединились 3 млн человек, а пул партнеров насчитывал 17 федеральных сетей, 47 региональных сетей, 36 интернет-магазинов³. К 2015 г. количество участников превысило 15 млн человек⁴.

Каждая новая программа лояльности становилась лидирующей по отношению к предыдущей. Программа «МАЛИНА» за два года опередила «Много.ру» более чем вдвое. «Перекресток» опередил «Много.ру» через пять лет после старта, а в 2015 г. опередил и программу «МАЛИНА». «Связной-клуб» опередил всех участников через два года после запуска. «Кукуруза» превзошла все программы, кроме «Связного-Клуба», также за два года работы. Программе «Спасибо от Сбербанка» потребовались два года, чтобы обогнать «Кукурузу» и других участников рынка, кроме «Связного-Клуба».

¹ Клуб Много.ру – первая в России бонусная программа лояльности. <http://www.mnogo.ru/about> (дата обращения: 25.05.2015).

² Кейсы. <http://www.koronaloyalty.ru/Pages/cases.aspx> (дата обращения: 31.03.2015).

³ LOYALTY.info – Эффективные программы лояльности – Как привлечь и удержать клиента. <http://www.loyalty.info/case/4301.html> (дата обращения: 09.06.2015).

⁴ СПАСИБО от Сбербанка – Больше бонусов за летние покупки. <http://spasibosberbank.ru/actions/welcome/> (дата обращения: 31.03.2015).

Преимущества лидеров рынка базируются на следующих факторах:

- федеральный уровень и география точек, обеспечивающие высокую эмиссию карт и охват программы;
- прозрачность механики начисления бонусов и большое количество партнеров с возможностью списания бонусов;
- наличие среди партнеров крупных федеральных сетей;
- использование банковских технологий (в том числе кэшбек).

Оценка ключевых характеристик российских программ лояльности

Воспользуемся двумя ведущими методиками оценки конкурентоспособности фирмы – PEST [8] и SNW-анализ [3], применив их к программам лояльности.

Анализ макросреды (PEST)

Данные для анализа макросреды были получены в ходе практической работы и общения с руководителями компании «Связной-Клуб». Табл. 1 содержит перечень событий и факторов, их оценку и предположительное влияние на стратегию.

Наибольшую опасность представляют явления, характерные для кризиса. Снижение покупательской способности и деловой активности сказывается на показателях, которые могут ошибочно сравниваться с показателями прошлых лет и не учитывать конъюнктуру рынка. Переход клиентов на инфериорные товары вследствие снижения покупательского дохода приведет к снижению интереса к программам лояльности. Потребители будут больше ориентироваться на единовременные выгодные предложения, что свойственно дисконтным механизмам и может приводить к ценовым войнам с отказом от долгосрочных программ.

Важным фактором становится развитие мобильных платформ. На фоне роста популярности мобильных платформ в качестве платежных систем поднимается вопрос об их интеграции с программами лояльности в целях ухода от прямой необходимости использования банковских карт.

SNW-анализ

SNW-анализ строится на выделении ключевых конкурентных факторов и ранжировании их по силе влияния на оценку – *Strenth* (сильная позиция), *Neutral* (нейтральная), *Weakness* (слабая). Табл. 2 содержит сравнение и оценку перечня факторов, которые, по данным РБК [7], являются наиболее значимыми для потребителей.

Таблица 1

Факторы внешней среды

Гр	События/факторы	Тип	Вероятность, %	Влияние	Итог	Отклик
Р	Законодательное изменение статуса бонусов и приравнивание их к денежным средствам, либо аналогичные меры	-	20	4	-0,8	Приведет к запрету списания бонусов в счет скидки на покупки и переходу на иные механизмы стимулирования клиентов
Е	Снижение общей деловой активности на рынке	-	90	2	-1,8	Снижение бюджетов на акции и новые интеграции
Е	Нестабильность в связи со сменой владельца группы компаний «Связной»	-	40	3	-1,2	Финансовая оптимизация, снижение интереса со стороны новых партнеров
Е	Снижение барьеров входа в программу как возможность для компаний стать партнерами	+	40	4	1,6	Растущие компании могут использовать ресурсы программы лояльности; интеграция партнеров
С	Снижение покупательской способности (показателей среднего чека, числа покупок)	-	80	3	-2,4	Снижение показателей продаж повлияет на общую оценку работы программы
С	Рост склонности населения к экономии	+	80	3	2,4	Развитие непремияльных сетей, интерес к наиболее выгодным программам
Т	Лояльность как инструмент снижения издержек, роста продаж, удержания клиентов	+	60	2	1.2	Интерес к программам, оптимизирующим расходы и достижение установленных показателей
Т	Новые технологические решения (мобильные приложения и платформы)	+	80	2	1,6	Мобильные технологии интересны и клиентам, и бизнесу, но могут изменить текущих лидеров на рынке.
Т	Развитие технологий карт и смартфонов	+	20	2	0,4	Позволят упростить использование программы (как преимущество), но пока решения отсутствуют

Таблица 2

Анализ ключевых конкурентных факторов

Фактор Про- грамма	Количество ПТ	SNW-оценка	Возможности и выгоды программы	Наличие брендов в программе	Наличие банков	Дополнитель- ные преимуще- ства
Много.ру	400	0,12	1. Подарочный каталог	Мало круп- ных партне- ров	1 банк, кобренд	0,5 – только кобрендовая карта
МАЛИНА	840	0,25	1. Подарочный каталог 2. Списание бонусов у отдельных партнеров	Крупные бренды среди партнёров	3 банка, кобренды	1,5 – кобренды
Клуб Перекре- сток	6100	1,83	1. Подарочный каталог 2. Списание бонусов у отдельных партнеров 3. Кэшбек (мало карт)	Крупные бренды среди партнеров	1 банк, кобренд	1– неразвитые кобренды
Связной- Клуб	8 500	2,55	1. Высокая ликвидность 2. Списание бонусов у многих партнеров 3. Кобренды	Большое количество брендов	Нет, но сей- час подклю- чаются	2 – крупные кобренды, но без банков
Кукуруза	7500	2,25	1. Высокая ликвидность 2. Списание бонусов у многих партнеров 3. Кэшбек	Крупные бренды среди партнеров	Нет, есть собственная РНКО карта	2,5 – мобильное приложение с платежами
Спасибо от Сбер- банка	10 000	3	1. Высокая ликвидность 2. Списание бонусов у многих партнеров 3. Кэшбек 0,5%	Большое количество брендов	1 банк, Сбербанк	0,5 – неразвитое мобильное при- ложение
Platus	915	0,28	1. Подарочный каталог 2. Списание бонусов у партнеров	Мало круп- ных партне- ров	Нет, но есть мобильная платформа платежей	3 – платформа платежей и мобильности, при- ложение

С точки зрения инновационности – наличие мобильных платформ, кобрендов и широты возможностей – лидером является программа *Platius*, построившая собственную платформу лояльностей для предприятий на основе мобильных технологий. Худший показатель здесь у программы «Спасибо от Сбербанка». Особенно интересным представляется факт покупки ПАО «Сбербанк» компании *Platius* – в дальнейшем программа может перенять все прежние доработки, получив лидерские позиции. Для остальных участников это является важной информацией о возможных тенденциях развития отрасли.

Рекомендации по построению стратегии программы лояльности

Главным направлением развития программы является соперничество с новыми платформами лояльности, предлагающими высокую эффективность, хорошие результаты и новейшие мобильные технологии. Именно поэтому принципиально важным является то, насколько хорошо программы умеют работать с новыми технологиями. В преддверии прихода мобильных платежных платформ в Россию в ближайшие год–два программы лояльности, у которых будет обеспечена лучшая интеграция и развитый функционал, получат неоспоримое преимущество в работе с активной частью населения. Отсутствие карты в кармане требует пересмотра механизма коммуникаций с участником программы (например, целесообразно переосмыслить предыдущие купонные, подарочные и иные инструменты).

Учитывая непростую экономическую ситуацию, сложившуюся сегодня в России, создавать и поддерживать лояльность потребителей к определенному бренду и компаниям является крайне сложной задачей. Комплексные современные программы лояльности стараются найти максимально результативные пути ее решения. Так, переход традиционных акций в информационное пространство и мобильные платформы является весьма перспективным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Васин Ю.В., Лаврентьев Л.Г., Самсонов А.В. Эффективные программы лояльности. Как привлечь и удержать клиентов. М.: Альбина Бизнес Букс, 2004.
2. Кейнингем Т.Л. Мифы о маркетинге и лояльности потребителей. М.: Добрая книга, 2007.
3. Котлер Ф. Стратегический менеджмент по Котлеру: Лучшие приемы и методы. М.: Альпина Паблишер, 2012.

4. Котлер Ф., Келлер К.Л. Маркетинг менеджмент. 14-е изд. СПб.: Питер, 2015.
5. Носова Н.С. Лояльность клиентов, или Как удержать старых и привлечь новых клиентов. М.: Дашков, 2013.
6. Осентон Т. Новые технологии в маркетинге: золотой ключик к лояльности потребителей. М.: Вильямс, 2003.
7. Современное состояние и перспективы развития программ лояльности в России: аналитический обзор. М.: РБК, 2013.
8. Фляйшер К., Бенсуссан Б. Стратегический и конкурентный анализ. Методы и средства конкурентного анализа в бизнесе. М.: БИНОМ, 2014.
9. Эванс В. Ключевые стратегические инструменты. 88 инструментов, которые должен знать каждый менеджер. М.: БИНОМ, 2015.
10. Akamavi R., Mahemed E., Pellmann K., Xu Y. Key determinants of passenger loyalty in the low-cost business // *Tourism Management*. 2015. V. 46. P. 528–545.
11. Arbore A., Estes Z. Loyalty program structure and consumers' perceptions of status: feeling special in a grocery store? // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2013. V. 20. P. 439–444.
12. Ashley Ch., Gillespie E., Noble S. The effect of loyalty program fees on program perceptions and engagement. Article in press. // *Journal of Business Research*. 2015. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.09.001>.
13. Basso L., Clements M., Ross T. Moral hazard and customer loyalty programs // *American Economic Journal: Microeconomics*. 2009. V. 1. № 1. P. 101–123.
14. Bolton R., Kannan P., Bramlett M. Implications of loyalty program membership and service experiences for customer retention and value // *Journal of the Academy of Marketing Science*. 2000. V. 28. № 1. P. 95–108.
15. Brashear-Alejandro T., Kang J., Groza M. Leveraging loyalty programs to build customer-company identification. Article in press. // *Journal of Business Research*. 2015. <http://dx.doi.org/10.106/j.jbusres> (2015.09.014).
16. Chang S., Gibson H. The relationships between four concepts (involvement, commitment, loyalty, and habit) and consistence in behavior across leisure and tourism // *Tourism Management Perspectives*. 2015. V. 13. P. 41–50.
17. Dowling G. Customer relationship management: in B2C markets, often less is more // *California Management Review*. 2002. V. 44. P. 87–104.
18. Dreze X., Nunes J. Feeling superior: the impact of loyalty program structure on consumers' perceptions of status // *Journal of Consumer Research*. 2009. V. 35. № 6. P. 890–905.
19. Ferguson R., Hlavinka. Quo Vadis: Sizing Up the U.S. Loyalty Marketing Industry/ Milford: Colloquy. 2007. // Liu Y., Yang R. Competing loy-

- alty programs: impact of market saturation, market share and category expandability // *Journal of Marketing*. 2009. V. 73. № 1. P. 93.
20. *Frisou H.* Consumer learning as a determinant of a multi-partner loyalty programs effectiveness: a behaviorist and long-term perspective. // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2011. V.18. P. 81–91.
 21. *Gandomi A., Zolfaghari S.* Profitability of loyalty reward programs: an analytical investigation // *Omega*. 2013. V. 41. P. 797–807.
 22. *Gu Yi I., Jeong H., Choi W., Jang S., Lee H., Kim B.* Human dynamics of spending: longitudinal study of a coalition loyalty program // *Physica*. 2014. V. 410. P. 391–398.
 23. *Jai T., King N.* Privacy versus reward: do loyalty programs increase consumers' willingness to share personal information with third-party advertisers and data brokers? // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2015. Article in press. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jretconser.2015.01.005/>.
 24. *Kang J., Brashear Alejandro T., Groza M.* Customer-company identification and the effectiveness of loyalty programs. // *Journal of Business Research*. 2015. V. 68. P. 464–471.
 25. *Karajaluoto H., Jayawardhena C., Leppaniemi M., Pihlstrom M.* How value and trust influence loyalty in wireless telecommunications industry // *Telecommunications Policy*. 2012. V. 36. P. 636–649.
 26. *Keropyan A., Gil-Lafuente A.* Customer loyalty programs to sustain consumer fidelity in mobile telecommunication market // *Expert Systems with Applications*. 2012. V. 39. P. 11269–11275.
 27. *Kim B., Shi M., Srinivasan K.* Reward programs and tacit collusion // *Marketing Science*. 2001. V. 20. № 2. P. 99–120.
 28. *Kivetz R., Simonson I.* The idiosyncratic fit heuristic: effort advantage as a determinant of consumer response to loyalty programs // *Journal of Marketing Research*. 2003. V. 40. № 4. P. 454–467.
 29. *Kopalle P., Neslin S.* The economic viability of frequent reward programs in a strategic competitive environment // *Review of Marketing Science*. 2003. V. 1. P. 1–39.
 30. *Kreis H., Mafael A.* The influence of customer loyalty program design on the relationship between customer motives and value perception // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2014. V. 21. P. 590–600.
 31. *Lacey R., Sneath J.* Consumer loyalty programs: are they fair to consumers? // *Journal of Consumer Marketing*. 2006. V. 23. P. 458–464.
 32. *Lee J., Capella M., Taylor C., Luo M., Gabler C.* The financial impact of loyalty programs in the hotel industry: a social exchange theory perspective // *Journal of Business Research*. 2014. V. 67. P. 2139–2146.
 33. *Leenheer J., Bijmolt T.* Which retailers adopt a loyalty program? An empirical study // *Journal of Retailing and Consumer Services*. 2008. V. 15. № 6. P. 429–442.

34. *Leenheer J., van Heerde H., Bijmolt T., Smidts A.* Do loyalty programs really enhance behavioral loyalty? An empirical analysis accounting for self-selecting members // *International Journal of Research in Marketing*. 2007. V. 24. № 1.P. 31–47.
35. *Lewis M.* The influence of loyalty programs and short-term promotions on customer retention // *Journal of Marketing Research*. 2004. V. 41. № 3. P. 281–292.
36. *Lim S., Lee B.* Loyalty programs and dynamic consumer preference in online markets // *Decision Support Systems*. 2015. V.78. P. 104–112.
37. *Lin T., Huang S., Hsu C.* A dual-factor model of loyalty to IT product – the case of smartphones // *International Journal of Information Management*. 2015. V. 35. P. 215–228.
38. *Liu Y.* The long-term impact of loyalty programs on consumer purchase behavior and loyalty // *Journal of Marketing*. 2007. V. 71. № 4. P. 19–35.
39. *Liu Y., Yang R.* Competing loyalty programs: impact of market saturation, market share and category expandability // *Journal of Marketing*. 2009. V. 73. № 1. P. 93–108.
40. *Magi A.* Share of wallet in retailing: the effects of customer satisfaction, loyalty cards and shopper characteristics // *Journal of Retailing*. 2003. V. 79. № 2. P. 97–106.
41. *Melnyk V.* Resisting temptation: gender differences in customer loyalty in the presence of a more attractive alternative // *Australasian Marketing Journal*. 2014. V. 22. P. 335–341.
42. *Mudambi S.* Branding importance in business-to-business markets: three buyer clusters // *Industrial Marketing Management*. 2002. V. 31. № 6. P. 525–533.
43. *Nunes J., Dreze X.* Your loyalty program is betraying you // *Harvard Business Review*. 2006. V. 84. № 4. P. 124–131.
44. *O'Brien L., Jones C.* Do rewards really create loyalty? // *Harvard Business Review*. 1995. V. 73. P. 75–82.
45. *Pedeliento G., Andreini D., Bergamaschi M., Salo J.* Brand and product attachment in an industrial contest: the effects on brand loyalty // *Industrial Marketing Management*. 2015. Article in press. <http://dx.doi.org/10.1016/j.indmarman> (2015.06.07).
46. *Roehm M., Pullins E.B., Roehm H.* Designing loyalty – building programs for packaged goods brands // *Journal of Marketing Research*. 2002. V. 39. № 2. P. 202–213.
47. *Russo I., Confente I., Gligor D., Autry C.* To be or not to be (loyal): is there a recipe for customer loyalty in the B2B context? // *Journal of Business Research*. 2015. Article in press. <http://dx.doi.org/10.1016/j.jbusres.2015.07.002>.

48. Singh S., Jain D., Krishnan T. Research note: customer loyalty programs: are they profitable? // *Management Science*. 2008. V. 54. № 6. P. 1205–1211.
49. Sivakumar K. Manifestations and measurement of asymmetric brand competition // *Journal of Business Research*. 2004. V. 57. № 8. P. 813–820.
50. Thing So J., Dnaher T., Gupta S. What do customers get and give in return for loyalty program membership? // *Australasian Marketing Journal*. 2015. V. 23. P. 196.
51. Van Heerde H., Bijmolt T. Decomposing the promotional revenue bump for loyalty program members versus nonmembers // *Journal of Marketing Research*. 2005. V. 42. P. 443–457.
52. Van Rial A., de Martanges C., Streukens S. Marketing antecedents of industrial brand equity: an empirical investigation in specialty chemicals // *Industrial Marketing Management*. 2005. V. 34. № 8. P. 841–847.
53. Verhoef P. Understanding the effect of customer relationship management efforts on customer retention and customer share development // *Journal of Marketing*. 2003. V. 67. P. 30–45.
54. Woo You C., Sanders G.L., Moon J. Exploring the effect of e-WOM participation on e-loyalty in e-commerce // *Decisions Support Systems*. 2013. V. 55. P. 669–678.

N.M. ROZANOVA

Doctor of Economics (DSc), Professor, Department of Theoretical Economics, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
nrozanova@hse.ru

K.V. PARFENOV

Chief product manager, CardProService, Moscow
kparfenov@cardspro.ru

MODERN LOYALTY PROGRAMMES: COMPETITIVE FACTORS, KEY TRENDS AND RUSSIAN PROSPECTS

The article deals with the market for loyalty programs, its evolution in the world economy and in Russia, determinants of loyalty programs' success, main tendencies and general prospects are given. A detailed review of key factors and trends in loyalty programs' investigation is presented for developed economies and its history for Russian economy. Various drivers of loyalty programs' success are analysed. A special accent is touched upon a comparative analysis of advantages for loyalty programs in Russia. Recommendations for business model development in the area of loyalty programs are provided.

Keywords: *loyalty programmes; business model; industrial organization; competition.*

JEL: D21, L25, L26, M10, M11, M21, M31.

О.Е. КАЛЕНОВ

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
промышленности Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова

С.Н. КУКУШКИН

кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики
промышленности Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова

ИННОВАЦИОННОЕ РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В XXI ВЕКЕ

В статье проводится анализ инновационного развития российской промышленности, сравнивается инновационная активность российских и зарубежных предприятий. Авторами рассматривается сущность национальной инновационной системы и особенности ее функционирования в России. Выявлены основные «барьеры» на пути развития инновационной деятельности в РФ и предложен комплексный подход к активизации этого процесса.

Ключевые слова: инновации, промышленность, инновационное развитие, инновационная активность, национальная инновационная система.

JEL: O14, O33, O38, O57.

Наблюдаемые в современной экономике изменения свидетельствуют о том, что происходит существенная перегруппировка факторов, определяющих экономическое развитие. Сужающиеся возможности традиционных факторов экономического роста связаны как с приближением физических пределов их использования, так и со снижающейся эффективностью и увеличением затрат на природоохранные мероприятия. Это означает, что «краеугольным камнем» в становлении модели экономического роста в XXI в. должна стать система научных знаний, инновационных технологий, продуктов и услуг.

Экономика любого государства состоит из множества отраслей, но ее основой, безусловно, является именно промышленность. Развитие промышленности, особенно таких отраслей, как машиностроение, электроэнергетика и химическая индустрия, является основой для ускорения научно-технического прогресса во всем народном хозяйстве. Тяжелая промышленность выступает фундаментом всей экономики, основой для расширенного воспроизводства и экономического развития всех субъектов Российской Федерации. Не будет ошибкой сказать,

что от инновационной активности предприятий промышленности зависит социально-экономическое благополучие страны в целом – от ее обороноспособности до уровня жизни российских граждан.

Под инновационной активностью промышленных предприятий понимают интенсивность осуществления деятельности по разработке и внедрению новых или усовершенствованных технологий и продуктов в хозяйственный оборот.

Анализ статистической отчетности¹ показывает, что с 1995 по 2000 гг., т.е. за 5 лет, удельный вес предприятий, которые осуществляли технологические инновации, вырос почти в 2 раза: в 1995 г. – 5,5%, в 2000 г. – 10,6%. Начиная с 2001 г. этот показатель практически не меняется, наблюдаются лишь незначительные его колебания. В 2014 г. он был равен 9,7%. Объем инновационной продукции в рассматриваемом периоде вырос также почти в 2 раза: в 1995 г. – 4,7%, а в 2014 г. – 8,2%. При этом объем затрат на инновации (в ценах 1995 г.) увеличился в 4 раза (в 1995 г. – 7254,1 млн руб., в 2014 г. – 29100,2 млн руб.). Удельный вес этих затрат в общем объеме выпуска товаров и услуг за данный период увеличился более чем в два раза и составил в 2014 г. – 2,1% (в 1995 г. – 0,9%).

Обратимся к малым предприятиям. По статистике в экономически развитых странах именно они обеспечивают производство половины всех технологических нововведений. Инновационная активность малого бизнеса была выше, чем в среднем по экономике России. Число малых предприятий за период с 2000 г. по 2014 г. увеличилось более чем в 3 раза – с 1,3 до 4,8%. Удельный вес инновационных товаров в общем объеме выпуска товарной продукции также вырос с 0,6 до 2,1%. Объем фактических затрат на инновации (в ценах 1995 г.) в 2000 г. составлял 183,7 млн руб., в 2014 г. – 547,3 млн руб. При этом удельный вес этих затрат в общем объеме продукции изменился незначительно – с 0,6% в 2000 г. до 1% в 2014 г.

Сравнивая инновационную активность промышленных предприятий РФ с другими странами, можно прийти к выводу, что она крайне низкая. Лидером по этому показателю является Израиль. Его совокупный уровень инновационной активности составляет 75,2% , в ЮАР – 73,9%, в Германии – 66,9%, в РФ – 9,9%. Таким образом, Россия отстает от лидеров почти в 7–8 раз. От наименее прогрессивных стран – Румынии (20,3%) и Чили (19,2%) – отставание тоже значительное.

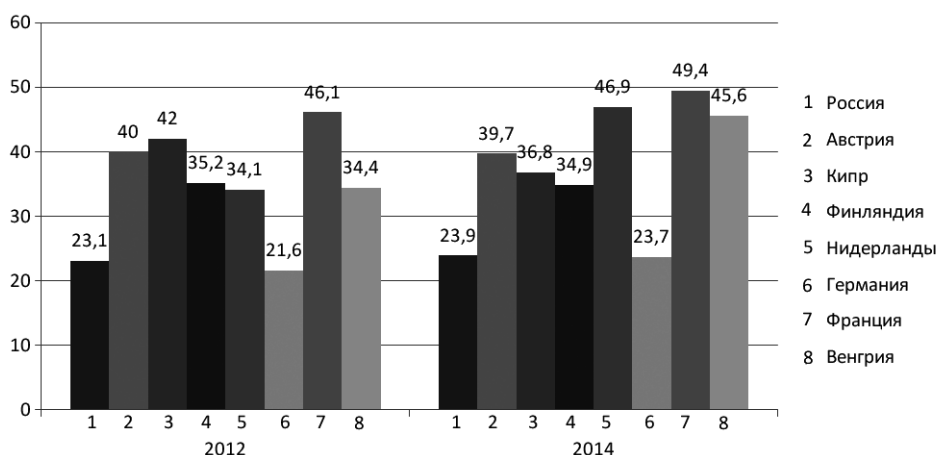
Доля российских предприятий, осуществляющих инновации, с 2006 по 2014 гг. изменилась незначительно: в 2006 г. – 8,6%, в 2010 г. – 7,9%, 9,1% – в 2012 г., в 2014 г. – 8,8%. Похожие тенденции в этот период наблюдались и в других странах: в Германии – в 2006 г. – 65,1%, в

¹ Индикаторы инновационной деятельности. 2016. Стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016.

2010 г. – 63,8%, в 2012 – 64,2%, в 2014 г. – 55%; в Австрии – в 2006 г. – 52,5%, в 2010 г. – 42,9%, в 2012 г. – 43,9%; в 2014 г. – 39,3%; в Люксембурге – в 2006 г. – 52,2%, в 2010 г. – 46%, в 2012 г. – 50,0%, в 2014 г. – 48,5%.

Замедление темпов роста инновационной активности в мировом хозяйстве является следствием мирового экономического кризиса 2008–2009 гг. Для российской экономики, помимо вышеназванной причины, низкая динамика инновационной активности объясняется также введением санкций США и ряда европейских государств.

Особенностью современного этапа инновационной деятельности является возрастающее участие государства. Это участие может реализовываться в самых различных формах: непосредственное участие в создании и реализации инновационных продуктов, прямое бюджетное ассигнование, «моральная» поддержка инновационно емких отраслей и предприятий и др. Одним из показателей, характеризующих участие государства в инновационной деятельности, является удельный вес организаций, получавших финансирование из средств бюджета в общем числе организаций [2]. Значения этого показателя представлены на рис. 1.

Источник: по данным международной статистики.

Рис. 1. Удельный вес организаций, получавших бюджетное финансирование инновационной деятельности, в общем числе организаций.

Анализ работы российских промышленных предприятий, занимающихся различного рода инновационной деятельностью, показал, что наибольшую долю здесь занимает приобретение машин и оборудования. Этот вид деятельности осуществляют около 60% предприятий, что может быть связано с критическим износом парка оборудования и необходимостью скорейшего его обновления. На некоторых предприятиях до сих пор, хотя бы частично, используется оборудование,

сохранившееся еще с советских времен и которое уже не отвечает современным производственным требованиям.

Исследованиями и разработками занимается приблизительно 35% промышленных предприятий, руководство которых понимает, что возможность улучшения финансового состояния за счет повышения цен не безгранична, и поэтому необходимо прибегнуть к поиску новых технических и технологических решений.

Следующий вид инноваций – это программные продукты. Их осуществляют 25–30% предприятий. Это связано с тем, что темпы морального износа программных средств очень высокие. По остальным видам инноваций прослеживается снижение активности.

В 2014 г. только 17% предприятий уделяли внимание обучению и переподготовке персонала, а в 2000 г. этот показатель был равен 25%. Хотя руководители предприятий отдают себе отчет, что именно персонал способен решить поставленные инновационные задачи. И как показывает анализ деятельности предприятий, особенно «средних», наличие нескольких «классных» разработчиков, а также небольшого числа высококвалифицированных исполнителей (рабочих), способно обеспечить «будущую рентабельность предприятия».

Мало внимания предприятия уделяют приобретению технологий и патентов (лицензий). Количество организаций, осуществляющих эти виды инноваций, уменьшается: 10,5% – в 2000 г. , 6,4% – в 2014 г. Это может происходить по причине недостатка собственных средств на приобретение лицензий на стороне, низкой «патентной культуры», отсутствия информации о новых разработках и т.п.

Тем не менее число патентов на изобретения с 2010 по 2015 г. увеличилось с 151,4 ед. до 199,7 ед. (см. рис. 2). Это объясняется желанием защитить продукты интеллектуальной собственности, в т.ч. и за рубежом, в связи с вступлением России во Всемирную торговую организацию в 2012 г. [3]. К тому же патенты служат защитой инноваций от быстрого копирования конкурентами, причем эта защита допускает определенную открытость, не снижая, хотя бы теоретически, стимулы к инновациям.

Следует отметить, что предприятия не уделяют достаточно внимания маркетинговым исследованиям, которые также относятся к инновационной деятельности. Это может быть обусловлено следующими причинами:

- отсутствием квалифицированных специалистов в области маркетинга, способных грамотно провести исследования рынка и определить потребности потребителя;
- недостатком средств для организации и функционирования маркетинговых подразделений на фирме;
- недооценкой роли маркетинга в современной стратегии развития бизнеса.

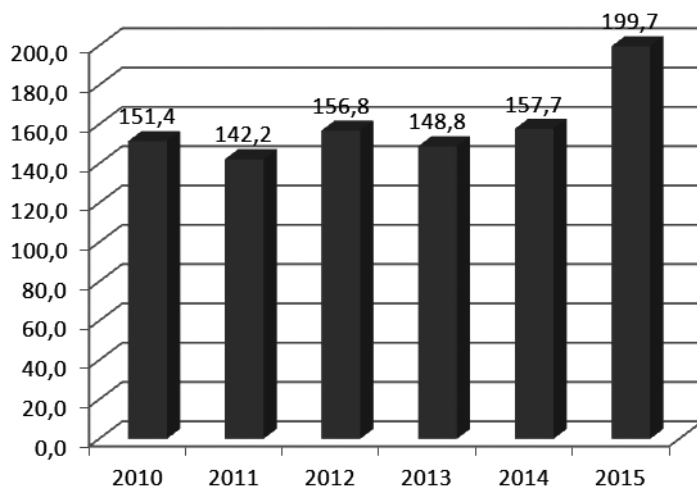

Рис. 2. Число патентов на изобретения, выданных Роспатентом российским заявителям, в расчете на 1 млн человек населения, ед.

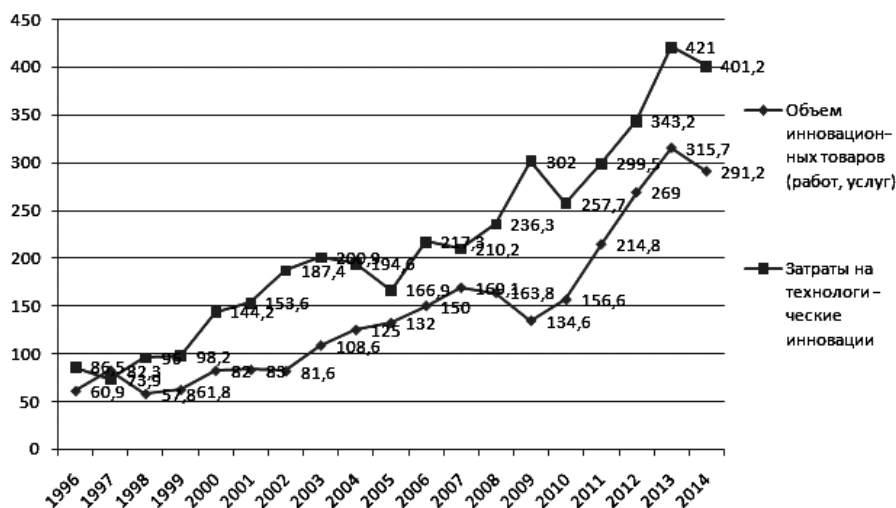

Рис.3. Взаимосвязь роста затрат на инновации и объема инновационных товаров.

Как показывает анализ, объем инновационных товаров за период с 1995 г. по 2010 г. вырос в 1,6 раза. Наибольший рост наблюдался в 2007 г. (см. рис. 3) и составил 169,9% по сравнению с 1995 г. Также необходимо отметить, что в предшествующие «пику» пять лет средний темп прироста составил более 10 %. После этого произошел «обвал» (в 2009 г. – 133,5%), далее – снова рост (в 2010 г. – 156,7%, в 2012 г. – 269,0%, в 2013 г. – 315,7%). В 2014 г. начинается снижение (291,2%), что объясняется ухудшением общего экономического положения в стране.

Одной из причин резкого падения объема инновационных товаров в 2009 г. можно считать экономический кризис, но существуют и более глубокие причины [4]. Так, сформировавшие инновационный подъем разработки не носили прорывной характер. Они позволили получить определенную прибыль инноваторам и инвесторам, но не смогли обеспечить переход производства на новый, более высокий качественный уровень. Реализуемые инновации носили локальный характер, затрагивая только отдельные производства и некоторые рынки, а порой и отдельные продукты. Таким образом, они обеспечивали кратковременное удовлетворение потребностей. Это подтверждается и представленным на рис. 3 графиком объема инновационных товаров. Характеризующая инновационную динамику за последнее десятилетие линия напоминает S-образную кривую. Этапы «зрелости» и «спада» приходятся именно на 2008–2009 гг. Начало цикла приходится на 1998 г. Он протекал с различной динамикой вплоть до 2008–2009 гг.

Об окончании этого цикла и начале другого свидетельствуют данные о затратах на технологические инновации, представленные в виде графика (см. рис. 3). На графике видно, что в 2007–2009 гг. резко увеличились затраты на инновации. Это являлось свидетельством того, что в экономике шло формирование инновационного потенциала для следующего инновационного цикла, «всплеск» активности которого мы сейчас наблюдаем. Хотелось бы верить, что он приведет к глобальным изменениям в бизнесе, а не будет носить лишь локальный характер.

Безусловно, основную финансовую нагрузку при разработке и внедрении технологических инноваций должны нести сами фирмы-разработчики. Но для того чтобы произошли серьезные изменения, необходима ощутимая поддержка государства. Тем не менее, как уже упоминалось выше, финансирование инноваций из бюджетов различных уровней в российской экономике минимально. Это проиллюстрировано данными, представленными в табл. 1 и на рис. 4. На них отчетливо видно, что до 2009 г. бюджетное финансирование составляло около 3%, в 2010 г. объем бюджетных средств возрос на 2,0% (составил 5%), в 2014 г. – 6,3%.

С 2006 г. достаточно высокими темпами, причем скачкообразно, растет доля «прочих средств». Данные средства могут предоставляться как банками и различными финансовыми организациями, так и частными инвесторами. Для финансирования инновационных процессов, особенно на начальных стадиях, необходимы другие виды финансирования, например, венчурные. К сожалению, у нас в стране эти виды пока недостаточно развиты.

Таблица 1

Распределение затрат на технологические инновации по источникам финансирования (в %)

Показатель	1995	1998	2000	2002	2004	2006	2008	2010	2012	2014
Собственные средства предприятий	87	74	82,3	85,9	86,1	77,3	72,3	69,1	73,6	65,6
Бюджетные средства	482	4,4	4,1	2,8	3,1	4	3,1	5,0	7,5	6,3
Внебюджетные фонды	3,8	3,4	2,7	0,5	0,2	0,1	0,1	0,01	0,6	0,3
Иностранные инвестиции	5	10,1	530	0,7	23	0,6	0,1	2,7	2,7	0,1
Прочие средства	–	8,2	5,5	10	8,2	18	24,4	23,2	15,9	27,6

Источник: Индикаторы инновационной деятельности: 2016: Стат. сб. М.: Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», 2016.

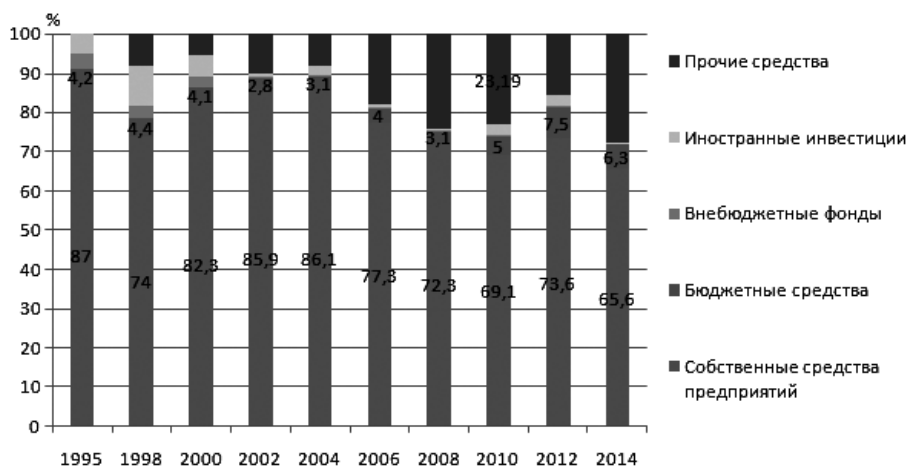

Рис. 4. Затраты на технологические инновации по источникам финансирования (в %).

Из данных, представленных в табл. 1, видно, что объем иностранных инвестиций падает. В 2014 г. этот показатель достиг минимума (0,1%). Это связано с массовым оттоком капитала из России и ухудшением инвестиционного климата в последние годы.

Таким образом, проведенный анализ показывает, что инновационная активность российских промышленных предприятий находится на достаточно низком уровне. И хотя по некоторым показателями наблюдается незначительная положительная динамика, без устранения основных барьеров говорить об инновационном прорыве крайне сложно.

Направления активизации инновационного развития промышленности РФ

Как уже было сказано выше, развитие российской промышленности столкнулось с целым рядом серьезных проблем, в том числе с низкой инновационной активностью отечественного бизнеса. Все барьеры на пути инновационного развития можно условно разделить на несколько групп.

1. *Общэкономические.* К ним можно отнести высокие экономические и политические риски, недостаточную поддержку инноваций со стороны государства, необходимость нести высокие затраты на инновации и недостаток собственных финансовых средств.

2. *Внутренние (внутрифирменные).* Это и низкий инновационный потенциал российского бизнеса, который объясняется недостатками организационной культуры, особенно на «старых», бывших советских предприятиях, и некоторая инертность и недальновидность нынешнего менеджмента. Причинами этого могут являться недостаточность квалификации, отсутствие видения стратегии развития своей фирмы, пессимизм.

Нельзя сбрасывать со счетов и влияние собственника, его стремление как можно быстрее окупить свои вложения, а не «ловить журавля в небе». Сдерживающим фактором выступает также недостаточная квалификация персонала. Другие внутренние факторы можно объединить одним термином – недостаток информации. Это касается как информации о новых технологиях, так и о рынках сбыта продукции.

3. *Прочие.* В первую очередь, – это несовершенство законодательной базы. Законодательная база, касающаяся разработки и внедрения нововведений, начала создаваться с середины 1990-х годов. Помимо законов разрабатываются специальные программы, способствующие или опирающиеся в своей реализации на инновации и новые технологии. Одной из главных таких программ необходимо считать Программу социально-экономического развития России до 2020 г. (Концепция «Стратегия-2020»). Она была дополнена программами инновационного развития и использования нанотехнологий. Программы согласованы как по времени, так и по этапам реализации. В программах поставлены цели и задачи, но, к сожалению, не обозначены инструменты достижения заявленных целей. Более того, большинство из них так и осталось нереализованными, т.е. исполнение программ в целом было сорвано. То же самое можно сказать и о Федеральном законе от 31.12.2014 г. № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации».

Нужно учитывать тот факт, что законы не в состоянии активизировать инновационную деятельность – они лишь могут способство-

вать созданию условий и инфраструктуры для активизации и повышения эффективности инновационной деятельности бизнеса [1]. В то же время необходим специальный законодательный акт, в котором бы определялись основные объекты инноваций, а также регламентировалась и стимулировалась инновационная деятельность. А его у нас пока, к сожалению, нет.

По мнению авторов, важнейшая причина низкой степени инновационного развития отечественной промышленности кроется в разбалансированности национальной инновационной системы (см. рис. 5). Национальная инновационная система – это совокупность субъектов и институтов, которые должны осуществлять и поддерживать инновационную деятельность. Ее основными элементами являются: государство, бизнес и учебные и научные учреждения.

В настоящий момент ситуация в России такова, что эти элементы действуют обособленно, практически не взаимодействуя между собой. Кроме того, слабо развито взаимодействие трех основных элементов системы (науки, образования и бизнеса). Оно должно осуществляться по горизонтали, без государственного вмешательства. В процессе совместной деятельности эти элементы должны заимствовать функции друг друга, то есть бизнес – больше уделять внимания образованию и науке. В то же время образование должно освоить приемы и процессы предпринимательства. Но, к сожалению, в нашей стране этого пока не наблюдается. Более того, проводимые в течение последних 25 лет реформы отодвинули на задний план решение такой основополагающей проблемы, как сохранение и развитие отечественной науки, обеспечивающей технологическое обновление производственных процессов и выпуск конкурентоспособной продукции, востребованной на рынке. Все это привело к разрушению научно-технологического потенциала, падению производства, росту технологической зависимости от Запада.

Источник: [4].

Рис. 5. Структура национальной инновационной системы.

Для стимулирования инновационного развития российской экономики государство должно использовать механизмы государственно-частного партнерства, снять различные бюрократические барьеры, которые мешают или сдерживают эти процессы. С другой стороны, необходимо разработать законодательные и нормативно-правовые акты, которые бы защищали авторские права, определяли порядок распределение прибыли между участниками инновационных процессов.

Обращает на себя внимание отсутствие последовательности в реализации решений государства в области инноваций. Создается впечатление, что государственная инновационная политика является не жизненно важной деятельностью, а лишь модной тенденцией. Так, жизненный цикл некоторых государственных решений в этой области составляет полтора – два года. Сначала любое принятое решение получает поддержку в средствах масс-медиа, но постепенно интерес гаснет. После этого принимается следующее решение. И ситуация повторяется. Но как показывает практика, результат от инвестиций в инновационный процесс достигается через 5–7 лет.

Столь необходимые глобальные изменения могут произойти только при условии ощутимой и эффективной поддержки со стороны государства. Оно должно более активно участвовать в процессе финансирования инноваций. Это связано в том числе и с тем, что перспективы инновационного развития связаны с нанотехнологиями, разработка и внедрение которых является очень высокорисковой и дорогостоящей деятельностью. В странах Запада это осознают, поэтому доля государства в финансировании инноваций стабильно увеличивается.

Государство может стимулировать процессы инновационного развития промышленности с помощью следующих основных инструментов:

- льготной системой налогообложения для инновационных предприятий;
- выделением средств из бюджета;
- предоставлением льготных кредитов;
- организацией и содействием развитию венчурных фондов.

Необходимо отметить, что государственная поддержка не обязательно должна быть направлена на бизнес и носить только прямой финансовый характер. Необходимо усиление внимания государства к фундаментальной науке путем включения ее в число приоритетных направлений развития страны; применение эффективных форм государственно-частного партнерства в сфере инноваций, способствующего в т.ч. активизации отечественной прикладной науки; увеличение финансового и ресурсного обеспечения в сфере науки и образования и др.

Практика показывает, что высокая динамика экономического развития не может быть обеспечена лишь одними усилиями государства.

Эффективность этого процесса возможна только при взаимодействии обеих сторон – как государства, так и бизнеса. Поэтому, по мнению авторов, для повышения уровня инновационного развития российской промышленности необходим комплекс сбалансированных мероприятий как на макро-, так и на микроуровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Каленов О.Е. Организационно-экономические аспекты активизации инновационного развития: макро- и микроуровень // Креативная экономика. 2014. № 4 (88). С. 3–15.
2. Каленов О.Е. Подходы к оценке инновационной деятельности фирмы // Вестник РЭУ им. Г.В. Плеханова. М.: ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2015. № 5(83). С. 104–111.
3. Каленов О.Е., Кукушкин С.Н. Инновационный потенциал как фактор развития информационного общества // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (5 ноября 2016 г., г. Волгоград). В 3 ч. Ч. 1. Уфа: АЭТЕРНА, 2016.
4. Кукушкин С.Н., Каленов О.Е. Инновационная активность российской экономики: проблемы, особенности, пути решения // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова. 2014. № 6 (72). С. 108–118.

O.E. KALENOV

PhD, Assistant Professor of the Department for Economy of Production of the PRUE, Moscow, Russian Federation
oekalenov@yandex.ru

S.N. KUKUSHKIN

PhD, Assistant Professor of the Department for Economy of Production of the PRUE, Moscow, Russian Federation.
kykychkin@mail.ru

INNOVATIVE DEVELOPMENT OF RUSSIAN INDUSTRY IN THE XXI CENTURY

In the article the analysis of innovative development of Russian industry, compares the innovation activity of Russian and foreign companies. The authors consider the essence of the national innovation system and peculiarities of its functioning in Russia. Identified the main barriers of innovative activity of the Russian Federation and proposed a comprehensive approach to revitalize the process.

Keywords: *innovation, industry, innovative development, innovative activity, national innovation system.*

JEL: O14, O33, O38, O57.

Г.Х. БАТОВ

доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник
отдела регионального менеджмента Института информатики и проблем
регионального управления Кабардино-Балкарского научного центра РАН

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ РЕГИОНАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

В современных условиях попытки решить значительную часть вопросов, касающихся эффективного функционирования и управления экономикой и социальной сферой в регионах РФ, не дают ожидаемых результатов. Однако, на наш взгляд, многие проблемы в регионах можно решить, используя методы стратегического планирования, так как именно оно позволяет определить цели развития региона, эффективно реализовать его потенциал, скоординировать взаимодействие всех блоков региональной социально-экономической системы.

Ключевые слова: *регион, стратегия, управление, цель, целеполагание, стратегическое управление, стратегическое планирование, СКФО.*

JEL : O2, O21, P41, R5, R58.

Динамические социально-экономические преобразования, которые происходят в регионах Российской Федерации, связаны с предоставлением им больших полномочий в принятии решений относительно развития своих территорий. Переход на новую модель управления связан с необходимостью более эффективного использования имеющегося потенциала и повышения конкурентоспособности регионов при заданных стратегических целях развития конкретного региона. При этом выбор целей должен осуществляться с учетом общегосударственных стратегических целей на данный временной период.

Каждая общественно-экономическая формация использует соответствующие ей методы управления. Естественно, субъекты экономики данной формации используют те способы, которые коррелируют с существующими формами. Каждый метод управления характеризуется своим концептуальным ядром¹. В большинстве исследований, посвя-

¹ Так, например, в основе экономического метода лежат различного рода стимулы. Административный метод идентифицируется с приказами и указаниями, диктаторский характеризуется наличием неограниченной власти.

щенных управлению социально-экономическим развитием региона, предлагаются различные подходы, но базовым ориентиром выступает процесс разработки возможных сценариев развития региона на определенный период, выбор цели и возможных путей ее реализации, получение положительных трендов в развитии экономики, социальной сферы, человеческого потенциала. Такими подходами являются программный, программно-целевой, системный, ситуационный, проблемно ориентированный, количественный, процессный, проектно-плановый и др. [1]. Каждый их перечисленных подходов имеет свои сильные и слабые стороны, но общим недостатком является их направленность на решение текущих проблем и отсутствие четких установок на принятие управленческих решений, ориентированных в будущее. Но каждый регион представляет собой социально-экономическую систему, имеющую свою специфику и отличающуюся от других региональных систем. Специфика региональных проблем требует адекватного управления. При этом управленческий аппарат должен состоять из высокопрофессиональных кадров, способных решать комплексные задачи.

В нынешних условиях наиболее востребованной и приемлемой является такая форма управления, в основе которой будут лежать принципы стратегирования. Стратегия в целом определяется как общий план (не детализированный) деятельности, который охватывает длительный период времени и включает в себя необходимость учета ее результатов – показателей, отражающих степень достижения поставленных целей. Такими возможностями располагают методы стратегического управления и стратегического планирования, которые способны охватить каждый элемент системы².

Управление заключается в целенаправленном воздействии на объект управления для его перевода в другое состояние, при котором он будет функционировать более эффективно, чем в настоящий момент. Г. Клейнер замечает, что «о собственно управлении можно говорить лишь тогда, когда точно известны цели управления» [2].

Стратегическое управление можно характеризовать как деятельность, направленную на разработку миссии, реализацию важнейших целей, достижение которых позволит обеспечить эффективное развитие объекта (предприятия, фирмы, компании, региона, государства) в условиях неопределенной и нестабильной внешней среды, посредством изменения самого объекта [3]. На деле выбор стратегии – это непрерывный процесс, постоянно осуществляемый на основе получаемых импульсов и прогноза состояния внешней среды.

² Здесь хотим сделать отступление и изложить свое понимание таких понятий, как: «управление», «стратегическое управление» и «стратегическое планирование», в том контексте, в каком они используются в статье.

Особенности стратегического управления регионом определяются его сущностными чертами, назначением, миссией в составе социального государства как организации социума, жизни сообщества людей.

Стратегическое управление непосредственно связано со стратегическим планированием. Стратегическое планирование представляет собой набор действий, предпринимаемых субъектом для разработки стратегии, направленной на достижение намеченной цели. Ядром стратегического планирования является цель [4], которую необходимо достичь, а достигается она при помощи набора управленческих действий.

В соответствии с Федеральным законом № 172 «О стратегическом планировании в Российской Федерации»³ «стратегическое планирование – деятельность участников стратегического планирования по целеполаганию, прогнозированию, планированию и программированию социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, направленная на решение задач устойчивого социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований и обеспечение национальной безопасности Российской Федерации».

И для стратегического планирования, и для стратегического управления базовой функцией выступает целеполагание, объединяющее их через определенную цель.

Если структурировать предлагаемые понятия, то их можно расположить в следующем порядке: цель – планирование – управление.

Формирование цели, или целеполагание, которое представляет собой процесс последовательных и взаимоувязанных действий по выбору цели, – сложный процесс, где гармонично должны сочетаться различные факторы. Целеполагание выступает одним из важнейших компонентов и этапом управленческой деятельности, а также общего функционирования управляемого объекта. Оно определяется как формулировка или выбор цели функционирования субъекта, а также ее конкретизация на подцели и их согласование.

Вместе с тем трактовка этой функции в теории управления неоднозначна. С одной стороны, признается не просто ее «очень важная», но и определяющая роль как в управленческой деятельности, так и в других действиях. С другой стороны, функция целеполагания обычно не выделяется в качестве самостоятельной, а рассматривается как часть другой функции – планирования. Другая трактовка целеполагания состоит в том, что

³ Федеральный закон от 28.06.2014 N 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

оно рассматривается только как исходная стадия всего управленческого цикла и как бы «предшествует» ему. Это частично справедливо, но лишь в том смысле, что подчеркивает определяющую роль целеполагания в управлении, ставя его «вне и выше» всех иных функций.

Успешное социально-экономическое развитие региона зависит именно от правильно организованного процесса постановки целей и их согласования между различными структурами, такими как федеральные и региональные органы власти, предприниматели, предприятия, население и т.д. Процесс согласования целей развития региона в общем виде представляет собой договоренность между данными структурами по основным направлениям их дальнейшей деятельности.

По нашему мнению, целеполагание должно выступать самостоятельной функцией управления при реализации стратегических целей социально-экономического развития региона. Это связано с тем, что целеполагание, как правило, рассматривается на макроуровне, где приоритетными выступают национальные цели, а не цели экономических подсистем (регионов), которые и должны формировать саму национальную цель или цели.

Проблемы, которые были связаны с отсутствием целеполагания социально-экономического развития региона, устраняются Федеральным законом № 172. Важной особенностью данного закона, как правильно подметила М. Глигич-Золотарева, является «нормативное закрепление института целеполагания – впервые в отечественном законодательстве, а также постановку во главу угла управления развитием страны неких целей, которые к тому же характеризуются определенными качественными и количественными показателями» [5]. Цели становятся значимыми инструментами регионального развития, участвуя в институциональном обеспечении общественного равновесия и экономического благополучия. В Законе отмечается, что цель социально-экономического развития – состояние экономики, социальной сферы, которое определяется участниками стратегического планирования в качестве ориентира своей деятельности и характеризуется количественными и (или) качественными показателями (ст. 3 Закона). Цели, которые намечаются к исполнению, должны быть измеримы и достижимы в планируемый период.

Надо отметить, что, вводя в законодательное поле важнейший институт – целеполагание, закон в то же время не уточняет, кто должен определять цель на разных уровнях управления. Ведь цель становится краеугольным камнем всей политики, какой бы уровень управления ни рассматривался.

На наш взгляд, можно использовать различные варианты определения цели, к которым относятся:

- цель определяют депутаты законодательного собрания данного региона (субъекта РФ);

- разработкой цели развития региона занимается группа специалистов-экспертов, хорошо знающих регион;
- цель определяется путем народного голосования, когда население останавливается на какой-либо цели из предложенных вариантов;
- цель выбирается группой наиболее уважаемых и известных людей региона;
- цель определяется представителями населенных пунктов данного региона. Конечно, могут быть и другие варианты или их сочетания.

Выбор того или иного варианта при определении цели зависит от высших властных структур, но очень важно избегать принятия популистских целей, невозможных для достижения в данный момент при сложившихся условиях. Кроме этого, важнейшим элементом является получение общественной поддержки, которая может обеспечить реализацию выбранной цели и успешность стратегического курса.

Так как, согласно закону № 172, для региона необходимо определить стратегическую цель, то для Северо-Кавказского федерального округа (здесь приводится простейшая схема) такой целью могло бы стать социально-экономическое развитие региона, состоящее из подцелей: развитие человеческого капитала, повышение экономического потенциала, повышение эффективности управления ресурсами.

При декомпозиции стратегической цели по предметному признаку она бы включала показатели⁴:

- развитие человеческого капитала — достижение продолжительности жизни до 80 лет; повышение уровня жизни в 1,8 раз; улучшение экологической обстановки и т.д.;
- повышение экономического потенциала — увеличение числа малых и средних предприятий, доведение их количества до 65–70% в экономике; расширение ассортимента инновационных товаров и доведение их доли в общем объеме производства до 50%, увеличение инвестиций в отрасли, формирующие новый технологический уклад и т.д.;
- повышение эффективности управления ресурсами — увеличение эффективности использования трудовых ресурсов; увеличение эффективности использования земельных ресурсов; увеличение эффективности использования материально-технических и энергетических ресурсов на базе новых технологий и т.д.

Процесс целеполагания должен завершиться постановкой задач, решение которых необходимо для достижения каждой из цели нижестоящего уровня.

Все развитые страны уделяют пристальное внимание развитию своих территорий и региональных экономик на основе стратегиче-

⁴ Понятно, что приводимый перечень показателей нуждается в расширении и в уточнении их количественных индикаторов, а также в добавлении новых подцелей.

ского планирования. В условиях неопределенности, нестабильности внешней среды, неожиданных угроз и возможных рисков стратегическое планирование может выполнять функции, позволяющие на основе предвидения изменений принимать гибкие неординарные решения, связанные с социально-экономическим развитием региона.

Роль стратегического планирования в региональном управлении заключается в том, что в его рамках реализуется главная задача – формирование четкого образа будущего состояния региона (видение в деталях желаемого устройства социально-экономической сферы региона и взаимосвязи ее основных элементов). При движении к образу будущего перед субъектами хозяйственной деятельности ставятся конкретные цели, определяются приоритетные направления и разрабатываются пути достижения намеченных целей. Поэтому от качества процесса планирования в значительной степени зависит эффективность всей управленческой деятельности [6].

Для современной российской экономики данный способ планирования считается сравнительно новым. С точки зрения разных специалистов, использование стратегического планирования позволит решить многие проблемы, связанные с развитием экономики, и переход к этому методу на уровне региона является важным моментом в государственной политике, так как у региональной власти появляется инструмент, при помощи которого возможно перевести регион с модели функционирования на модель развития.

Так как каждый регион РФ характеризуется своими особенностями, которые его отличают от других регионов, для каждого из них необходимо разработать адекватную ему модель управления. Востребованность новых моделей управления социально-экономическим развитием региона связана с тем, что регионы осуществляют свою деятельность в условиях рыночных отношений, а рынку, как известно, присущи провалы и игнорирование вопросов социального характера – он детерминирован на получение экономического эффекта в виде прибыли. Но регион как социально-экономическая система не может быть ориентирован только на получения прибыли – он должен решать и вопросы социального характера. Поэтому вполне естественно, что ему нужен другой механизм управления.

Рассматривая состояние управления регионами России, можно отметить, что они ориентируются на разработанные ими стратегии развития до 2020 г. и далее. Анализ содержания представленных стратегий по регионам показывает, что выбранные цели научно не обоснованы и носят декларативный характер, в документах и на практике не в полной мере использованы положения, касающиеся стратегического управления и стратегического планирования. В частности, эти недостатки характерны для Северо-Кавказского федерального округа и его субъектов.

Базовым документом, которым руководствуются субъекты округа в своей деятельности, является «Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года». Стратегия содержит общее описание тенденции и сценарии развития СКФО, сформулированы цели и приоритетные направления. Но сама Стратегия и нормативные акты ее сопровождения по наиболее важным позициям не соответствуют тем требованиям, которые предъявляются Законом «О стратегическом планировании в Российской Федерации». К ним можно отнести то, что не определена миссия округа и соответственно регионов, входящих в округ, отсутствуют позиции по прогнозу социально-экономического развития и бюджетному прогнозу на долгосрочный период. Планы мероприятий по реализации стратегии, отдельные документы, которыми руководствуются в субъектах, не могут быть признаны соответствующими требованиям нового Закона.

Самой главной недоработкой и упущением является то, что субъекты – регионы СКФО – запаздывают с разработкой методических материалов по реализации различных аспектов стратегического планирования на разных уровнях. Данное положение приводит к тому, что сфера стратегического планирования остается невостребованной и неиспользуемой на региональном и муниципальном уровнях. Из-за отсутствия долгосрочных устойчивых стратегических индикаторов планирования, определяющих характер развития экономики и социальной сферы в долгосрочном периоде, значительная часть проблем регионов откладывается на более поздний срок, создает неопределенности и искусственные риски для инвесторов, снижает деловую активность населения. Практическая реализация планов и комплексных программ социально-экономического развития муниципального образования во многих случаях носит формальный и непоследовательный характер.

Эффективному решению указанных проблем препятствует отсутствие на федеральном уровне четкой правовой и методической базы по урегулированию указанных вопросов. Экономический блок серьезно запаздывает с подготовкой нормативной базы и исполнением Закона. Мониторинг существующей ситуации в СКФО показывает, что система стратегического планирования ни на одном из уровней управления не соответствует нужным требованиям.

Однозначно можно отметить, что стратегическое региональное и муниципальное планирование объективно необходимо регионам СКФО для пространственно-территориального и социально-экономического развития, интеграции производственно-технологических процессов внутри округа, диверсификации экономической деятельности.

Необходимость перехода регионов СКФО на методы стратегического управления обуславливается и рядом других причин и определяется следующими факторами:

- особенностями федерального устройства страны, распределением полномочий между федеральным центром и субъектами РФ;
- дифференциацией уровней развития региональных социально-экономических систем;
- спецификой структуры региональных социально-экономических систем, значительными различиями производственно-экономических, экономико-географических, социально-демографических и административно-территориальных структур регионов;
- особенностями политики органов власти в разных регионах, разными типами формирующихся рынков, проблемами региональной трансформации и интеграции экономического пространства;
- повышением уровня самостоятельности, децентрализацией принятия решений, передачей полномочий местным органам власти [7].

Стратегическое управление призвано обеспечивать реализацию социальных функций региона в нестабильной обстановке, путем использования своих специфических способов воздействия на внешнюю и внутреннюю среду, оказывать влияние на повышение уровня и качества жизни населения. Принципы, которыми необходимо руководствоваться при стратегическом планировании, четко сгруппированы Р. Луговским [8].

Система стратегического планирования унифицируется с учетом специфики регионов.

Теперь региональные органы власти сами смогут устанавливать требования к содержанию документов стратегического планирования, порядок их разработки, рассмотрения и утверждения. Они отвечают за согласованность и сбалансированность документов стратегического планирования в регионе.

К полномочиям органов местного самоуправления в сфере стратегического планирования отнесено определение долгосрочных целей и задач муниципального управления и социально-экономического развития муниципального образования, разработка, рассмотрение, утверждение и реализация стратегии.

Полную ответственность за осуществление государственной политики в области стратегического планирования несут высшие органы исполнительной власти субъекта РФ.

При всех недостатках и упущениях, которые отмечены выше, необходимо отметить, что Закон о стратегическом планировании является очень востребованным и своевременным. Сейчас появляется реальная возможность вовлечения регионального уровня территориального управления в систему стратегического планирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурак П. Формирование системы стратегического планирования на региональном уровне: научно-методическое обеспечение // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 11. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22509639>.
2. Клейнер Г.Б. Экономика. Моделирование. Математика. Избранные труды. Российская академия наук. Центральный экономико-математический институт РАН. М.: ЦЭМИ РАН, 2016. .
3. Селюков М.В., Скачков Р.А. О теории и практике стратегического управления социально-экономическим развитием региона // Фундаментальные исследования. 2012. № 6–2. С. 516–519.
4. Шеховцева Л.С. Концепция регионального целеполагания // Регион: экономика и социология. 2011. № 3. С. 22–38.
5. Глигич-Золотарева М.В. Старые проблемы и новые подходы к стратегическому планированию в России // Федерализм. 2014. № 3. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22030132>.
6. Чмышенко Е.В. Стратегическое планирование как фактор регионального развития // Вестник ОГУ. 2010. № 1 (107). С. 77–82.
7. Сангадиева И.Г. Стратегическое управление региональными социально-экономическими системами // Известия ИГЭА. 2005. № 1.
8. Луговской Р. Новое законодательство в сфере стратегического планирования в Российской Федерации // Проблемы теории и практики управления. 2014. № 2. <http://elibrary.ru/item.asp?id=22137311>.

G.H. BATOV

doctor of economic Sciences, Professor, leading researcher of Department of regional management, Institute of Informatics and problems of regional management, Kabardino-Balkar scientific centre of the RAS
gumarbatov@mail.ru

STRATEGIC PLANNING IN THE REGIONAL MANAGEMENT SYSTEM

In modern conditions a significant part of the issues concerning the effective functioning and management of the economy and social sphere in the regions of the Russian Federation does not give the expected results. Many of the problems inherent in the region may be solved using the methods of strategic planning. The importance of using these methods lies in the fact that it is possible to arrange balanced development of industries in the region, effectively to realize its potential, to coordinate the interaction of all participants of the regional socio-economic system.

Keywords: *region, strategy, management, target. goal setting, strategic management, strategic planning, SKFO.*

JEL: O2, O21, P41, R5, R58.

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

С.Г. АРБУЗОВ

кандидат экономических наук, председатель ассоциации
«Центр исследований экономического и социокультурного развития
стран СНГ, Центральной и Восточной Европы»

ВИДЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ, ИХ РОЛЬ И МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ УГРОЗ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

В статье рассматриваются причины возникновения и проблемы преодоления региональной дифференциации в различных странах и регионах мира, а также проводится анализ динамики территориальных диспропорций. Отмечается, что на протяжении полувека преодоление разницы в уровне социально-экономического развития отдельных регионов остается одной из основных проблем для правительств многих стран, поскольку территориальная дифференциация может спровоцировать региональные конфликты и стать причиной распада государства.

Ключевые слова: региональная дифференциация, США, Латинская Америка, ЕС, коэффициент размаха территориальных диспропорций, конвергенция и дивергенция регионов, региональные конфликты, экономическая безопасность.

JEL: P51, Q01, R12, R58.

Территориальная (региональная) дифференциация по экономическим, технологическим, социальным и другим показателям, а также по уровню институционального развития наблюдается практически во всех странах мира. Социально-экономическое пространство любого государства является поляризованным.

Так, в США наравне с развитыми штатами (городами), в которых отмечается высокий уровень жизни, существуют и территории, которые можно отнести к депрессивным и даже слабо развитым, причем их количество вследствие мирового финансового кризиса значительно увеличилось. Федеральное Бюро переписей при Министерстве торговли и Министерстве труда США ежегодно публикует данные, отра-

жающие различия в уровне социально-экономического развития территорий, в т. ч. данные по среднегодовому бюджетному доходу штатов, подушевому доходу, уровню бедности, доле населения без медицинской страховки и по уровню безработицы.

Самым бедным является штат Миссисипи, где доля бедняков в 2010 г. достигла 21,3% (наивысший уровень по США). По показателям бедности, душевого и семейного дохода, наличия медицинской страховки штат находится на нижней черте в течение многих лет. В нем самый низкий средний семейный доход (36850 долл.) – это почти половина среднего дохода домашних хозяйств штата Нью-Гэмпшир, где доля бедняков в 3 раза меньше (6,6%). В округе Колумбия бедняком считается каждый пятый житель, в штатах Мэриленд и Вирджиния – каждый 11-й. В то же время подушевой валовой региональный продукт на Аляске только в 1,8 раз превышает данный показатель в штате Миссисипи [1].

Об уровне межрегиональных различий можно судить по зависимости бюджетов штатов и местных бюджетов от федеральной помощи, которая составляет в среднем 17–20% к расходам консолидированных бюджетов штатов, а в расходах местных бюджетов – 33–35%. В 2011 финансовом году в структуре бюджетных поступлений штатов федеральные трансферты составляли в среднем 1/4, а в отдельных штатах, по которым финансовый кризис 2008–2009 гг. ударил особенно сильно, – от 1/4 до почти 1/3. При этом наиболее зависимыми от федеральных грантов были штаты Виргиния (26,8%), Невада (27,0%), Вашингтон (31,3%), Юта (31,6%) и Нью-Гэмпшир (34,5%) [1].

Необходимо отметить, что степень дифференциации социально-экономического развития регионов США не является столь значимой, чтобы стать причиной сепаратистских настроений в отдельных регионах. Однако существует достаточное количество государств, где проблема межтерриториальных различий носит более критичный характер. Например, в ряде стран Латинской Америки разница между максимальными и минимальными значениями показателя ВВП на душу населения находится в диапазоне от 4–5 до 12 раз (оценки на 2010 г.).

Среди причин такой дифференциации регионов стран Латинской Америки чаще всего называют низкий уровень развития человеческого капитала, недостаточность квалифицированной рабочей силы, слабую инновационную политику, отсутствие (неразвитость) инфраструктуры; слабый уровень кластеризации и слабую интенсивность интеграционных процессов.

Начало региональной дифференциации положила стартовавшая в начале 1940-х годов импортозамещающая индустриализация, спровоцировавшая резкий рост урбанизации и замедление сельского развития. К 50–60-м годам, наравне с нарастающими диспропорциями в уровнях городского и сельского развития, начали усугубляться

и спровоцированные резким притоком населения процессы маргинализации в крупных городах (Каракас, Мехико, Рио-де-Жанейро и др.). Окончательное формирование территориальной поляризации произошло уже в начале 70-х годов. Начавшаяся в середине 70-х годов либерализация экономики только обострила существующие территориальные диспропорции в силу невозможности в условиях открытой экономики конкурировать с производителями более развитых стран.

Увеличение спроса Китая на природные ресурсы в 2000-е гг. способствовало некоторому экономическому росту ряда стран рассматриваемого региона (рост ВВП в сырьевых регионах позволил несколько сократить социально-экономические межтерриториальные различия). Но существенных структурных сдвигов не произошло, к тому же, по мнению ряда латиноамериканских авторов, сырьевой экспорт содействовал, прежде всего, развитию метрополитенских районов.

Достаточно ярким примером является Бразилия, на протяжении полувека преодоление разницы в уровне социально-экономического развития северных и южных штатов которой остается одной из основных проблем для всех президентов и правительств. Созданные в 60-е годы региональные венчурные фонды поддержки инвестиций в Северный и Северо-восточный макрорегионы были на стыке 80-х и 90-х годов заменены на региональные фонды финансовой поддержки и дополнены многочисленными программами, предусматривавшими выплату денежных пособий населению. В середине 2000-х гг. началось активное обсуждение идеи возрождения венчурных фондов, но теперь уже в сочетании с такими мерами, как ограничение возможностей штатов по предоставлению налоговых льгот для привлечения инвесторов. Однако ни один из этих механизмов пока не дал желаемого результата – уровень экономического развития Северо-востока примерно в два с половиной раза отстает от показателей Юго-востока, а по доле неграмотного населения Северо-восток «обгоняет» Юго-восток почти в три раза. Неспособимы и экологические проблемы севера и юга страны. Следствием увеличения коэффициента размаха территориальных диспропорций явилось появление и постепенное нарастание сепаратистского движения «Республика Сан-Паулу», выступающего за отделение самого густонаселенного и промышленно развитого штата Сан-Паулу от Бразилии. Причем стоит отметить, что движение «Республика Сан-Паулу» является наиболее мощным, но не единственным сепаратистским движением в Бразилии – у него есть «старшие», хотя и не такие активные братья, например, движение «Юг – это моя страна», продвигающее идею создания независимой Федеративной республики Пампа.

Ситуация в Сан-Паулу является достаточно ярким примером такой характерной для стран Латинской Америки проблемы, как наличие гипертрофированно развитых метрополитенских ареалов.

Тенденции развития регионов не всегда отличаются стабильностью. Например, доля Каракаса в населении Венесуэлы постепенно сокращалась с 1970 до 2000 г., а к 2010 г. вновь заметно выросла. Кроме того, эти тенденции в разных странах разнонаправленные. Так, в Аргентине и Мексике доли крупнейшего метрополитенского ареала в населении стран в последние десятилетия стабильно сокращались, напротив, в Колумбии и Перу росли, а в Бразилии и Чили стабилизировались. То же самое можно сказать и про динамику численности населения вторых по значимости метрополитенских ареалов стран [1].

Неоднозначна и динамика показателей, отражающие сближение (конвергенцию) или, наоборот, расхождение (дивергенцию) регионов по уровню их социально-экономического развития.

Статистические данные последних лет показывают тенденцию некоторого сближения территорий стран Латинской Америки, но по мнению местных специалистов значительного уменьшения таких диспропорций не наблюдается, поскольку по-прежнему более высокие темпы развития имеют метрополитенские ареалы и сырьевые регионы (Атакама и Антофагаста в Чили; Санта-Крус, Чубут и Тьерра-дель-Фуэго (Огненная Земля) в Аргентине; Арекипа, Лорето и Ла-Либертад в Перу; Тариха в Боливии; некоторые регионы на северо-востоке Бразилии (в последних свой вклад в развитие дает еще и сельское хозяйство). Причем в Латинской Америке наблюдается тенденция к сокращению роли относительно высоко индустриализированных регионов, вызванные их неспособностью включения в глобализационные процессы.

Разразившийся в конце 2008 г. мировой экономический кризис обострил проблемы дифференциации социально-экономического развития регионов многих стран, имеющих федеративное устройство. Эти процессы затронули и «старые» экономически развитые страны, такие как, например, Испания и Германия, и «молодых тигров» – Россию, Бразилию, Индию. Анализ принимаемых в условиях кризиса мер по выравниванию ситуации в различных частях перечисленных стран позволяет сделать вывод о том, что наиболее эффективно проблему преодоления пагубных последствий усиления дифференциации развития регионов удастся решать в государствах с более высоким уровнем децентрализации государственного управления.

Однако сам по себе этот вывод не позволяет получить однозначные рекомендации ни о «разумной» степени децентрализации управления, ни об оптимальных механизмах такой децентрализации. В этом отношении достаточно показателен пример страны с умеренно децентрализованным управлением – Испании, состоящей из 50 провинций.

На протяжении полувека преодоление разницы в уровне социально-экономического развития отдельных регионов остается одной

из основных проблем для всех правительств. Наибольшего размаха региональная диспропорция достигла к началу 1980-х гг. В 1981 г. более 50% национального дохода производилось в 8 провинциях, занимающих лишь 1/8 часть территории государства, – в Мадриде, Барселоне, Севилье, Валенсии, Овьедо, Аликанте, Бискайе, и Гипускоа. Национальный доход на одного занятого в этих провинциях был в 2–3 раза выше, чем в менее развитых регионах Испании, следствием чего стал рост сепаратистских настроений в отдельных регионах. Именно поэтому уже в XXI в. наиболее крупные ассигнования на цели регионального развития ЕС направил именно в Испанию.

Однако несмотря на серьезные усилия, предпринимаемые как самой Испанией, так и руководством ЕС, Испания остается страной с явно выраженными региональными диспропорциями: ведущие в экономическом плане регионы по показателю ВВП на душу населения опережают более чем вдвое наименее развитые. Ситуация осложняется еще и тем, что если наиболее развитые регионы характеризуются среднедушевыми доходами, превышающими аналогичный показатель в целом по ЕС, то многие другие регионы имеют прямо противоположную картину. Это влечет за собой дополнительные политико-психологические сложности, связанные с тем, что для испанцев характерна двойная самоидентификация – с народом Испании в целом и с народом своей автономии. Следствием этого является не просто рост сепаратистских настроений, но и уже переходящие в практическую плоскость действия по выходу отдельных регионов из состава Испании. И хотя эти действия не воплотились пока в практические юридически значимые шаги, но, например, тот факт, что на прошедшем в ноябре 2014 года опросе жителей Каталонии, в котором приняло участие 42% избирателей, почти 81% проголосовали за становление Каталонии в качестве самостоятельного независимого государства, свидетельствует о том, какую угрозу территориальной целостности, а значит, и экономической безопасности государства несут региональные диспропорции развития.

Децентрализованным унитарным государством является и Италия, состоящая из 20 областей, образующих пять крупных социально-экономических регионов: Северо-Восток, Северо-Запад, Центр, Юг и Острова (Медзоджорно)¹.

¹ Понятие «Медзоджорно» было популяризировано Джузеппе Гарибальди и использовалось для обозначения солнечного юга страны, поскольку в переводе с итальянского оно означает «полдень». Однако постепенно это название приобрело негативные коннотации, оно стало синонимом экономически отсталого региона с высоким уровнем бедности, преступности и безграмотности. В данный регион входят 6 областей Южной части Апеннинского полуострова (Базиликата, Кампания, Калабрия, Апулия, Молизе, Абруццо) и острова Сицилия и Сардиния.

Традиционно Юг Италии считается отстающим от других территорий регионов. Эта проблема существует еще со времен объединения Италии, но до сих пор не решена. Так, в южных областях доходы на душу населения в 1,8 раза ниже, чем в самом развитом в стране Северо-Западном регионе (Валле д'Аоста (Аоста), Лигурия (Генуя), Ломбардия (Милан) и Пьемонт (Турин)), и в 1,5 раза ниже, чем в среднем по Италии. Причем данные Евростата показывают, что за период 2007–2011 годов масштабы региональной дифференциации доходов домохозяйств в Италии не претерпевали никаких изменений [1].

В Медзоджорно отмечаются и другие негативные тенденции:

- высокий уровень безработицы (в 2 раза выше, чем на Северо-Западе), причем разрыв постоянно увеличивается;
- самая высокая в стране доля молодых людей, которые не заняты ни трудовой, ни учебной деятельностью;
- низкий уровень образования (более 20% молодежи в возрасте 18–24 лет получили только неполное среднее образование);
- наименее благоприятные социальные условия проживания (например, самый высокий уровень убийств).

Все эти негативные тенденции являются препятствием для создания условий для развития Медзоджорно, особенно в развитии инновационных и высокотехнологичных отраслей. Попытки через перераспределение бюджетных средств оказать помощь в развитии наиболее слабым регионам приводит к укреплению сепаратистских настроений в более благополучных частях страны. Так, действующая в Италии националистическая политическая партия «Северная лига за независимость Падании» (Лига Севера) с 1991 г. выступает с идеей образования из северных провинций Италии нового государства Падания со столицей в Милане. Данная партия полагает, что южная часть Италии существует за счет налогов жителей северной части страны. Проведенные в 2010 г. компанией SWG опросы, показали, что более 60% северян поддерживают идею независимости.

В большинстве регионов Италии есть движение, отстаивающее независимость: в провинции Больцано-Боцен – Южный Тироль ряд политиков выступает за воссоединение с Австрией, в Венето движение *Indipindeza Veneta* активно борется за создание Федеративной республики Венето. В марте 2014 года было проведено электронное голосование, в котором приняло участие 2 млн человек из 3,8 млн избирателей из региона Венето. За «создание независимой, суверенной, федеративной республики Венето» проголосовало 89,1% принявших участие в голосовании. И хотя, как и в случае с Каталонией, результаты голосования не имеют юридической силы, они создают реальную угрозу экономической безопасности государства.

Необходимо отметить и валлоно-фламандский этнополитический конфликт в Бельгии, имеющий и экономическую и социальную составляющие. Хотя этот конфликт имеет исторические корни, именно обострение экономических противоречий в последние десятилетия перевели его из «тлеющего» состояния в настоящий кризис, начавшийся в 2008 году и продолжающийся до сегодняшнего дня. Развивавшаяся в индустриальную эпоху быстрыми темпами Валлония (в основном за счет угольной и металлургической промышленности) во второй половине XX века уступила «пальму первенства» Фландрии. Сейчас именно северная часть страны активно инвестирует высокотехнологичные отрасли и является своеобразным локомотивом всей бельгийской экономики, имея уровень безработицы примерно в три раза ниже, чем в Валлонии, и де-факто являясь донором валлонских социальных программ [2].

В 2007 г. разница в ВРП на душу населения в этих двух частях страны составляла 1,4 (31651€ во Фландрии, 22606€ в Валлонии). Еще более значительные различия по ВРП на душу населения наблюдались в отдельных районах (40243€ в Антверпене, 13217€ в Тюэне). Кроме экономических существуют и социальные различия: по уровню доходов (межрайонные различия достигают 1,5 раз), средней ожидаемой продолжительности жизни и т.д. Эти различия являются причиной распространения в обеих частях Бельгии ксенофобских настроений.

Нельзя не упомянуть и о так называемом «баварском сепаратизме» в наиболее экономически процветающей стране Евросоюза – Германии. С одной стороны, идеи независимости Баварии от остальной Германии можно отнести к историческим традициям этого герцогства, вошедшего в состав империи в 1871 г. Достаточно упомянуть, что на первых после Второй мировой войны выборах в Бундестаг, состоявшихся в 1949 г., более 20% мест получили представители националистической Баварской партии – главного идеолога независимости Баварии. С другой стороны, уже в 1960-х гг. баварские националисты отказались от примата идеи отделения от Германии и, казалось, эта идея канула в Лету. Однако события 2013–2014 гг., в том числе резкий рост мигрантов и обусловленное им существенное дополнительное изъятие средств из регионов-доноров в целях решения новых вызовов, спровоцировали резкий всплеск сепаратизма в Баварии, вылившийся в 2014–2015 г. в многочисленные митинги и манифестации сторонников независимости Баварии. И хотя по состоянию на 2016 г. мощность этого движения значительно меньше, чем у сепаратистов, например, Шотландии или Каталонии, его влияние на политическую стабильность, а следовательно, и на экономическую безопасность страны может существенно, даже скачкообразно, возрасти в связи с тем, что наметившееся обострение по вопросу изъятия средств из бюджета Баварии в

целях сглаживания межрегиональных диспропорций может привести к распаду правящей коалиции ХДС/ХСС, в которой лидер Христианско-социального союза, премьер-министр Баварии Хорст Зеехофер занимает всё более оппозиционную позицию по отношению к лидеру Христианско-демократического союза, канцлеру Германии Ангеле Меркель именно по вопросу межрегиональных диспропорций.

В определенной степени схожую картину можно наблюдать и в соседней Польше, где Силезия все более жестко выступает с требованием предоставления независимости. Однако в отличие от Германии корни «силезского сепаратизма» иные – в этом регионе проживает почти 68% всех граждан Польши, не идентифицирующих себя как этнических поляков, в том числе 92% всех проживающих в Польше немцев. Несмотря на это, принятый закон о национальностях и этнических меньшинствах не включил в число девяти национальностей и четырех этнических групп силезцев, а силезский язык не признан, и в Польше не принят в качестве самостоятельного языка, в связи с чем силезцам отказано в применении его в качестве регионального, хотя силезский язык зарегистрирован в Международной организации по стандартизации, а с 2007 г. включен в реестр языков мира, который ведет Библиотека Конгресса США. В результате – перманентные Марши автономии Силезии, минимальным требованием которых является экономическая автономия, что, по сути, представляет угрозу экономической безопасности единого государства.

При этом важно отметить, что, как установлено некоторыми европейскими исследователями, конвергенция государств – членов ЕС приводит к постепенному выравниванию уровня развития стран, но сопровождается ростом диспропорций в уровне развития регионов этих стран. А если к этому добавить сделанный на основе событий во Франции (поджоги и беспорядки в 2008–2009 гг. и в 2013–2014 гг.) вывод о том, что связь между ростом диспропорций регионального развития и ростом социального неравенства носит скорее качественный, нежели количественный характер и зависит во многом от различий социальных запросов жителей разных регионов, то следует признать, что вопрос о допустимом уровне диспропорций регионального развития является весьма актуальным для всех государств, включая наиболее развитые страны.

Территориальная дифференциация, экономические, политические, религиозные и идеологические противоречия могут спровоцировать региональные конфликты, проявляющиеся в форме национально-этнических и религиозных столкновений. Часто такие конфликты носят затяжной характер и оказывают непосредственное воздействие на степень устойчивости не только государства, но и всего мирового сообщества.

Одним из проявлений региональных конфликтов является сепаратизм, приводящий к нарушению государственного суверенитета, единства и территориальной целостности страны и представляющий собой политику и практику обособления, отделения части территории страны для получения статуса автономии с широкими правами или формирования нового суверенного государства.

Доминирующие проблемы определяют вид сепаратизма (социально-экономический, религиозный, национальный, языковой и т.д.). Причем даже в мононациональных государствах могут возникать социальные группы, отстаивающие свою независимость. Таким образом, территориальная дифференциация может являться причиной распада государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Региональная политика: зарубежный опыт и российские реалии / Под ред. А.В. Кузнецова, О.В. Кузнецовой. М.: ИМЭМО РАН, 2015.
2. Фламандско-валлонские взаимоотношения: конфликт или стимул развития Бельгии? <http://www.bygeo.ru/strany/belgiya/1373-flamandsko-vallonskie-vzaimootnosheniya-konflikt-ili-stimul-razvitiya-belgii.html> (дата обращения 02.04.2012).

S.G. ARBUZOV

Candidate of Economic Sciences, Chairman of Association «Centre for Research into Economic and Sociocultural Upward Enhancement of CIS Countries, Central and Eastern Europe»

rescue.org.info@gmail.com

TYPES OF REGIONAL IMBALANCES, ITS ROLE AND MECHANISMS OF IMPACT ON THE FORMATION OF ECONOMIC SECURITY RISKS

In the paper causes and problems of overcoming regional differentiation in various countries and regions of the world are considered, the analysis of dynamics of regional imbalances is carried out. It is noted that for half a century overcoming of difference in the level of social and economic development of certain regions remains to one of the main problems for the governments of many countries because territorial differentiation can provoke the regional conflicts and to become the reason of dissolution of a state.

Keywords: *regional differentiation, United States, Latin America, EU, coefficient magnitude of of regional imbalances, convergence and divergence regions, regional conflicts, economic security.*

JEL: P51, Q01, R12, R58.

ФИНАНСЫ, ДЕНЕЖНОЕ ОБРАЩЕНИЕ, КРЕДИТЫ

С.И. ЧЕРНЫХ

доктор экономических наук, профессор,
заведующий сектором Института проблем развития науки РАН,
главный научный сотрудник Института экономики РАН

МИКРОФИНАНСОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИНАНСОВО-КРЕДИТНОЙ СИСТЕМЕ: ПРОБЛЕМЫ РОСТА

В статье рассматриваются проблемы, связанные с функционированием российского микрофинансового рынка и регулированием данного процесса Банком России. Оцениваются текущее положение и перспективы развития микрофинансовых организаций, в том числе с точки зрения поддержки малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: микрофинансирование, микрофинансовые организации, Банк России, коммерческие банки, процентная политика, взыскание долгов.

JEL: E51, E58, G21.

Антипод private banking. История развития

В целом микрофинансирование можно определить как финансово-кредитную отрасль, занимающуюся предоставлением базовых финансовых и кредитных услуг недостаточно обеспеченным физическим и юридическим лицам. Кредитные продукты, предлагаемые коммерческими банками, требуют оформления внушительного пакета документов, включающего, как правило, гарантийные или залоговые документы, а срок рассмотрения заявки занимает до 10 дней, при этом нет уверенности, что необходимая сумма будет предоставлена. Микрофинансовые организации (МФО), предлагающие оформление займов на гораздо более лояльных условиях, выступают альтернативой традиционным кредитным организациям¹.

¹ Согласно Федеральному закону от 2 июля 2010 г. № 151-ФЗ «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», микрофинансовая организация – юридическое лицо, зарегистрированное в форме фонда, автономной неком-

Микрофинансирование, таким образом, находится в сегменте финансово-кредитного обслуживания, противоположном так называемому *private banking* – спецобслуживанию состоятельных клиентов. Ключевой частью микрофинансирования является микрокредитование – выдача займов в небольших размерах (за рубежом обычно до 10 тыс. долл. США, в России – до 1 млн руб.). Помимо микрокредитования в микрофинансирование также входят страхование, вклады, расчетные системы, денежные переводы и прочие услуги, рассчитанные на небогатых клиентов. Микрофинансирование помогает миллионам людей во всем мире не только «дотянуть до зарплаты» или купить сравнительно дорогую вещь, но и начать свой бизнес, включиться в мир экономических отношений и, как следствие, повысить свое благосостояние. Высокий процент, который приходится платить за пользование микрозаймом, является своеобразной страховкой МФО от убытков, причиняемых недобросовестными заемщиками, и платой за его доступность². В 2006 г. создатель первой микрофинансовой организации – банка «Грамин» (основан в 1976 г. в Бангладеш), профессор Мухаммад Юнус получил за свою деятельность Нобелевскую премию мира. Присуждая премию, Нобелевский комитет отметил: «Прочный мир не может быть достигнут до тех пор, пока обширные группы населения не найдут способы вырваться из тисков нищеты. Микрокредитование является одним из таких способов»³.

В 2005 г. в рамках объявленного ООН Международного года микрокредитования ряд организаций из развитых стран, в частности, Фонд Ситигрупп, приступил к стимулированию этой деятельности в нашей стране. По данным Российского микрофинансового центра, на апрель 2008 г. спрос на микрокредиты составлял 10 млрд долл., а совокупное предложение микрокредитов банками и небанковскими кредитными микрофинансовыми институтами составляло не более 1,5 млрд долл., или 15% от спроса⁴. В Программе антикризисных мер Правительства РФ на 2009 г. отмечалось, что программа финансовой поддержки

мерческой организации, учреждения (за исключением бюджетного учреждения), некоммерческого партнерства, хозяйственного общества или товарищества, осуществляющее микрофинансовую деятельность и внесенное в государственный реестр микрофинансовых организаций (ст. 2).

² По оценке финансового омбудсмена П. Медведева, в конце 2015 г. ставки по микрозаймам «до зарплаты» в России могли достигать 2% в день, то есть более 700% в год. Минимальная ставка – примерно 45% годовых. <http://www.azpp.ru/new-issue/v-gosdume-ogranichili-protenty-po-mikrozaymam>.

³ Российский микрофинансовый центр. О микрофинансировании. <http://www.rmcenter.ru/about>.

⁴ Российский микрофинансовый центр. Перспективы развития микрофинансирования. <http://www.rmcenter.ru/about>.

малого и среднего бизнеса, реализуемая Внешэкономбанком, будет расширена до 30 млрд руб., в том числе на цели микрокредитования предполагалось направить до 1 млрд руб. Цифра достаточно скромная, учитывая имевшийся спрос на микрофинансовые услуги. При этом в российском законодательстве тогда вообще не было определений микрофинансовой организации и микрофинансовой деятельности. В июле 2010 г. был принят уже упоминавшийся нами Федеральный закон, который дал официальный «зеленый свет» развитию МФО.

Каково место микрофинансовых организаций в отечественной финансово-кредитной системе?

Федеральный закон от 2 декабря 1990 г. № 395-1 «О банках и банковской деятельности» предусматривает, что кредитные организации могут существовать в форме банков или небанковских кредитных организаций. Банк – наиболее функционально полная кредитная организация. Небанковская кредитная организация имеет право осуществлять лишь отдельные банковские операции, допустимые сочетания которых устанавливаются Банком России.

Небанковские кредитные организации существуют во всех развитых странах. В США они называются «кредитные учреждения, отличные от банков» (Credit Agencies Other Than Banks). По роду своей деятельности они составляют мощную конкуренцию банкам на финансовых рынках, в том числе в сфере кредитования. В этом проявлялось их существенное отличие от российских небанковских кредитных организаций, существовавших в 1990-х и начале 2000-х годов, для которых было характерно преобладание расчетных операций и которые не составляли серьезной конкуренции коммерческим банкам, в частности, из-за их небольшого количества (около 50). Вместе с тем с сентября 2001 г. действовало Положение Банка России, разрешающее деятельность небанковских депозитно-кредитных организаций (НДКО), цель которых – стимулировать развитие микрофинансирования малого бизнеса в стране⁵. Эти организации могли работать только с юридическими лицами в плане привлечения и размещения денежных средств. К середине 2007 г. была зарегистрирована всего одна НДКО – НП «Женская микрофинансовая сеть» с уставным капиталом 60 млн руб. Эта организация, действовавшая с 1998 по 2011 гг. как фонд поддержки малого предпринимательства, предоставила малому бизнесу около 37 тыс. займов на общую сумму 1,2 млрд руб. Такое название было не случайно. Во всем мире большинство (до 80%) потребителей микрофинансовых услуг – женщины, потому что они (особенно в

⁵ Положение Банка России от 21 сентября 2001 г. № 153-П «Об особенностях пруденциального регулирования деятельности небанковских кредитных организаций, осуществляющих депозитные и кредитные операции».

беднейших странах) более мужчин озабочены добытием средств к существованию.

Развитие института НДКО у нас в стране сдерживалось отсутствием нормативного инструментария. В конце 2000-х годов Минэкономразвития, Банк России и Ассоциация российских банков разрабатывали проекты трансформации действующих полудеяльно МФО в НДКО. Однако, в конце концов, было решено узаконить именно МФО, и именно они в настоящее время составляют львиную долю небанковских кредитных организаций.

Современные реалии

По словам председателя Банка России Э. Набиуллиной, «небанковский финансовый сектор начинает играть все большую роль на глобальных рынках, и вопросы регулирования этого сектора в целях минимизации рисков и обеспечения его стабильного развития привлекают все большее внимание регуляторов во всем мире» [1, с. 3]. Согласно Федеральному закону «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях», государственное регулирование деятельности МФО осуществляется уполномоченным органом, который, в частности, ведет государственный реестр микрофинансовых организаций и осуществляет соответствующие надзор и контроль. Таким уполномоченным органом, естественно, выступает Банк России, получивший в 2013 г. статус мегарегулятора финансового рынка. Представляется, что по сравнению с банковским сектором «микрофинансовое хозяйство» (а им заведует Главное управление рынка микрофинансирования и методологии финансовой доступности ЦБ РФ) более беспокойное, несмотря на гораздо меньшую капитализацию. Основные показатели МФО на конец первых кварталов 2015 и 2016 гг. представлены в таблице.

Как видно из приведенных данных, основным драйвером рынка микрофинансирования в 1-м квартале 2016 г. служили микрозаймы физическим лицам. Сумма таких займов по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года выросла на 34,2% (до 40,3 млрд руб.), количество договоров, заключенных с физическими лицами, увеличилось на 50,5% (до 4,3 млн договоров). При этом средняя сумма микрозайма физического лица, по итогам 1-го квартала 2015 г., снизилась с 10,5 тыс. руб. до 9,4 тыс. руб. Наибольшей популярностью в сегменте потребительских микрозаймов пользовались микрозаймы «до зарплаты» – объем выдач таких займов вырос на 55,4% и достиг значения в 22,2 млрд руб., средняя сумма микрозайма в данной категории выросла с 5,6 тыс. руб. до 6,2 тыс. руб. Данный факт, на наш взгляд, косвенно свидетельствует о нарастании кризисных тенденций в экономике.

Таблица

Основные показатели микрофинансового рынка России

	31.03.2015	31.03.2016
Количество микро-финансовых организаций	3 897	3 852
Капитал, млн руб.	57 798,1	41 452,5
Чистая прибыль, млн руб.	1 987,0	2 286,5
Количество договоров микрозайма, в том числе:	2 877 363	4 315 621
с индивидуальными предпринимателями	10 619	6 259
с юридическими лицами	6 516	4 290
с физическими лицами (потребительские микрозаймы)	2 860 228	4 305 072
Сумма микрозаймов, млн руб. в том числе:	36 455,6	44 042,1
индивидуальным предпринимателям	3 535,3	1 863,8
юридическим лицам	2 900,0	1 892,2
физическим лицам (потребительские микрозаймы)	30 020,3	40 286,2

Источник: Банк России. Обзор ключевых показателей микрофинансовых организаций. Информационно-аналитические материалы. 2016. № 1.

Объем микрозаймов, выданных индивидуальным предпринимателям, за год снизился с 3,5 до 1,9 млрд руб. По сектору юридических лиц также наблюдается снижение – с 2,9 млрд до 1,9 млрд руб. Таким образом, за период с 31 марта 2015 г. по 31 марта 2016 г. имела место негативная динамика в этом сегменте микрофинансирования: число договоров с юридическими лицами сократилось на 34,2% (до 4,3 тыс.), число договоров с индивидуальными предпринимателями уменьшилось на 41,1% (до 6,3 тыс.). При этом, по данным Банка России, сократилась и средняя сумма микрозайма. Средний размер микрозаймов индивидуальным предпринимателям в 1-м квартале 2016 г. по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года снизился с 332,9 до 297,8 тыс. руб., юридическим лицам – с 445,1 до 441,1 тыс. руб. [2, с. 5–6]. Возможно, это также связано с кризисом и с изменениями в действующем законодательстве.

Как известно, серьезной проблемой, имеющей большой общественный резонанс, является процентная политика МФО, особенно при наличии задолженности по микрозайму. Огромные проценты и пени, а также нецивилизованные способы их «выбивания» в стиле «лихих девяностых» не могли не получить рано или поздно законодательный отпор. Федеральным законом от 29 декабря 2015 г. № 407-ФЗ с 29 марта 2016 г. ограничивается предельный размер микрофинансо-

вого долга: МФО не вправе начислять заемщику – физическому лицу – проценты и иные платежи по договору потребительского займа до 1 года, если сумма начисленных по договору процентов и иных платежей достигнет четырехкратного размера суммы займа.

В организационном плане Закон № 407-ФЗ разделил микрофинансовые организации на микрофинансовые компании (МФК) и микрокредитные компании (МКК) и дифференцировал для них систему привлечения средств. Со дня вступления в силу закона все МФО признаются МКК, которые по истечении одного года не будут иметь права на привлечение денежных средств сторонних физических лиц. Фондирование МКК будет производиться как за счет средств участников (акционеров), так и за счет средств юридических лиц. При этом у МФО-МКК, которые докажут свое соответствие требованиям МФК (одно из требований – размер капитала не менее 70 млн руб.), появятся дополнительные возможности получения ресурсов. Они смогут привлекать денежные средства от сторонних физических лиц в форме займов на сумму от 1,5 млн руб. и выпускать облигации [2, с. 7]. По нашему мнению, для простых граждан, а именно они являются основными клиентами МФО, институциональное разделение последних на микрофинансовые и микрокредитные компании несущественно и они его просто не заметят с точки зрения ранжирования. Корректнее было бы провести «водораздел» по микрофинансовым организациям первого и второго уровней.

Что касается работы с должниками, то в данном плане принят Федеральный закон от 3 июля 2016 г. № 230-ФЗ «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон «О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»» («Закон о коллекторах»), разработанный с целью регулирования деятельности по возврату долгов физических лиц, в том числе в части установления способов взаимодействия между кредитором, лицом, действующим от его имени и (или) в его интересах, и физическим лицом, в целях обеспечения защиты прав и законных интересов физических лиц, которые могут быть нарушены использованием недобросовестных методов взыскания. На рынке взыскания долгов должны появиться специалисты, которые будут действовать в цивилизованных рамках и в строгом соответствии с законом. При этом должны быть предусмотрены все меры, чтобы добросовестные взыскатели имели возможность нормально работать, а для этого необходимо еще принять целый ряд подзаконных актов. Что дальше?

Представляется, что в настоящее время микрофинансовая отрасль пребывает на стадии так называемого первоначального накопления

капитала, которую российские банки проходили в 1990-х годах. Тогда действовали «банки-однодневки» и «банки-прачечные», сейчас работают нелегальные микрофинансовые кредиторы. Но процесс концентрации капитала в МФО неминуем, и рано или поздно все должно войти в цивилизованное русло. Приемлемого уровня должны достичь проценты и иные платежи по микрозаймам. Законодательно закрепленный четырехкратный размер может соответствовать лишь указанной выше стадии. В целом мы согласны с выводом, что «следует признать высокую значимость МФО в экономике России, а также необходимость глубоких законодательных изменений, направленных на защиту интересов заемщиков, инвесторов, акционеров и держателей облигаций МФО», – при этом все они должны адекватно оценивать свои риски и повышать финансовую грамотность [3, с. 157].

На наш взгляд, серьезным недостатком в деятельности отечественных микрофинансовых организаций является существующая пока ориентация на выдачу потребительских микрозаймов «до зарплаты» в ущерб микрокредитованию малого и среднего бизнеса (МСБ). Между тем эта проблема очень острая: «В структуре совокупного ссудного портфеля нефинансовому сектору доля кредитов (банков – С.Ч.), предоставленных МСБ, продолжает оставаться незначительной. Большая часть нагрузки по его кредитованию ложится на плечи региональной банковской системы. Однако ее возможности в современных условиях весьма ограничены. Поддержки МСБ от федеральных «флагманов» российского кредитного рынка ожидать не приходится» [4, с. 71]. В этих условиях роль микрокредитования в данном сегменте трудно переоценить (вспомним зарубежный опыт). Существенную роль в исправлении ситуации, как по линии банков, так и по линии МФО, должна, на наш взгляд, сыграть Федеральная корпорация по развитию малого и среднего предпринимательства, которая осуществляет свою деятельность в качестве института развития в сфере малого и среднего предпринимательства в целях координации оказания субъектам МСБ поддержки, предусмотренной Федеральным законом от 24 июля 2007 г. № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». До июня 2015 г. эта организация называлась небанковской депозитно-кредитной организацией «Агентство кредитных гарантий», и именно в этом аспекте она должна существенно развернуть свою работу.

Для развитой финансово-кредитной системы оптимальным является вариант, когда имеют место все формы кредитования – как банковского, так и небанковского, и заемщики любой категории получают доступ к ресурсам, в том числе для развития бизнеса. МФО работают в сегменте рынка финансово-кредитных услуг, который зачастую не столь интересен банкам, в частности, в силу высоких операционных

издержек и «зарегулированности» банковской отрасли. Несмотря на достаточно высокую стоимость кредитов в микрофинансовых организациях, часто микрозаймы являются единственным доступным кредитным продуктом для домохозяйств, начинающих предпринимателей или малых предприятий, испытывающих потребность в сравнительно небольших суммах. В результате микрофинансовые организации и банки вместе участвуют в построении всеохватывающей финансово-кредитной системы, в основе которой лежит институционально диверсифицированная модель соответствующего рынка услуг для всех слоев населения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выступление председателя Банка России Э.С. Набиуллиной на XXV Международном финансовом конгрессе. Санкт-Петербург, 30 июня 2016 г. // Деньги и кредит. 2016. № 8.
2. Банк России. Обзор ключевых показателей микрофинансовых организаций. Информационно-аналитические материалы. 2016. № 1.
3. Карпушин Е.С. Развитие рынка микрофинансовых организаций России: конфликт интересов инвесторов, заемщиков и государства // Вопросы экономики. 2016. № 9.
4. Курнышева И.Р., Басс А.Б., Бураков Д.В. Есть ли будущее у региональных банков России? Циклическая оценка конкурентного потенциала // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2015. № 6.

S.I. CHERNYCH

Doctor habilitatus in economics, professor, head of the Sector of the Institute for the Study of Science of RAS, chief research fellow of the Institute of economics of RAS
esterbio@rambler.ru

MICROFINANCE INSTITUTIONS IN DOMESTIC FINANCIAL-CREDIT SYSTEM: PROBLEMS OF DEVELOPMENT

This article discusses the problems relating to the functioning of the Russian microfinance market, regulation of this process by the Bank of Russia. The author assesses the current situation and prospects for the development of microfinance institutions, including with regard to supporting small and medium-sized businesses.

Keywords: *microfinance, microfinance institutions, Bank of Russia, commercial banks, interest rate policy, debt collection.*

JEL: E51, E58, G21.

ПУБЛИКАЦИИ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

П.А. ЕРШОВ

аспирант Сибирского института управления
(филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте РФ)

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ И ПОЛИТИКА ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ПОНЯТИЙ

Импортозамещение в последние годы стало важным направлением развития российской промышленности и реализации государственной экономической политики. В статье рассматриваются теоретические аспекты проблемы отсутствия единого подхода к понятиям «импортозамещение» и «политика импортозамещения». Собраны и систематизированы определения данных понятий, предложенные отечественными и зарубежными авторами на основе различных подходов, проанализированы их содержание и упущения. Даны авторские определения понятий «импортозамещение» и «политика импортозамещения», графически показано их соотношение, сформулированы принципы реализации.

Ключевые слова: импортозамещение, понятие, принципы, политика импортозамещения.

JEL: E20.

Проблемы импортозамещения в российской экономической науке стали рассматриваться едва ли не с самого начала рыночных реформ. После кризиса 1998 г., когда импортозамещение было реализовано с наибольшим эффектом [1], тема импортозамещения постоянно поднимается в общественных и научных дискуссиях. Однако в России так и не сложилось единого мнения о сущности, целях и способах реализации импортозамещающей политики, что приводит к разному пониманию данного явления и, соответственно, к использованию самого понятия «импортозамещение». Таким образом, в современной российской экономической науке сохраняется необходимость формулирования универсального понятия «импортозамещение», его принципов и соотношения с понятием «политика импортозамещения».

Санкции западных стран, сокращение доходов от нефтегазового экспорта и девальвация рубля сделали невозможным поддержание

импорта на прежнем уровне. Но в то же время именно сейчас появились предпосылки для наиболее эффективной реализации импортозамещающей политики, необходимость реализации которой в современной России определяется многими авторами как возможность избавления от импортозависимости и обеспечения экономической безопасности государства [2], [3]. И.И. Пичурин и Д.В. Блинов указывают, что увеличение импорта никогда не приносило блага российской экономике, а в настоящее время оно достигло такого масштаба, что само существование России «оказалось под угрозой» [4]. Академик Л.И. Абалкин обосновывает тезис о том, что государство, особенно в форс-мажорной кризисной ситуации, вынуждено даже себе в убыток производить то, без чего оно не может обходиться [5].

Сами понятия «импортозамещение» и, в особенности, «политика импортозамещения», появившиеся достаточно давно, а также их цели и методы трактуются разными учеными по-разному. Крупнейшие западные ученые в области импортозамещения – Х. Ченери, Н. Картер, [6], П.Х. Линдерт [7] – рассматривали импортозамещение, с одной стороны, в качестве одного из основных стимулов развития национальной экономики, и, с другой – с позиции изменения условий внешней торговли. Также в западных работах импортозамещение определяется как способ вовлечения государства в мировое хозяйство, обеспечения роста экономики за счет развития внутреннего рынка промышленных товаров. Эти идеи основаны на том, что почти все страны, достигшие промышленного успеха, кроме Великобритании (так как она была первой страной, вставшей на путь промышленного развития), так или иначе проходили этап замещения импорта от своих более развитых соседей. С этой точки зрения, импортозамещение является естественным процессом, происходящим в разное время в различных странах.

Одним из крупнейших теоретиков, разрабатывавших концепцию импортозамещения, был латиноамериканский экономист Р. Пребиш. Главная идея Пребиша – осуществление индустриализации слабо-развитыми странами на основе импортозамещения и родственная ей концепция «опоры на собственные силы». Последняя хотя и не породила стройной доктрины экономического развития, но дала мощные импульсы для ведения целенаправленной региональной и субрегиональной политики [8].

В России теории импортозамещения стали разрабатываться значительно позже – с 1990-х годов. Основные подходы к импортозамещению были систематизированы Е.Г. Анимицей, П.Е. Анимицей и А.А. Глузовым [9]. Для того чтобы выработать наиболее «универсальное» определение данного понятия, рассмотрим основные трактовки определения импортозамещения, встречающиеся в отечественной литературе.

А.Н. Матанцев: импортозамещение – это процесс замены на рынке импортных товаров отечественными [10]. Такое определение отражает сущность процесса, но ничего не говорит о его содержании, причинах и следствиях.

Е.Е. Румянцева: импортозамещение – это уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством развития национального (внутреннего) производства того же или аналогичных товаров [11]. «Современный экономический словарь» определяет импортозамещение как уменьшение или прекращение импорта определенного товара посредством производства, выпуска в стране таких же или аналогичных товаров [12]. Недостаток такого определения состоит в том, что сокращение импорта товара не происходит по приказу или волевому решению (кроме случаев введения торгового эмбарго), а развитие отечественных производств не делает их продукцию автоматически конкурентоспособной.

Е.В. Волкова определяет импортозамещение как систему мер, обеспечивающих достижение намеченных предприятием целей по объемам и структуре импортозамещения для повышения эффективности его деятельности [13]. А.Н. Макаров под импортозамещением понимает систему мер, обеспечивающую достижение намеченных целей по объемам и структуре производства отечественной продукции при одновременном снижении потребления импортных товаров [14]. В данном случае импортозамещение понимается как целенаправленный процесс освоения новой, ранее импортируемой продукции без указания на необходимость обеспечения конкурентоспособности этой продукции и экономической целесообразности ее производства.

В.А. Семькин: импортозамещение – процесс оптимизации структуры экономики страны и региона путем создания дополнительных производств и отраслей, способных заменять импорт, позволяющих делать экономику независимой от внешних рисков, внешнеэкономических связей, внешних сговоров монополий и группировок стран, способных наносить ущерб странам-импортерам путем подрыва их стабильности и устойчивости, удорожания поставок комплектующих товаров, сырья, продовольствия [15]. В этом определении импортозамещение определяется скорее не как экономический процесс и следствие промышленного развития, а как способ защиты от недобросовестных иностранных партнеров. Понятие «оптимальной структуры» слишком субъективно и не подходит для целеполагания. Кроме того, такая экономическая защита может быть очень затратной для экономики и не соответствовать целям экономического развития.

В.К. Фальцман определяет развитие импортозамещающих производств как «восстановление конкурентоспособности российской про-

дукции по качеству и цене на внутреннем рынке» [16]. Такое определение с экономической точки зрения более оправданно, но иногда «восстанавливать» нечего, а создание новых производств и продуктов данное определение не учитывает.

А.М. Семёнов определяет импортозамещение как целевую установку обеспечения роста экономики за счет развития внутреннего рынка промышленных товаров [17]. Возможно, есть случаи (например, в условиях «мобилизационной экономики»), когда импортозамещение само по себе принимает именно форму «целевой установки». Однако в реальности это скорее не целенаправленный процесс промышленного развития, а процесс, основанный на росте производительности труда и конкурентоспособности.

В. Шумаев и Д. Морковкин: импортозамещение представляет собой тип экономической стратегии государства, которая направлена на обеспечение внутреннего рынка на основе замещения импортных товаров продукцией национального производства [18]. Безусловно, импортозамещение приводит к насыщению рынка отечественными товарами, однако данное определение не учитывает фактор конкурентоспособности и экономической эффективности.

Перечисление всевозможных определений и подходов можно продолжать достаточно долго, тем более что в последнее время темой импортозамещения занято очень много ученых и практиков. Тем не менее некоторые тенденции уже очевидны.

Экономисты развитых стран определяют импортозамещение как возможность выхода страны на международный рынок, способ включения в международное разделение труда. В Латинской Америке импортозамещение больше связывают с отторжением национальной экономики от мирового рынка, с «замыканием» производства на внутреннем потреблении и, как следствие, с развитием производства на основе гарантированного внутреннего спроса.

Определения, данные российскими авторами, выстроены в хронологическом порядке. При этом просматривается четкая тенденция: в середине 2000-х годов импортозамещение в большей степени рассматривалось как свободный экономический процесс и как следствие интенсивного промышленного развития, а в середине 2010-х годов уже больше как целенаправленная, управляемая государством стратегия развития, связанная с ростом производства промышленных товаров внутри страны, ранее импортировавшихся, и обеспечивающая товарную независимость от импорта.

Анализ перечисленных определений позволяет предложить некое «универсальное» определение импортозамещения.

На наш взгляд, *импортозамещение* – это такое развитие национальной экономики, при котором товары, производимые внутри страны,

обладают более высокими конкурентными преимуществами на внутреннем рынке по сравнению с импортируемыми.

Такая составляющая импортозамещения как «развитие национальной экономики» подразумевает, что импортозамещение всегда связано с развитием, и оно практически невозможно, или крайне затруднено, в условиях общей деградации промышленного производства. Следующая характеристика – «товары, производимые внутри страны, обладают более высокими конкурентными преимуществами» – достаточно емко описывает необходимость экономической целесообразности, эффективности, требований к качеству и обусловленность платежеспособным спросом производимых импортозамещающих товаров. Наконец, условие сравнения импортозамещающих товаров с «...импортируемыми, на внутреннем рынке...» – это условие, отделяющее импортозамещение от любого другого процесса промышленного развития.

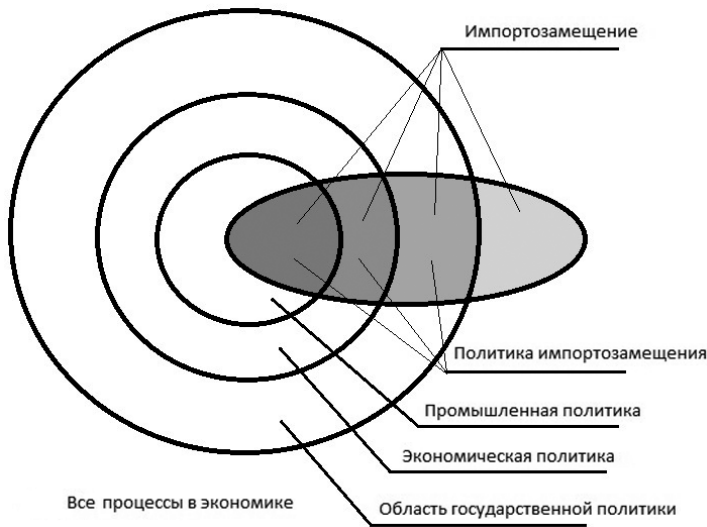
Политика импортозамещения – это целенаправленное воздействие государства на национальную экономику и создание таких институциональных условий, при которых обеспечивается возможность создания и развития производства внутри страны товаров, более конкурентоспособных на внутреннем рынке по сравнению с импортируемыми.

Главная особенность этого определения состоит в том, что функция государства проявляется не в участии государства в экономическом процессе как субъекта, заказчика или ключевого инвестора, а в том, что оно создает условия, при которых разработка и производство промышленной продукции становятся достаточно привлекательными для появления и развития в данном направлении предпринимательской инициативы и инвестиционной активности.

Импортозамещение может происходить как под влиянием промышленной, так общеэкономической политики (например, снижение или оптимизация налогов могут привести к росту инвестиций и освоению производств, ранее не существовавших). Любая другая, например, внешняя или культурная политика может также привести к изменению потребительских ценностей и предпочтений и, как следствие, к массовому отказу от потребления импортных товаров в пользу отечественных. Кроме того, импортозамещение вообще может происходить не под влиянием политики, а самостоятельно, в силу объективной инвестиционной привлекательности национальной экономики.

На рисунке соотношение понятий «импортозамещение» и «политика импортозамещения» показано с помощью кругов Эйлера.

Политика импортозамещения включает в себя все аспекты деятельности государства, направленные на развитие импортозамещающих процессов, однако ключевым и «инициирующим звеном» в ней является промышленная политика государства. Именно ее интенсив-

Источник: составлено автором.

Рис. 1. Соотношение понятий «импортозамещение» и «политика импортозамещения».

ность и эффективность определяют результат всего промышленного развития, основанного на импортозамещении.

Для того чтобы более полно раскрыть сущность импортозамещающей политики, необходимо сформулировать ее основные принципы.

На наш взгляд, принципы импортозамещающей политики, предлагаемые в научной литературе, носят преимущественно конъюнктурный характер, подходящий для текущей экономической ситуации в России, но не позволяющий признать их универсальными и теоретически обоснованными.

Е.Г. Гаврилина, А.Э. Савчук, Е.В. Неупокоева к конкретным базовым принципам реализации импортозамещающей промышленной политики в России относят [19]:

- воссоздание импортных деталей в связи с невозможностью их приобретения и модернизация существующего импортного товара как основы для начала собственного производства;
- реиндустриализацию, повышение доли промышленности в ВВП и передовых с технологической точки зрения производств в структуре промышленности;
- стимулирование внутреннего спроса на продукцию промышленных предприятий, в том числе через «дотирование» цен и систему государственного заказа;
- длительный характер проводимых мероприятий, позволяющий привлечь долгосрочные инвестиции;

- сохранение высокой степени открытости экономики, за исключением отраслей, обеспечивающих обороноспособность страны и безопасность ее граждан;
- развитие кооперации с зарубежными партнерами в областях технологического обмена, научного сотрудничества и создания передовых производственных технологий.

Данные принципы, вероятно, продиктованы необходимостью реализации политики импортозамещения в отдельных отраслях промышленности и производства некоторых товаров. Применительно же ко всей национальной экономике многие принципы не бесспорны:

- «воссоздание импортных деталей» – не всегда экономически целесообразно, да и многие развитые страны активно импортируют необходимые им комплектующие;
- «реиндустриализация, повышение доли промышленности в ВВП» – такой принцип не согласуется с необходимостью повышения конкурентоспособности и производительности труда. Искусственное расширение производства товаров, не обоснованное ростом спроса и качеством, может привести к снижению производимой прибавочной стоимости и к иным экономическим проблемам. Кроме того, как показывает практика, многие развитые страны имеют низкую долю промышленного производства, но получают значительный доход за счет специализации в других видах экономической деятельности;
- «длительный характер проводимых мероприятий» – данный принцип вызывает сомнения в связи с тем, что длительная поддержка может повлечь за собой зависимость производства от субсидирования и иждивенческие настроения в предпринимательской среде.

Есть мнение [20], что политика импортозамещения в России должна придерживаться следующих принципов:

- отказ от фетишизации роли конкуренции в развитии современной экономики;
- отказ от принципа невмешательства государства в экономику;
- отказ от представления о том, что государство является менее эффективным менеджером.

Однако данные принципы, полностью основанные на всеобъемлющем вмешательстве государства в экономику, противоречат принципам самого рынка и, кроме того, ведут к подмене предпринимательской инициативы государственной поддержкой, что в конечном счете пагубно сказывается на конкурентоспособности, производительности труда и экономической выгоде от создаваемых производств.

Если понимать принципы как ограничения, требующие безусловного соблюдения, то для политики импортозамещения они будут следующими:

- рост производительности труда. М. Портер утверждает, что основной показатель, определяющий конкурентоспособность национальной экономики, это ее производительность [21], то есть объем производимой продукции на единицу затраченного фактора производства (труда, капитала и т.д.). Соответственно, для успешной реализации политики импортозамещения в первую очередь необходимо воздействовать на рост конкурентоспособности отечественной продукции, а это означает постоянный и более быстрый, чем у стран-конкурентов, рост производительности экономики в целом. Несоблюдение данного принципа приводит к потере экономической выгоды, к утрате рынков сбыта и к очередному витку импортозависимости;
- ограниченность во времени. Действие мер поддержки производителей, а так же достижение поставленных целей должно укладываться в строго ограниченные временные рамки. Иными словами, поддержка импортозамещения должна осуществляться только на этапе создания нового производства или с целью помочь пережить кризисный период. Несоблюдение данного принципа приводит к подмене предпринимательской инициативы государственным стимулированием, зависимостью производства от постоянного субсидирования и, в конце концов, к убыточности производства;
- открытость экономики. Для развития современного производства необходим постоянный приток инвестиций, новых технологий, оборудования, обученных специалистов в национальную экономику. Закрытость экономики только препятствует этим процессам. Несоблюдение данного принципа ведет к низкой конкуренции на внутреннем рынке, медленному обновлению производства, снижению инновационной активности, потере качества и конкурентоспособности товаров и, как следствие, к экономическим убыткам;
- стратегический характер политики импортозамещения. Несмотря на то, что политика импортозамещения должна опираться в первую очередь на рыночные механизмы, сама по себе политика является процессом целенаправленным и, как следствие, должна содержать в себе стратегическое видение на средне- и долгосрочную перспективу. Такое видение придает стабильность всей экономической системе, а также уверенность и необходимые ориентиры для предпринимателей и инвесторов. Несоблюдение данного принципа может их отпугнуть;
- стимулирующий, а не директивный характер реализации политики. История знает немало примеров [22], когда правительства, в погоне за созданием производств отечественных товаров, пре-

небрегали объективными экономическими законами и создавали чрезмерно благоприятные условия для ведения экономической деятельности. Конечно, на какое-то время это создавало новые рабочие места и обеспечивало некоторый экономический рост. Однако в дальнейшем это приводило к самоизоляции от мировой экономики; к технологическому и конкурентному отставанию; к неэффективному управлению и использованию ресурсов; к необходимости выстраивать производственные цепочки, которые могут быть более капиталоемкими и ресурсоемкими, чем уже существующие, и, как следствие, – к глубокому экономическому кризису.

Выводы

1. Импортозамещение – это такое развитие национальной экономики, при котором товары, производимые внутри страны, обладают более высокими конкурентными преимуществами на внутреннем рынке по сравнению с импортируемыми.
2. Политика импортозамещения – целенаправленное воздействие государства на национальную экономику и создание таких институциональных условий, при которых обеспечивается возможность создания и развития производства внутри страны товаров, более конкурентоспособных на внутреннем рынке по сравнению с импортируемыми.
3. Принципы политики импортозамещения:
 - рост производительности труда;
 - ограниченность во времени;
 - открытость экономики;
 - стратегический характер политики импортозамещения;
 - стимулирующий характер реализации политики импортозамещения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кадочников П.А. Анализ импортозамещения в России после кризиса 1998 года. / П.А. Кадочников. 2006.
2. Фальцман В. Российские товары на мировом рынке: как измерить конкурентоспособность? // Современная Европа. 2014. № 1. С. 5–16.
3. Иванов И. Импорт и импортозамещение в России // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 1. С. 15–21.
4. Пичурин И.И., Блинов Д.В. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО. Екатеринбург: Изд-во УМЦ УПИ, 2014.
5. Абалкин Л.И. Избранные труды: в 4-х т. Т. IV: В поисках новой стратегии / ВЭО России. М.: Экономика, 2000. .

6. Ченери Х., Картер Н. Внутренние и внешние аспекты планов и процесса экономического развития // Конференция по долгосрочному планированию и прогнозированию. М., 1972. С. 77–110.
7. Линдерт П.Х. Экономика мирохозяйственных связей / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
8. Гладкий Ю.Н., Корнекова С.Ю. Импортозамещение и конкурентоспособность российской экономики: к диалектике взаимосвязей // Общество. Среда. Развитие. 2015. № 3. С. 92–97.
9. Анимица Е.Г. Импортозамещение в промышленном производстве региона: концептуально-теоретические и прикладные аспекты / Е.Г. Анимица, П.Е. Анимица, А.А. Глумов // Экономика региона. 2015. № 3. С. 160–172.
10. Матанцев А.Н. 600 способов продвижения торговой марки. М.: Дело и сервис, 2003.
11. Румянцева Е.Г. Новая экономическая энциклопедия. М.: Инфра-М, 2005.
12. Райзберг Б., Лозовский Л., Стародубцева Е. Современный экономический словарь. М.: ИНФРА-М, 2006.
13. Волкова Е.В. Реализация стратегии импортозамещения продукции на российских промышленных предприятиях // Экономические науки. 2009. № 12. С. 281–286.
14. Макаров А.Н. Импортозамещение как инструмент индустриализации экономики региона. Инновационный аспект. На примере Нижегородской области // Инновации. 2011. № 5. С. 90–93.
15. Семькин В.А., Сафронов В.В., Терехов В.П. Импортозамещение как эффективный инструмент оптимального развития рыночной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 7. С. 2–7.
16. Фальцман В.К. Приоритеты структурной политики: импортозависимость, импортозамещение, возможности экспорта инновационной продукции промышленности // ЭКО. 2014. № 5. С. 162–181.
17. Семенов А.М. Политика импортозамещения в развитии фармацевтической промышленности России: автореф. дис. ... канд. эконом. наук. М., 2014.
18. Шумаев В., Морковкин Д. Импортозамещение как стратегическое направление инновационно-индустриального развития экономики России // Ресурсы. Информация. Снабжение. Конкуренция. 2014. № 4. С. 123–126.
19. Гаврилина Е.Г., Савчук А.Э., Неупокоева Е.В. Политика импортозамещения в современной экономике России. USA: Raleigh, Lulu Press, 2015.

20. Пичурин И.И. Обеспечение импортозамещения после вступления России в ВТО: Монография / И.И. Пичурин, Д.В. Блинов. Екатеринбург: Изд-во УМЦУПИ, 2014.
21. Портер М. Конкуренция / Пер. с англ. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005.
22. Юнусова Э.Р. Модернизация как условие перехода от импортозамещения к экспортоориентированной экономике инновационного типа (зарубежный опыт) // Экономика и управление. 2013. № 5. С. 74–79.

P.A. ERSHOV

postgraduate student of the Department of taxation and accounting, of the Siberian Institute of Management – Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Novosibirsk, Russian Federation

Liery2009@mail.ru

IMPORT SUBSTITUTION AND IMPORT REPLACEMENT POLICY: A THEORETICAL APPROACH TO THE DEFINITION OF THESE CONCEPTS

Import substitution in recent years has become an important direction of development of the Russian industry and the implementation of government economic policy. The article deals with the theoretical problem of the lack of a unified approach to the concepts of “import substitution” and “policy of import substitution,” a complete and universal definition of these definitions. Collect and systematize the definition of “import substitution” proposed by Russian and foreign authors on the basis of different approaches, analyzes their contents and omissions. Based on the results of the analysis are copyrights universal concept of “import substitution” and “import substitution policy” that graphically shows their relationship, formulated the principles of implementation.

Keywords: *import substitution, the concept, the principles of import substitution policies.*

JEL: E20.

А.Ю. ТУМАНОВ
соискатель Института экономики Российской академии наук

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ НЕПРЕРЫВНОСТЬЮ БИЗНЕСА В ПЕРИОД ПЯТОГО ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО УКЛАДА

В статье исследуется система управления непрерывностью бизнеса (УНБ) в период становления и развития пятого технико-технологического уклада. Рассмотрен и систематизирован мировой и отечественный опыт УНБ.

Ключевые слова: рыночные формы организации экономики, непрерывность бизнеса, управление непрерывностью бизнеса, технико-технологический уклад, стандарты в управлении непрерывностью бизнеса.

JEL: D81, M21.

Постановка проблемы

Основным вопросом при организации нового бизнеса является оценка его конкурентоспособности и вероятности «выживания». Проблема непрерывности бизнеса качественно отличается от традиционной проблемы рыночной конкурентоспособности, когда ее низкий уровень приводит к банкротству фирмы или компании. Проблемы конкурентоспособности решаются с помощью использования юридических и финансово-экономических процедур оздоровления, реализация которых направлена на финансово-хозяйственное оздоровление бизнеса и позволяет избежать окончательного краха.

Нарушение непрерывности бизнеса обычно связано с резким нарушением нормальной работы компании, которое может быть вызвано прерыванием доступа к важнейшим ресурсам, включая каналы дистрибуции и сбыта продукции, а также сырьевого, энергетического, информационного обеспечения. Традиционные процедуры банкротства в данном случае не способны привести к финансово-хозяйственному оздоровлению бизнеса. Возникает необходимость в использовании иных механизмов управления, а именно *инструментов управления непрерывностью бизнеса*. В противном случае восстановление нормальной работы компании может оказаться невозможным.

Выделение управления непрерывностью бизнеса в отдельное направление менеджмента обусловлено практической целесообразно-

стью. Современное технологическое развитие характеризуется постоянным усложнением бизнеса, связанным с необходимостью включения его в разнообразные сетевые структуры, традиционно охватывающие практически все аспекты принятия управленческих решений, а именно: управление маркетингом и каналами дистрибуции продукции, информационными и энергетическими потоками, транспортными коммуникациями, поставками сырья и комплектующих, подключением к сетям очистных сооружений.

Любые значимые управленческие решения в реальном секторе современный бизнес принимает в условиях взаимодействия с банками и другими финансовыми организациями (например, в ходе проработки бизнес-планов, инвестиционных проектов). В силу этого даже хорошо работающая компания может оказаться подвергнутой рискам прерывности. Для управления подобной группой рисков исторически был выработан особый механизм управления непрерывностью бизнеса (УНБ), позволяющий резко сократить прерывность и повысить доходность бизнеса за счет повышения его устойчивости.

УНБ – это специально сформированная система учета, планирования и преодоления угроз прерывания бизнеса со стороны макро- и микро-экономических и политических шоков, стихийных бедствий, ошибочных действий персонала и других рисков. Для реализации подобной системы требуется специальный комплекс моделей, значительный объем разнотиповой информации, а главное – специалисты высочайшей квалификации, способные интегрировать огромный массив информации при формировании реалистичных сценариев будущего развития.

Современные информационные технологии проникают во все структуры бизнеса, который начинает зависеть от ИТ-услуг (сервисов), последствия от потери которых становятся все более ощутимыми. Многие компании могли бы предотвратить или минимизировать серьезные риски, если бы постоянно разрабатывали планы УНБ.

Происходящие изменения осознались бизнес-сообществом как необходимость формирования соответствующего процессного управления, основанного на изначальном включении процедур управления непрерывностью бизнеса в организационные структуры и финансовые потоки. В крупных корпорациях повысилась роль подразделений, нацеленных на решение отдельных вопросов управления непрерывностью бизнеса при сохранении базовых функций контроля. Это дало возможность значительно рассредоточить функции управления на всех уровнях. Процессный характер управления позволил подойти к планированию и финансированию действий организации с позиций предотвращения широкомасштабных потерь в условиях возникновения чрезвычайных ситуаций, которые могут произойти как в организации в целом, так и в каждом ее блоке.

По мере внедрения информационных технологий в основные бизнес-процессы скорость выполнения, непрерывность процессов стали зависеть от технологий обработки и передачи цифровой информации, технологичности ее хранения. Стали развиваться требования к резервированию, безопасности самих ИТ-систем. Повысились требования к скорости прохождения бизнес-процессов, к защите торговой марки и репутации на рынке, защите сотрудников, зданий и сооружений компании в коммерчески приемлемые сроки.

Хотя само понятие непрерывности бизнеса выросло из технических требований, важное значение в этой области имеют юридические процедуры, политические обстоятельства, человеческий фактор. Возникло еще одно направление непрерывности бизнеса – защита сотрудников. С повышением сложности ИТ-систем возросли требования к квалификации и опыту конкретных ИТ-операционистов. В случае замены такого сотрудника возникают дополнительные риски. Поэтому еще одним требованием к непрерывности бизнеса стало обеспечение устойчивости работающих коллективов специалистов путем использования различных социальных механизмов – льготного страхования, системы дополнительных отпусков, помощи в обеспечении жильем. В состав компонентов непрерывности бизнеса включаются сотрудники различных служб – технической, юридической, социальной и кадровой, научно-технической (поддержка разработок, ноу-хау, патентования), психологической, а также службы безопасности. В современный процесс управления непрерывностью бизнеса стали внедряться такие элементы, как правовая защита, психологическая поддержка, репутация компании, маркетинговые мероприятия по разрешению проблем, вызванных сбоями. УНБ стало охватывать все стороны деятельности компании [1, с. 99].

Современная мировая практика показала, что с усложнением бизнес-процессов производства, с развитием информационных и коммуникационных технологий, с возрастанием роли человеческого фактора существенно повышается масштаб негативных последствий техногенных и природных катастроф. Кроме того, резко повысились негативные последствия рисков, связанных с информационными технологиями, с утечкой разного рода информации, с привлечением средств высокотехнологичного шпионажа. Их предотвращение потребовало от бизнеса роста затрат, что, с одной стороны, уменьшало конечную прибыль, с другой – позволяло предотвращать более серьезные потери.

В условиях возможной быстрой передислокации капитала из одной страны в другую возникла насущная необходимость осуществления государственного регулирования движения капитала с помощью УНБ на государственном уровне, чтобы затормозить вывоз из

страны высоколиквидных финансовых ресурсов. В современных условиях система УНБ оформилась в самостоятельную сферу услуг, которая регламентируется рядом нормативных актов, контролируется при помощи стандартов, посредством организации аудита и сертификации наиболее важных и регулируемых государством бизнес-процессов. Новая философия бизнеса предполагает существование УНБ как части единого комплекса ресурсосбережения [2].

Развитие систем управления непрерывностью бизнеса и роль технологических укладов

Как показывает практика развитых стран, превентивная роль процесса УНБ создала качественно новую атмосферу в компаниях, позволяющую предотвратить нежелательные инциденты, резко поднять эффективность работы, устранять огромные потери, повышать прибыль.

Вторая половина XX в. в индустриально развитых странах ознаменовалась процессом исследования и разработки проблем предотвращения аварийных ситуаций, наносящих большой ущерб бизнесу. О размерах ущерба, наносимого бизнесу чрезвычайными ситуациями, косвенно можно судить по данным, представленным в табл. 1.

Таблица 1

Средняя стоимость одного часа простоя бизнеса на мировом рынке*

Вид бизнеса	Средняя стоимость 1 часа простоя, долл
Финансовый сервис (брокеры)	6,5 млн
Процессинг кредитных карт	2,6 млн
Каналы домашних закупок	199,5 тыс.
Продажи по каталогам	90,0 тыс.
Резервирование авиабилетов	89,5 тыс.
Продажа билетов по телефону	69,9 тыс.
Доставка посылок	28,3 тыс.
Производство	26,8 тыс.
Банки	17,1 тыс.
Транспорт	9,4 тыс.

* Источник: Gartner Group.

Современное бизнес-сообщество осознало необходимость выработки законодательных актов по обеспечению исполнения и управления непрерывностью бизнеса для сокращения потерь, связанных с чрезвычайными ситуациями разного уровня. В 70-х годах появились специализированные компании, предлагавшие услуги по хранению

данных. Возник рынок резервных «горячих» вычислительных центров (ВЦ). Аварийное восстановление окончательно сформировалось в 80-х годах, когда только в США подобные услуги предлагали более ста компаний. В 90-е годы бурное развитие компьютерной индустрии привело к тому, что на смену вычислительным центрам пришли персональные компьютеры, изменились подходы к аварийному восстановлению информационных систем (ИС).

Процесс формирования УНБ происходил постепенно, и этому способствовал ряд факторов. Речь идет об усилении взаимосвязи науки и производства, о развитии технологических укладов, качественном изменении принципов управления бизнесом, о диверсификации и автоматизации различных форм производства при одновременном уменьшении и усилении влияния человеческого фактора (за счет сокращения простого труда и расширения сферы сложного специализированного, высокоинтеллектуального творческого труда).

Вторая промышленная революция 60–70 годов XX в. была связана с заменой человека компьютерными технологиями и робототехникой (первый компьютерный уклад) в процессах переработки информации при регулировании технологических режимов системы машин, а также с быстрым развитием автоматизированных систем (АСУ ТП), гибкими производственными системами (ГПС). В результате произошло значительное сокращение времени производства путем высвобождения станочников и управленцев и уменьшение производственных рисков.

Второй технологический уклад датируется 70–80 годами XX в. Была создана система автоматического проектирования (САПР) и началось широкое применение станков с числовым программным управлением (ЧПУ). На их основе развились гибкие производственные системы (ГПС) [3, с. 205–221], связанные с максимально быстрым освоением в производстве новых продуктов на основе бумажного проектирования. Решалась проблема реинжиниринга, активного коммерческого освоения инноваций, результатом чего явилось резкое сокращение рисков и рост прибыли.

Третий технологический уклад со второй половины 80-х годов объединил пространственно разделенные технологические процессы с помощью средств электронной связи в целостную технологическую систему, что позволило в режиме всей планеты сопрягать различные технологические звенья производства, распределения и потребления в режиме «точно в срок (Just in Time)». Здесь произошло весьма резкое уменьшение случаев прерывности производства и потерь прибыли. Проблема управления непрерывностью бизнеса приобрела международный (планетарный) характер. Новый импульс получило развитие ТНК.

В 80-х годах XX в. в индустриально развитых странах достиг пределов своих возможностей четвертый технологический уклад. К этому привели ограниченность спроса на новые технологии, недостаточная их эффективность, высокая стоимость и слабая восприимчивость обществом. Ограничивающим моментом являлся отрыв индустриально развитых стран от развивающихся из-за большого разрыва в технологических укладах, а также из-за экспортных ограничений и высокой стоимости новых высокотехнологичных продуктов.

Пятый уклад связан с появлением транзисторов, ЭВМ, с развитием различных операционных систем. Его обычно связывают с созданием в 1971 г. микропроцессора, сделавшего информационную технологию доступной и удобной. Пятый технологический уклад – это уклад информационных и телекоммуникационных технологий. С ним связано развитие экономических знаний, превративших информацию в необходимый ресурс развития. Наряду с традиционными факторами производства – капиталом, трудом и землей – появился четвертый фактор – информация.

По мнению ряда экспертов, в настоящее время зарождается третья промышленная революция. Новый технологический уклад, развивающийся с 90-х годов XX в. в индустриально развитых странах, реализуется в колл технологиях. Это непрерывное совершенствование и поддержание продукта на протяжении всего его жизненного цикла (Continuous Acquisition and Life Cycle Support) на основе создания единой комплексной стандартизации «электронного описания» [4, с. 222]. При внедрении колл технологий в полном объеме уменьшатся сроки выполнения НИОКР, а сроки всех работ сократятся на 15–20%. Будет обеспечено снижение издержек в производстве и эксплуатации высокотехнологичной продукции, в том числе и за счет человеческого фактора, в связи с организацией более детального документирования процесса разработки и эксплуатации [3, с. 218].

Вместе с развитием технологических укладов развивались и управленческие технологии, одной из которых и стало управление непрерывностью бизнеса. С одной стороны, это позволило продвигать важнейшие направления НТР, формируя ядро технологического уклада, а с другой – создало возможность формирования новых укладов.

Современные концепции и практика внедрения УНБ в России

В индустриально развитых странах получили развитие концепции «планирование непрерывности бизнеса» (Business Continuity Planning (BCP)) и «восстановление деятельности после бедствий» (Business Disaster Recovery (BDR)). Вторая половина XX в. была связана с раз-

работкой новых технологий, стандартов и законов, которые обеспечивали управление непрерывностью бизнеса. Проблема стала решаться на самом высоком уровне управления. Вводимые правительствами ведущих стран директивы способствовали стимулированию развития услуг по обеспечению непрерывности бизнеса во всем мире. Работы по внедрению этих рекомендаций в настоящее время ведутся более чем в ста странах. Особое внимание уделяется финансовой сфере, поскольку преследуется цель обеспечить стабильность функционирования международной финансовой системы. Большую роль в разработке данных документов сыграли США и Великобритания.

С переходом к капиталистическому укладу в России используется опыт развитых стран в области УНБ. Его традиционно принято обозначать термином «безопасность». В современных условиях он применяется в атомной промышленности, энергетике, на флоте и в ряде других отраслей. Термин «непрерывность бизнеса» стал употребляться в стране в конце 90-х годов прошлого столетия.

С начала 90-х годов Центральный банк России проводит реформирование нормативно-правовой базы расчетов, совершенствование средств обеспечения их безопасности и минимизации рисков. С учетом использования международных стандартов по УНБ в России формируется свое законодательство. По развитию и внедрению УНБ Россия отстает от США и Великобритании примерно на одну–две пятилетки. Однако ситуация быстро меняется: обеспечение непрерывности всей коммерческой деятельности постепенно превращается в дисциплину, которая должна охватывать весь бизнес, обеспечивать непрерывность операций, защиту сотрудников и клиентов.

За последние 15–20 лет в России образовался рынок услуг и продуктов обеспечения непрерывности бизнеса – более 20 компаний предоставляют услуги в этом сегменте. В их число входят такие крупные игроки, как ЭКОН-Технологии, IBS, DataFort, TopsBI, КРОК, «Инфосистемы Джет», «Информзащита», «ЭкоПрог», «Энвижн Груп». На рынок пришли такие гиганты, как HP, IBM, и многие другие. Расширяются связи с известными международными организациями по обеспечению непрерывности бизнеса DRII («Алмитек») и BCI («Эрнст & Янг»).

Освоение стандартов происходило постепенно. В качестве одного из рычагов влияния на организации в части становления УНБ внедрялся стандарт ИСО 9000 с аудитами и последующими сертификациями на соответствие. Этот стандарт часто использовался в банках для повышения качества обслуживания клиентов, для контроля процессов обеспечения деятельности, а также для контроля внутрибанковских процессов (в качестве стандартизированного механизма отчета о работе Правления и организации в целом перед акционерами), а также для отчетности регулятору.

На основе успешной стандартизации подходов был разработан СТО БР ИББС (для его доработки ЦБ РФ были использованы переводы ряда стандартов ISO)¹. Российские версии стандартов представляют собой доработанные аналоги зарубежных².

В нашей стране в 2000 г. вышла третья группа международных стандартов ISO серии 9000, в которую вошли стандарт ISO 9000:2000, содержащий основные положения и словарь, стандарт ISO 9001:2000 с требованиями к системам качества. Выпущена группа стандартов: ISO 9000:2005 и ISO 9001:2008, аналогичные предыдущим стандартам версии 2000 г. В настоящее время действует новая группа стандартов: ГОСТ Р ИСО 9001 – 2015.

В России сертификацией систем менеджмента (качества – по ISO 9001, окружающей среды – по ISO 14001, информационной безопасности – по ISO/IEC 27001) занимаются аккредитованные и прошедшие проверку соответствующих регуляторов организации. Сертификаты на соответствие требованиям ГОСТ Р ИСО 9001, выдаваемые аккредитованным в Росстандарте компаниям, не являются международными. Можно также получить сертификат на соответствие международному стандарту ISO версии 9001.

Для большинства организаций, в т.ч. и для банковской системы, развивается управление непрерывностью бизнеса в качестве важнейшего направления – национализированный стандарт BS 25999 (управление непрерывностью бизнеса (менеджмент)) и BS 25777 (управление непрерывностью бизнеса в сфере ИТ). Стандарт BS 25777:2008 становится одним из ключевых руководств по внедрению идеологии УНБ в ИТ-культуру российских компаний [5].

Умение использовать в российских реалиях разработанные в разных странах стандарты и практики УНБ является весьма важным для отечественных организаций и компаний, которые в полной мере осознают необходимость управления непрерывностью бизнеса при реализации своих бизнес-процессов и будущих проектов.

¹ Международная_организация_по_стандартизации; https://ru.wikipedia.org/wiki/ISO_9000.

² ГОСТ ISO 9000–2011 – аналог ISO 9000:2005 (подготовлен открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО ВНИИС) на основе применения ГОСТ Р ИСО 9001–2008); ГОСТ ISO 9001–2011 – аналог ISO 9001:2008 (подготовлен открытым акционерным обществом «Всероссийский научно-исследовательский институт сертификации» (ОАО ВНИИС) на основе применения ГОСТ Р ИСО 9001–2008); ГОСТ Р ИСО 9000 – 2015 – аналог ISO 9000–2015, введен в действие 01 ноября 2015 года, утвержден в Росстандарте 28 сентября 2015 года; ГОСТ Р ИСО 9001–2015 – аналог ISO 9001:2015, введен в действие 1 ноября 2015 г., утвержден в Росстандарте 28 сентября 2015 г.

Сочетание российского банковского законодательства с международными принципами банковского регулирования и надзора потребовало внедрения стандартов Базель III в России. РФ, как участник Базельского Комитета при Банке международных расчетов³, обеспечила своевременную и надежную реализацию в российском банковском секторе новых международных регулятивных требований. Цель внедрения стандартов Базель III отражена в стратегии развития банковского сектора Российской Федерации на период до 2015 г. Управление непрерывностью бизнеса принято понимать как целостный процесс, в ходе которого строятся модели потенциальных угроз, оцениваются риски и определяются последствия в случае их реализации. По результатам анализа создается План обеспечения непрерывности и восстановления деятельности (ПОНиВД) для обеспечения способности организации к скорейшему восстановлению и эффективной реакции на различные инциденты.

Следование этим стандартам дает возможность восстановления деятельности организации в целом, сохранения ее репутации и гарантирует соблюдение интересов основных сторон.

Стандарты типа ГОСТ Р 53647 нацелены на минимизацию появления инцидентов, приводящих к рискам, дают четкие критерии и рекомендации по построению системы управления непрерывностью бизнеса (СУНБ). Эта деятельность непосредственно обеспечивает бесперебойную работу организации при наступлении инцидентов (ОНБ), а в дальнейшем предоставляет отличную возможность разработать и внедрить систему УНБ для ключевых бизнес-процессов. Используются элементы систем управления ИТ-инфраструктурой, персоналом и информационной безопасностью, что позволит консолидировать разнородные службы и частично скоординировать их действия. Подобная практика наилучшим образом отражается на стабильности работы ИТ-систем компании.

Рассмотренные стандарты пригодны для организаций любого размера и области деятельности, особенно там, где повышена степень риска. Это такие виды деятельности государственного и частного секторов, как транспорт, финансы, телекоммуникации. В ближайшем будущем для России необходимо преодолеть существенное отставание от развитых стран в области управления непрерывностью бизнеса с учетом мировых практик в сфере организации законодательства.

³ Комитет создан в 1974 г. В него входят Центральные банки крупнейших государств. В настоящее время таких участников 27. Комитет разрабатывает рекомендации и стандарты банковского надзора, применяемые организациями банковского регулирования и надзора разных стран.

ЛИТЕРАТУРА

1. Милославская Н.Г., Сенаторов М.Ю., Толстой А.И. Управление инцидентами информационной безопасности и непрерывностью бизнеса. М.: Горячая линия – Телеком, 2014.
2. Иванов М.Ю., Туманов А.Ю. О новой трактовке управления непрерывностью бизнеса с позиции ресурсосбережения // В сборнике «Актуальные проблемы экономики в XXI веке: причины и решения: XXII научно-практическая конференция по экономике для студентов, аспирантов и молодых ученых». СПб., 14 июня 2014 г. Центр экономических исследований.
3. Новая парадигма прогнозирования будущего. Международный фонд Н.Д. Кондратьева. М.: IKF-МФК, 2007.
4. Юнь О.М. Прогнозирование будущего. Новая парадигма / Под ред. Г.Г. Фетисова, В.М. Бондаренко М.: 2007.
5. Русская редакция британского стандарта BS 25777:2008 Управление непрерывностью информационных и телекоммуникационных технологий. Практические правила. http://shop.globaltrust.ru/show_good.php?idtov,1140&grid.

A.YU. TUMANOV

applicant, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences
anatoly@parera-services.com

FEATURES OF THE CONTROL SYSTEM BUSINESS CONTINUITY DURING THE PERIOD OF THE FIFTH TECHNOLOGICAL STRUCTURE

The article examines the system of business continuity management (UNB) in the period of formation and development of the fifth technological order. Reviewed and systemized the international and domestic experience UNB.

Keywords: *market forms of economic organization, business continuity, business continuity management, technical and technological standards in business continuity management.*

JEL: D81, M21.

О.Ю. КОРЖАН

аспирантка Саратовского социально-экономического института (филиала)
федерального государственного бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Российский экономический
университет имени Г.В. Плеханова»

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ И ПРАКТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

Нестабильная ситуация в экономике страны, обусловленная множеством факторов, существенно усложняет процесс планирования в организациях. Ни одна организация не существует бесцельно, процесс целеполагания имеет особое значение для управления организацией в целом. Организация, руководство или менеджмент которой не осуществили деятельность по постановке конкретных и обоснованных целей, а также не донесли их до всех сотрудников, рискует понести существенные неудачи и потери. В этой связи в статье рассмотрены различные определения понятия «цель организации». На основе анализа выделены три подхода к трактовке данного понятия и сформулировано его авторское представление. Результаты исследования значимости этапа целеполагания позволили автору сделать вывод о несовершенстве существующего механизма целеполагания в российских организациях и выделить ряд первостепенных проблем в данной области.

Ключевые слова: цели организации, стратегическое целеполагание, стратегическое планирование, финансово-экономическая нестабильность.

JEL: P11, D04, Y30.

В современных условиях, характеризующихся высоким уровнем турбулентности внешней среды, для организаций наиболее остро встает вопрос выживания и поддержания конкурентоспособности в длительной перспективе. Сложная геополитическая ситуация и финансово-экономическая нестабильность в стране все больше актуализируют проблему принятия правильных стратегических решений на уровне предприятий (организаций). В связи с этим у них возникает острая необходимость корректировки своих целей на краткосрочную и долгосрочную перспективы, а это, в свою очередь, указывает на возрастающую значимость процесса целеполагания. Необходимость повышения результативности данного процесса требует теоретического изучения понятия «цель организации» как неотъемлемого элемента

стратегического целеполагания и аргументированное обоснование важной роли данного процесса в успешном функционировании организации, а также идентификацию специфических проблем.

Понятие «цель» применяется практически во всех науках и является многогранной категорией. Каждая дисциплина трактует данное понятие, исходя из собственной специфики. Для нашего исследования особый интерес представляет экономико-управленческий аспект рассмотрения целей, которые ставит перед собой организация как открытая социально-экономическая система, являющаяся субъектом хозяйственных отношений.

Проведенное нами исследование выявило несколько основных подходов к определению *сущности* рассматриваемого понятия.

В рамках *первого подхода*, который, на наш взгляд, следует обозначить в качестве *идеалистического*, исследователи считают, что цель – это эталон, образ, модель или предвосхищение. Суть данного подхода состоит в том, что цель представляется как нечто идеальное, на данный момент несуществующее, но желаемое, предвосхищаемое; мысленно представляемый субъективный образ. Этому подходу придерживаются: В.И. Звонников [1, с. 42] («цель – идеальный образ желаемого, возможного и необходимого состояния управляемой системы»), Э.М. Коротков [2, с. 39] («цель – конечный желаемый результат возможного и необходимого состояния управляемой системы; цель – это идеальное, мысленное предвосхищение результата деятельности и путей его достижения с помощью определенных средств»), Ю.Н. Лапыгин [3, с. 23] («цель – это субъективный образ (абстрактная модель) несуществующего, но желаемого состояния среды, которое решило бы возникшую проблему»), Е.В. Фрейдина [4, с. 84] («цель – модель желаемого будущего; цель – это тот конечный результат, который необходимо получить путем выбора и реализации тех или иных управляющих воздействий на систему»).

Второй подход мы считаем целесообразным охарактеризовать как *направляющий*, поскольку в его рамках речь идет о направлении, предмете стремления, о мотиве. Основная идея данного подхода состоит в том, что цель – это то, к чему стремятся, чего хотят достигнуть, *включая пути достижения при помощи определенных средств*. Данного подхода придерживаются З.Н. Калинина, О.В. Кожевина («цель – направление, по которому хочется следовать; то, что нужно осуществить, достичь» [5]), А.Г. Лобко, М.П. Переверзев, Б.А. Райзберг.

И, наконец, *третий подход* назван нами *результативным*, поскольку здесь под целью исследователи понимают результат, определенное состояние или событие, выступающее в качестве завершающего этапа деятельности. В рамках данного подхода речь идет о цели как о чем-то прагматическом, существующем в будущем и являющемся

итогом какой-либо деятельности или совокупности действий. Данную позицию, в определенной степени, разделяют и исследователи, которых мы отнесли ко второй группе, но все же в рамках третьего подхода главным является цель как результат. Л.А. Бурганова, З.Н. Калинина, О.В. Кожевина, В.В. Кондратьев («предвосхищаемый в сознании результат деятельности» [6]), Э.М. Коротков, Б.Г. Литвак, А.Г. Лобко, М.П. Переверзев, Б.А. Райзберг, С.Д. Чиганова.

Особого внимания заслуживает конкретизация исследуемого термина в рамках рассмотренных выше подходов. Во-первых, ряд ученых обозначает данное понятие как «желаемый» результат, или будущее состояние, что указывает на стремление достигать поставленные цели, поскольку субъект этого «желает», то есть цель, а точнее, результат ее достижения, является чем-то нужным, требующимся. Во-вторых, важным моментом является уточнение исследуемого понятия в качестве «мысленного» результата или предвосхищения. Это указывает на то, что изначально цель рождается в сознании индивида, он продумывает, представляет, намечает какое-либо состояние или результат, которое является для него также и желаемым, и идеальным. В-третьих, многие авторы в своих изысканиях конкретизируют исследуемое понятие, используя слово «будущее». Это дает четкое понимание того, что цель невозможно достичь моментально, – для ее достижения требуется определенный промежуток времени, и желаемый, идеальный результат можно получить только в будущем. Кроме того, в большинстве определений авторы уточняют необходимость какой-либо деятельности или совокупности действий для достижения цели. Это позволяет обратить внимание на еще один аспект исследуемого понятия – цель в большинстве случаев не может быть достигнута сама по себе. Для этого нужно совершать конкретные действия, прилагать определенные усилия.

Следует отметить, что вышеприведенное разделение точек зрения по трем подходам носит достаточно условный характер. Это объясняется тем, что, несмотря на относительную самостоятельность каждого подхода, по своему смыслу они тем не менее достаточно близки и взаимно дополняемы. На наш взгляд, в этом состоит особенность всех подходов, поскольку невозможно дать четкое конкретное определение понятия «цель», не учитывая сути каждого из них. Поэтому целесообразно применять комплексный подход к трактовке данного термина, поскольку цель – многогранное понятие.

Итак, обобщив идентифицированные нами подходы, а также учитывая указанные специфические характеристики, представляется возможным охарактеризовать понятие «цель» как умозрительное представление желаемого будущего, желаемое состояние объекта; те ориентиры, которые необходимо достичь; или осознанно предвосхищае-

мый результат деятельности. Цель применительно к объекту «организация», то есть «цель организации» – это желаемое будущее состояние организации; ориентиры, которые устанавливаются руководством и менеджерами для своих работников; а также осознанно предвосхищаемый результат ее деятельности. При этом стратегические цели представляют собой важнейшие вехи организации, определяющие основное направление ее деятельности, а также перспективные направления ее развития.

Рассмотрев данное понятие, перейдем к обоснованию роли целеполагания в организации.

В рамках традиционного подхода к выделению функций управления процесс целеполагания представляется одним из этапов процесса планирования и прогнозирования. Однако принимая во внимание ключевое значение целей в процессе планирования и управления организацией, имеет место выделение целеполагания в качестве самостоятельной исходной функции данного процесса [5, с. 60]. Несмотря на то что этапу стратегического целеполагания отводится так или иначе существенная роль в процессе стратегического планирования, единой точки зрения по вопросу о роли и месте целеполагания в процессе планирования в целом, и в стратегическом планировании в частности, не сформировано. Согласно одной точке зрения, – мы назовем ее подход превалирующей значимости, так как она доминирует среди исследователей, – данный процесс является главным, исходным этапом в процессе стратегического планирования. По мнению М. Бранча, определение целей и задач «является, по сути дела, центральной частью всего процесса планирования» [9, с. 210], а с точки зрения таких ученых, как Е.И. Богданова, О.Н. Костюкова, В.П. Орловская, этап целеполагания является «исходным в процессе планирования и управления» [8, с. 116]. М.И. Абрамова в своих изысканиях отмечает, что процесс «определения целей и задач ... является главным этапом всего процесса планирования» [7, с. 62]. Р.А. Скачков и О.К. Слинкова отмечают, что «цель – это первая ступень управления, а ... целеполагание есть логическое начало всякой управленческой деятельности» [15, с. 71]. Ларионов И.К. полагает, что «целеполагание является центральным, наиболее важным элементом стратегического управления» [12, с. 160].

Второй подход обозначен (он не настолько многочисленен как первый) нами как подход равноценной значимости. Сторонники этой точки зрения утверждают, что целеполагание – это один из важнейших этапов стратегического планирования, но он стоит наряду с другими. Так, согласно М.И. Бухалкову: «целеполагание является одной из важнейших функций менеджмента наряду с организацией, учетом, контролем, регулированием и стимулированием и составляет предмет планово-экономической деятельности предприятий» [10, с. 12].

К.П. Личко, М.А. Романюк, Е.И. Кривомаз утверждают, что «целеполагание – один из важнейших моментов управления устойчивостью» [13, с. 124] организации, подчеркивая тем самым, с одной стороны, значимость данного процесса, а с другой – его равноценность по отношению к другим процессам стратегического планирования и управления. Согласно В.В. Максимцову, «целеполагание – один из наиболее важных этапов в деятельности любой организации» [14, с. 80].

Данные точки зрения обуславливают соответствующие подходы к определению роли целеполагания и имеют право на существование. Мы разделяем точку зрения сторонников подхода превалирующей значимости, поскольку всякий управленческий процесс носит целенаправленный характер, процесс целеполагания выступает его фундаментом, основой, исходным элементом. Это обусловлено тем, что для стратегического планирования цель – это исходная точка, один из двух ключевых атрибутов стратегического планирования (второй – стратегия). Она задает вектор движения, является фундаментом для планирования, организации, контроля, мотивации; служит основой формирования конкретных плановых показателей и в итоге определяет пути повышения эффективности деятельности организации. Поскольку любая организация создается для достижения определенных целей, преуменьшение роли целеполагания в ней может привести к неудовлетворительным конечным результатам, а также к существенным потерям для организации: как материальным (например, снижение выручки, прибыли), так и нематериальным (напрасные усилия менеджеров и сотрудников, отсутствие или потеря стимулов у работников; ухудшение имиджа организации, ее положения на рынке)¹.

При этом в процессе стратегического планирования необходимо не просто ставить цели, а ставить обоснованные цели и четко их формулировать, поскольку от этого зависит успех функционирования организации. Как показывает практика, ошибки стратегического целеполагания имеют значительные негативные последствия для организации. Мы разделяем точку зрения В.В. Максимцова, в своих трудах утверждающего, что «неправильное и нечеткое формулирование цели приводит к тому, что система управления, даже если она должным образом устроена, работает не с полной отдачей, неэффективно, так как усилия аппарата управления расходуются нецеленаправленно» [14, с. 80].

¹ Известный афоризм о том, что не существует попутного ветра для корабля, если его команда не знает, куда плыть, только подтверждает данное положение. В специальной литературе так же часто встречается сравнение организации, не имеющей цель, с кораблем, не имеющим штурвала, не знающим места назначения, постоянно рискующим нарваться на камни, что также, на наш взгляд, является очевидным указанием на необходимость формулировки целей деятельности организации и в то же время говорит о главной, центральной роли данного процесса.

Организации современной России сталкиваются с рядом проблем в области стратегического целеполагания. Рассмотрим основные из них.

Рассогласованность целей. Зачастую для организаций характерна такая ситуация, когда цели различных ее субъектов противоречат друг другу, что приводит к снижению эффективности, во-первых, самого процесса достижения целей, а, во-вторых, как следствие – эффективности функционирования организации в целом. Это обусловлено тем, что организация сама по себе не имеет целей – цели имеют люди, имеющие к ней отношение и придающие ей целевую направленность;

Отсутствие у сотрудников понимания миссии организации. При этом под миссией понимается глобальная, главная цель, определяющая смысл существования организации, ее предназначение, которая должна быть понятна для всех работников. В противном случае смысл деятельности для большинства из них сводится лишь к получению материальных выплат за свою работу (заработной платы), при том что эмоциональная составляющая, присутствующая в миссии, утрачивается, а это, в свою очередь, приводит к неполной их отдаче на достижение целей организации. Эта проблема, на наш взгляд, стоит прежде всего перед руководителями и менеджерами. Их непосредственной задачей является формулировка глобальной цели организации и донесение ее смысла в четкой и понятной для каждого работника форме. Кроме того, проведенный анализ показал, что проблема отсутствия понимания миссии имеет место, как правило, в коммерческих организациях, ориентированных на получение прибыли, поскольку некоммерческая организация в своей основе (и даже в большинстве случаев в наименовании) уже имеет конкретную глобальную цель, для достижения которой она создается (например, благотворительный фонд помощи бездомным животным), а следовательно, понятна для ее членов и участников;

Невыраженность стратегического видения организации. Процесс стратегического целеполагания предполагает постановку видения организации, то есть некой идеальной цели. Необходимость создания видения заключается в том, что оно подразумевает наглядную и яркую картину будущего организации, несет в себе эмоциональную составляющую – вдохновляет сотрудников. В данном случае можно выделить две проблемные области: во-первых, имеют место ситуации, когда формулировка видения в организации опускается вовсе; во-вторых, мало создать видение, необходимо донести его до сотрудников организации, а это, в свою очередь, как и в случае с миссией, является задачей руководителей или лидеров, которые зачастую не уделяют этому должного внимания;

Фактическое отсутствие четко сформулированных стратегических целей организации, которые представляют собой важнейшие ее вехи,

определяющие основное направление деятельности, желаемое состояние самой организации и отдельных ее подразделений в перспективе. Данная проблема включает два возможных варианта: либо организация не имеет четко определенных стратегических целей, либо такие цели озвучены, но не подкреплены миссией и стратегическим видением, что в большинстве случаев не приводит к достижению этих целей.

Таким образом в существующих условиях нестабильности в стране и высокого уровня конкуренции поиск решений означенных проблем для российских организаций должен выходить на передний план, поскольку любая организация – это целенаправленная система, теряющая в отсутствие эффективной системы целеполагания смысл своего существования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Менеджмент. Программы учебных дисциплин: Учебн. пособие / Под ред. В.И. Звонникова. М.: ИНФРА-М, 2016.
2. Коротков Э.М., Жернакова М.Б., Александрова О.Н. Практический менеджмент: Учебн. пособие / Под общ. ред. Э.М. Короткова. М.: ИНФРА-М, 2015.
3. Стратегический менеджмент: Учебн. пособие / Лапыгин Ю.Н. 2-е изд. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
4. Фрейдина Е.В. Исследование систем управления: Учебно-методический комплекс. Новосибирск: НГУЭУ, 2007.
5. Терминология теории управления: словарь базовых управленческих терминов: Учебн. пособие. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2014.
6. Конструктор регулярного менеджмента: Учебн. пособие / Под ред. В.В. Кондратьева. М.: ИНФРА-М, 2013.
7. Абрамова М.И. Совершенствование планирования на предприятиях: инновационный аспект, инструментарий, организация / Под ред. Е.В. Козловой. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический университет, 2006.
8. Богданов Е.И., Кострюкова О.Н., Орловская В.П. Планирование на предприятии туризма: Учебн. пособие / Под ред. Е.И. Богданова. СПб.: Бизнес-пресса, 2003.
9. Бранч М. Цели и задачи в комплексном планировании // Акофф Р.А. Планирование в больших экономических системах. М.: Советское радио, 1972.
10. Бухалков М.И. Внутрифирменное планирование: Учеб. М.: ИНФРА-М, 2003.
11. Коноваленко Н.П. Проблема выбора цели в процессе стратегического планирования на газодобывающем предприятии // Вестник

- Саратовского государственного социально-экономического университета. 2009. № 2. С. 60–62.
12. Ларионов И.К. Стратегическое управление: Учебник для магистров / Под ред. докт. экон. наук, проф. И.К. Ларионова. М.: Дашков и К, 2014.
 13. Личко К.П., Романюк М.А., Кривомаз Е.И. Целевые ориентиры устойчивого развития организации // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Экономика. 2013. № 2 (22). С. 121–132.
 14. Максимцов М.М. Современный менеджмент: Учебник / Под ред. М.М. Максимцова, В.Я. Горфинкеля. М.: НИЦ ИНФРА-М, 2015.
 15. Слинкова О.К., Скачков Р.А. Анализ научных подходов к определению сущности целеполагания и его роль в процессе управления // Известия Уральского государственного экономического университета. 2015. Т. 59. № 1. С. 65–72.

O.YU. KORZHAN

postgraduate student, Saratov social-economic Institute (branch) Federal state budgetary educational institution of higher education "the Russian economic University named after G.V. Plekhanov"

oks_fom@mail.ru

ORGANISATION'S STRATEGIC TARGETING: THEORETICAL APPROACHES AND PRACTICAL TASKS

Because of increasing economic instability in Russia determined by different factors process of planning in any organization becomes more complicated. Every organisation has a goal, targeting plays a special role for both strategic planning and administration. Organisation's leader and management have to set exact and valid goals and get it across the employees otherwise they will have risk of failure including loss of profits, because sensible stated goal is the basis for organisation's success. In this regard different views on definition of organisation's goals are shown in the paper. In the light of its analysis three approaches are revealed. The article concludes two opinions about the significance of targeting in any organisation. To conclude the author states that current targeting in Russian organization is faulty and some problems in this area are defined.

Keywords: *organisation's targets, strategic targeting, strategic planning, financial and economic instability.*

JEL: P11, D04, Y30.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

И.В. СОБОЛЕВА

доктор экономических наук, Институт экономики РАН

М.Н. ФЕДОРОВА

доктор экономических наук, Институт экономики РАН

ИННОВАЦИИ И ЧЕЛОВЕК В ВЕКТОРЕ РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

**(по материалам «круглого стола»
в Институте экономики РАН)**

8 сентября 2016 г. в Институте экономики РАН состоялось заседание «круглого стола» по теме «Инновации и человек в векторе развития российской социально-экономической Системы», организованное Центром политики занятости и социально-трудовых отношений, на котором была обсуждена монография доктора экономических наук, профессора, заслуженного деятеля науки РФ, почетного работника высшего профессионального образования РФ, главного научного сотрудника ИЭ РАН Поля Вячеславовича Савченко «Очерки о социально-экономической Системе России: человек как вектор развития». М.: ИНФРА-М, 2016.

Ведущая круглого стола – руководитель Центра политики занятости и социально-трудовых отношений, д.э.н. И.В. Соболева в своем вступительном слове обратила внимание на то, что обсуждаемая монография появилась как итог многолетних научных поисков и размышлений о судьбе российской экономики и общества. Полю Вячеславовичу Савченко шел к созданию этой книги долго.

Д.э.н., профессор П.В. Савченко (ИЭ РАН), представляя монографию, отметил, что феномен социально-экономической Системы имеет важное значение в ретроспективном анализе развития России и определении вектора ее дальнейшего развития.

Тип российской Системы и вектор ее развития связаны с особенностями развития рыночного хозяйства в России начиная с 1861 г. –

с отмены крепостного права. Он предопределил соотношение вертикальных и горизонтальных отношений, государственных и рыночных институтов в Системе, формирование Системы «сверху вниз» (в отличие, например, от стран Западной Европы, где она формировалась «снизу вверх»).

Сущность российской Системы не меняется, а модели могут изменяться. Капиталистическая и социалистическая модели российской Системы различаются, но в обеих реализуется сущность Системы – доминирование вертикальных отношений. Это проявляется в социально-экономической политике.

При рассмотрении социалистической модели российской Системы в монографии показано, что на этом этапе производственные отношения не исключают некоторые элементы частнохозяйственных отношений. В этой связи рассматриваются мелкие формы производства – личное подсобное хозяйство, индивидуальная трудовая и индивидуальная предпринимательская деятельность, кооперативы по производству товаров и услуг. Они игнорировались в теории «чистого» (развитого) социализма¹. Негативное отношение к этим формам производства привело к тому, что потенциал Системы использовался недостаточно.

Особое место в векторе развития Системы занимает человек как главная производительная сила, субъект производственных отношений и цель производства. Отмеченные выше типы Систем различаются по положению человека в них. Эффективность Системы проявляется в человекоцентристском развитии, индикаторами которого являются ИРЧП, индекс счастья жизни, показатели уровня и качества жизни.

Исторические сроки существования Системы в конечном счете предопределены возможностями самореализации человека как субъекта всех подсистем: экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой. Возможности человека возрастают по мере того, как он превращается из «винтика», части толпы, в подлинно свободного человека.

Член-корреспондент РАН, советник РАН К.И. Миккульский обратил внимание на теоретическое и практическое значение системного подхода к анализу российской экономики, который дает возможность раскрыть глубинные причины пороков нашей экономики и обосновать пути их преодоления.

Выступающий отметил, что в настоящее время идет дискуссия о смене экономической модели. С одной стороны, имеется в виду преодоление преимущественно сырьевого характера российской эко-

¹ Считалось, что производственные отношения развитого социализма по своей природе принципиально исключают какие-либо элементы частнохозяйственных отношений (См.: Экономический строй социализма. Т. 1. М.: Экономика, 1984. С. 9).

номики. С другой стороны, есть более широкое понимание необходимости смены модели, предполагающее изменение механизмов хозяйствования в их совокупности. Это указывает на важность анализа российской экономики не в разрезе ее отдельных аспектов, а как общественной системы, реформирование которой должно носить всеохватывающий характер.

Справедливо утверждение автора, что «феномен Системы имеет особое значение для исследования реалий и векторов развития России, поиска путей выхода из кризиса и разработки программы устойчивого развития нашей страны» (с. 5). Автор с полным основанием исходит из того, что главным фактором преобразования российской социально-экономической Системы должен стать свободный человек как субъект экономики и общества. Особое внимание должно привлечь утверждение автора, что «в современной России одной из важнейших проблем является создание взаимосвязи институтов Системы с человеком... Вектор эволюции Системы направлен в сторону усиления взаимодействия вертикали власти и горизонтали гражданского общества, обеспечивающего гармонию интересов человека, общества и государства. Для этого будут необходимы новые институты, основанные на принципе: «не человек для государства, а государство для человека» (С. 18–19). Можно ожидать, что к исследованию этой проблематике и более активно подключатся многие специалисты общественных наук.

Д.э.н., профессор В.М. Кульков (МГУ им. М.В. Ломоносова) обратил внимание на то, что методология научного анализа П.В. Савченко российской социально-экономической Системы имеет основательную базу, сложившуюся в стенах кафедры политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова и Института экономики РАН. Глубоко символично, что П.В. Савченко посвятил свою работу своим самым близким друзьям и наставникам из МГУ, а сама книга вышла в свет в год 75-летия экономического факультета.

Выступающий отметил, что Система представлена в монографии в разных ракурсах, что придает ей масштабный и объемный характер.

Во-первых, социально-экономическая Система России, анализируемая в данной работе, представлена как совокупность различных подсистем: экономической, социальной, политической, нравственно-духовной и семейно-бытовой. Во-вторых, анализ Системы ведется в междисциплинарном ключе, что во многом предопределяется ее предыдущей особенностью. В-третьих, отличительным признаком исследуемой системы является сочетание общего (универсального) с идентичным, отражающим национальные особенности всех подсистем в каждой стране (в данном случае – в России). В-четвертых, феномен Системы, как полагает автор, обеспечивает конвергенцию различных

теорий и научных дисциплин, что создает предпосылки давно востребованного научного синтеза. В-пятых, содержательным и системообразующим ядром Системы становится человек, формируя тем самым человекоцентристский вектор ее развития. Неслучайно «человек как вектор развития» помещен в структуру названия монографии – детальному раскрытию этого свойства посвящена значительная часть книги.

Вместе с тем, по мнению выступающего, необходимо более четко разделять теоретический подход и реально сложившиеся характеристики. В реально существующей Системе есть много деформаций, в силу которых ее скорее можно назвать квазисистемой.

Как производить изменения в российской Системе? Автор монографии, проф. П.В. Савченко, избегает крайностей, считая, что действующую Систему нельзя полностью ликвидировать и что обновление Системы должно происходить на основе эволюции, постепенной модернизации. Такая позиция выглядит в целом аргументированной и основательной. Однако, как заметил в заключение выступающий, степень глубины и скорости обновления Системы будет неизбежно возрастать, а требования к преобразованиям будут усиливаться по мере того, как будут все более откладываться назревшие в экономике изменения, обеспечивающие подлинное развитие страны.

Д.э.н., профессор Н.П. Фигурнова выделила направления исследования, которые обладают особой актуальностью:

- попытка рассмотрения каждого нового явления хозяйственной жизни как порождения не только его внутренних причин, но и как момент развития более высокой общности, отраженной в феномене социально-экономической Системы;
- поиск источников и векторов развития экономики России;
- исследование закономерностей развития Системы с ее многослойной сложной структурой на основе сохранения ее целостности и устойчивости;
- рассмотрение человека не с позиций издержек производства, а как субъекта цивилизации. Автор проводит мысль о том, что человек, обладающий свободой, способный совершенствоваться и реализовывать свой потенциал, сам становится источником экономического роста.

Рассматривая социально-экономическую Систему как организацию со сложной структурой, автор на каждом уровне выделяет необходимость подчинения общим законам и наличие определенного «коридора свободы», автономности, в пределах которых каждый элемент системы ищет выгодные для себя позиции. На уровне национальной экономики происходит поиск лучшей демонстрации своих национальных преимуществ и решения внутренних задач, на уровне бизнеса – наилучшей стратегии предпринимательства, на уровне лич-

ности – поиск своего места в общественной иерархии и возможностей самореализоваться.

Д.э.н. профессор А.Е. Варшавский (ЦЭМИ РАН) отметил, что в монографии большое место уделяется развитию творческой личности, росту человеческого капитала России, сохранению национальной и духовной идентичности, взаимодействию государства и бизнеса, изменению социальной структуры общества, сокращению дифференциации доходов населения, укреплению и развитию институтов гражданского общества. Дается системное обоснование условий для реиндустриализации, модернизации экономики на основе ускорения инновационного развития.

Ускорение научно-технологического и в целом инновационного развития экономики России в настоящее время зависит главным образом от таких системных факторов, как макроэкономическая политика, социально-экономические цели и приоритеты, сфера управления, микроэкономическая политика, чрезмерное неравенство, глобализация и либерализация рынков, стремление к расширению потребления.

В соответствии с системным подходом развитие экономики и инновационная деятельность должны быть подчинены целям более высокого порядка по сравнению с теми, которые преследуются в обществе, нацеленном на потребление, а именно на решение задач долгосрочного развития: повышение благосостояния людей; создание условий для максимального раскрытия возможностей, заложенных в каждом человеке, в том числе для самосовершенствования за счет получения новых знаний и повышения уровня культуры; обеспечение здоровья, безопасности для человека и окружающей среды, сохранение биосферы и ноосферы в целом.

Д.э.н., профессор В.И. Кушлин (РАНХ и ГС при Президенте РФ) обратил внимание на то, что, назвав свою юбилейную монографию «Очерки о социально-экономической Системе России» и подсоединив к этому подзаголовок «Человек как вектор развития», автор обозначил стержневую идею, вокруг которой должно выстраиваться обсуждение моделей и вариантов экономического развития современной России.

Выступающий заметил, что выходу этой авторской монографии предшествовали два издания², которые получили большое число положительных откликов в печати. Примерно в то же самое время кафедра государственного регулирования экономики РАНХ и ГС при Президенте РФ, создала учебный цикл, а затем развернутую программу и

² См.: Российская социально-экономическая система: реалии и векторы развития / Под ред. Р.С. Гринберга, П.В. Савченко. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016; Национальная экономика: Учебник / Под ред. П.В. Савченко 4-е изд-е, перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2016.

первые в стране учебники по курсу «Государственное регулирование рыночной экономики». Таким образом, мы являемся принципиальными единомышленниками с творческим коллективом П.В. Савченко.

Обсуждаемая сегодня новая монография П.В. Савченко вновь обращает внимание на необходимость изучения феномена Системы в контексте усложнившихся под влиянием общемирового кризиса проблем дальнейшего устойчивого развития российской экономики. Он указывает на сложную совокупность вертикальных и горизонтальных, формальных и неформальных связей между человеком, обществом и государством.

В этом ключе особое значение имеет анализ многообразных «меж-системных» связей, в том числе связей, предопределяющих место нашей внутренней (российской) народно-хозяйственной системы в Глобальной мировой системе. Известно, что эта глобальная мир-система сама переживает ныне отнюдь не лучшие времена, поскольку вступила в полосу системного концептуального кризиса, пути выхода из которого пока не определены. Россия, как весьма масштабный в пространственном и ресурсном измерении компонент мир-системы, может и должна пытаться своей творческой экономической политикой вносить заметный вклад в общемировой поиск эффективных решений для обеспечения устойчивого экономического и социального развития на перспективу.

Д.э.н., профессор В.Г. Варнавский (ИМЭМО РАН) отметил, что проблема системного изложения и системного подхода к анализу социально-экономических процессов – чрезвычайно ответственная и трудоемкая тема для научного исследования. Эта идея разрабатывалась П.В. Савченко в ряде работ и нашла отражение в индивидуальной монографии П.В. Савченко «Очерки о социально-экономической Системе России: человек как вектор развития», представленной нам сегодня на Круглом столе.

«Человек в Системе», это, по-видимому, вечная тема для пытливого ума, который хочет понять и позиционировать свое место в социуме и окружающем мире, ставит вопросы бытия, старается найти на них ответы и разрешить выведенные им противоречия. И пусть полученные ответы не всегда бесспорны, главное, что они дают импульсы для размышлений, инициируют полемику и стремление к тому, что можно назвать условно «поиском приближения к Истине». П.В. Савченко своей монографией вносит свой вклад в разработку этой сложной проблемы.

Многоплановость и комплексность исследовательского подхода П.В. Савченко в монографии просматривается уже через призму используемого им категориального и понятийного аппарата: здесь и философские категории, такие как феномен Системы, мировая цивилизация, эволюционный и революционный векторы развития, и эко-

номические понятия (собственность, конкуренция, рынок, коррупция и т.д.) и экскурс в историю (глава 2). В итоге автор достигает главного – он заставляет читателя мыслить, размышлять, анализировать и polemизировать. В этом, как мне представляется, главная сила и достоинство книги П.В. Савченко.

К.э.н., профессор А.С. Нешиной (ИЭ РАН) в выступлении подчеркнул особую актуальность проблемы, рассматриваемой П.В. Савченко в презентуемой монографии. Становление и развитие социально-экономической Системы России рассматривается автором не только с теоретических позиций, но и, что главное, с позиции обобщения опыта эволюций отдельных ее моделей на путях развития мировой цивилизации и исторического опыта России. Представляет исключительную важность в исследовании выделение автором общих и идентичных закономерностей в становлении и развитии социально-экономической Системы, влияние и учет при этом традиций, привычек, территориально-климатических условий, духовно-нравственных и психологических факторов, многогранных социально-экономических связей, интеллектуального потенциала, государственных, общественных и частных интересов в обществе. Проблема эта, безусловно, междисциплинарная – это проблема не только экономической науки, но и философии, истории, юриспруденции, социологии, политологии, математики, статистики. Работа П.В. Савченко, надеюсь, привлечет внимание многих ученых и, соответственно, повысит значимость фундаментальной науки в стране. Она весьма важна в условиях современного развития страны, экономика которой находится в процессе глубокой трансформации, а экономическая наука не востребована. Хотелось бы, чтобы этой работой заинтересовались и в правительственных кругах, занятых ныне разработкой новой экономической стратегии развития России.

Д.э.н., профессор Л.Н. Лыкова (ИЭ РАН) обратила внимание на то, что события последних лет в России и за рубежом заставляют по-новому взглянуть на траекторию развития человеческой цивилизации. Черда экономических, политических, социальных, глобальных и иных кризисов требует серьезного переосмысления характера и факторов социально-экономического развития. Представленная работа П.В. Савченко, как и целая серия работ, опубликованных ранее, посвящена поиску методологического подхода к исследованию современного этапа развития общества.

Центральным звеном данного авторского подхода является понятие Системы, которое рассматривается автором как сложная модель взаимодействия экономических, социальных, этических и иных факторов, явлений и обстоятельств, в центре которых стоит человек. Социально-экономическая система имеет сложную внутреннюю структуру,

вертикальные и горизонтальные связи, испытывающие на себе влияние внешних и внутренних факторов развития.

Д.э.н., профессор М.И. Воейков (ИЭ РАН) отметил, что, знакомясь со многими работами П.В. Савченко, посвященными теоретическому обоснованию феномена социально-экономической Системы, мы убеждаемся, что она имеет особое значение для исследования векторов развития России и разработки программы устойчивого развития страны.

Россия на протяжении XX в. пережила революции, войны, тоталитаризм и диктатуру, разгул стихий и демократий, развал страны и ее собирание. Все это чрезвычайно затрудняет понимание основной тенденции развития нашей страны. Остается дискуссионным достаточно широкий выбор социальных и, соответственно, политических альтернатив. Однако постановка проблемы «феномена Системы», которую сделал П.В. Савченко, показывает, что эти альтернативы не беспредельны. Развал России на множество неуправляемых и враждующих между собой территорий будет иметь чрезвычайно трагические последствия для всей Европы, для мира и для миллионов людей. Это очень впечатляюще уже продемонстрировал развал СССР. Поэтому следует исходить из требования сохранения России как сложного, но единого государства, аккумулирующего в современных условиях многовековые традиции своего исторического развития.

Однако по некоторым аспектам возникают вопросы. Так, в целом справедливо считая, что действующая в России Система стала складываться после отмены крепостного права в 1861 г., П.В. Савченко в то же время пишет, что феномен Системы стал актуален с переходом к инновационному типу развития и с четвертой промышленной революцией. Но все-таки 1861 г. и 2016 г. – очень разные эпохи. Может быть, лучше истолковывать этот тезис так, что в XIX в. Система стала складываться, но понимание ее актуальности пришло только в XXI в.

Наконец, хотелось бы отметить очень верную мысль П.В. Савченко, что центральное место в социально-экономической Системе занимает человек с его интересами, потребностями, способностями и т.д. И действительно, рынок есть объективно необходимый элемент Системы, но его нельзя ставить в центр. Иными словами, не человек для рынка, а рынок для человека.

Д.э.н. М.Н. Федорова (ИЭ РАН) обратила внимание на то, что в монографии П.В. Савченко центральное место занимает человек как главная производительная сила, субъект производственных отношений и цель социально-экономической Системы. П.В. Савченко пишет, что «человек со своими потребностями, интересами, способностями, взаимосвязями с другими людьми – своего рода микросистема, в которой, как в зародыше, представлены все сегменты, все аспекты социально-экономической Системы» (с. 11). Особое внимание уделяется

возможностям реализации интересов человека как субъекта экономики и общества, как эгоиста и альтруиста, и гармонии этих интересов. С одной стороны, институты Системы влияют на мотивацию человека. С другой стороны, человек изменяет эти институты, как формальные, так и неформальные. Если формальные институты не создают легитимных возможностей для самореализации человека, деятельность человека смещается в сторону неформальных институтов, в том числе нелегитимных.

Поскольку российская социально-экономическая Система относится к иерархическим, в которых доминируют вертикальные отношения, проблема свободы человека и его места в обществе существовала в ней во все времена. При недостаточности созидательных мотиваций и возможностей крупных социальных групп включиться в созидательные процессы происходило разрушение действующей формы Системы (1917, 1991 гг.). Но сущность иерархической Системы оставалась. Появлялась другая форма Системы, позволяющая ей развиваться до поры до времени.

П.В. Савченко исходит из того, что для человека одинаково вредны как превращение его в часть толпы, «винтик» Системы, так и абсолютизация его эгоистических интересов, нежелание и неумение учитывать интересы других, безответственность. Последствия в обоих случаях разрушительны и для человека, и для Системы. Условием развития социально-экономической Системы является баланс интересов человека, общества и государства.

Д.э.н., профессор Р.А. Чванов (РАНХ и ГС при Президенте РФ) отметил, что современный этап развития России с его проблемами и ограничениями вызывает необходимость широкой дискуссии о путях дальнейшего социально-экономического развития. Обсуждаемая работа П.В. Савченко обосновывает пути такого развития на основе системного подхода, когда центральным звеном системы является человек во всем многообразии его общественных взаимоотношений.

Автор опирается на главную идею, согласно которой в процессе формирования и развития социально-экономической Системы России необходимо найти разумное соотношение между решением социальных и экономических задач.

Особый интерес вызывает 4-ая глава монографии, посвященная социальной функции государства. При этом автор справедливо утверждает, что государству необходима долговременная социальная стратегия как система приоритетных интересов человека, выбранных на основе анализа тенденций и перспектив экономического и социального развития и, конечно, мер, обеспечивающих ее реализацию. В силу слабого развития институтов гражданского общества и некоммерческого сектора, стратегия должна быть ориентирована на поддержку

основных инвестиционных отраслей социальной сферы – образования и здравоохранения.

Главным результатом исследований П.В. Савченко является обоснование направлений трансформации модели социальной политики государства, которая должна быть основой социально-экономического развития России и в которой экономические преобразования должны быть подчинены созданию благоприятных социальных условий для развития человека, который, в свою очередь, за счет реализации своего потенциала обеспечивает инновационные преобразования общества

К.э.н., доцент Н.Ю. Ахапкин (ИЭ РАН) отметил общую гуманистическую направленность работы, что далеко нечасто можно встретить в современной экономической литературе. Отличительной чертой монографии является рассмотрение экономических и социальных проблем в широком историческом контексте. Анализируя социальную подсистему, автор раскрывает динамику ее трансформации от патернализма советского периода российской истории к социальному государству, что пока можно рассматривать только как заявленную цель. Нужно отметить, что этот анализ, базирующийся на обобщении значительного статистического материала, включает такие важные направления, как уровень и качество жизни, занятость населения и динамика рабочих мест, инвестиции в человеческий капитал.

Анализируя актуальные проблемы социального развития, автор не ограничивается общими оценками. Его выводы и предложения носят прикладной характер. Это касается, в частности, вопросов выбора оптимальной для России модели социальной политики. Какой должна быть эта модель – сугубо неолиберальной или основанной на принципе национальной солидарности и предполагающей усиление государственных гарантий социальной защиты? По мнению П.В. Савченко, новая модель социальной политики должна базироваться «на многосубъектности, сочетании общего (свободы выбора, рыночной открытой экономики, демократии) и национальной специфики» (С. 170). Раскрывая такой подход, автор определяет конкретные направления его реализации, включая переориентацию социальной политики на семью, нормализацию демографической ситуации, усиление адресного характера социальной защиты, сочетая при этом селективность и учет «ниш и сегментов в социальном поле» (с. 175).

Как еще одну из особенностей монографии следует выделить комплексный характер анализа конкретных социально-экономических проблем, что позволило учесть территориальные особенности их проявления. Так, рассматривая дифференциацию населения по уровню доходов, начисленной заработной платы, безработицы, П.В. Савченко акцентирует внимание не только на общих федеральных, но, что прин-

ципиально важно для нашей страны, на пространственных различиях в уровнях этих показателей (параграфы 4.2, 4.3).

Проблема трансформации социально-экономической Системы носит фундаментальный характер и имеет множество аспектов. Далеко не все из них рассмотрены в монографии. Но предложенный автором подход, суть которого – гармонизация интересов всех субъектов системы при обеспечении приоритетности развития человека, можно рассматривать как существенный вклад в ее решение.

В выступлении **д.э.н. Э.Н. Соболева (ИЭ РАН)** отмечено, что монография П.В. Савченко носит полемически заостренный, можно даже сказать, провокативный характер, что можно продемонстрировать, например, на анализе проблемы монополии рабочего места в Системе.

Автор «ушел» от традиционного рассмотрения проблемы рабочего места как проблематики только рынка труда в рамках так называемой концепции сегментированного рынка труда. Человек и его рабочее место рассматриваются сквозь призму всей Системы производственных отношений: с точки зрения расщепления собственности на пучок отдельных прав (собственность – владение – пользование), с точки зрения системы интересов (государственный – коллективный – индивидуальный), с точки зрения технической вооруженности рабочего места и т.д.

Безусловной заслугой П.В. Савченко является рассмотрение проблемы структурной неоднородности, разнокачественности рабочих мест в экономике как основы социальной иерархичности, социальной дифференциации. Причем эта проблема рассматривается как для народного хозяйства в целом, но, что особенно ценно, и на уровне корпорации.

Весьма плодотворно используется системный комплексный подход к исследованию природы социальной структуры корпораций, согласно которому реальное положение различных групп работников (их социальный статус) обнаруживается в ходе анализа объективных процессов оборота и воспроизводства рабочей силы. Эти процессы включают как минимум три важнейших элемента: оборот рабочей силы; динамику оплаты труда и – шире – доходов; внутрикорпоративные механизмы предоставления льгот и услуг. Соответственно, о положении той или иной социальной группы работников в корпорации можно судить, по крайней мере, по следующим показателям: уровню оплаты труда; степени доступности различного рода социальных льгот и гарантий; уровню текучести.

В монографии показано, что структура рабочих мест в российских корпорациях отчетливо характеризуется качественной разнородностью вплоть до их социальной поляризации. Такой анализ внутрикорпоративной социальной структуры на базе неоднородности рабо-

чих мест является серьезным успехом автора монографии. Правда, желательно было бы больше внимания уделить выяснению вопроса, какой фактор – статусный («классовый» в марксистской терминологии) или фактор компетенции (профессионально-квалификационный) – вносит большую лепту в социальную дифференциацию на предприятии.

В заключение выступающий отметил, что в целом работа П.В. Савченко очень содержательная и интересная и не было бы большим преувеличением сказать, что каждый культурный экономист обязан ее прочитать.

К.э.н., доцент А.М. Белянова (МГУ им. М.В. Ломоносова) подчеркнула, что методологические и теоретические подходы к исследованию Системы и места в ней человека, используемые автором, позволили избежать излишней абстракции в анализе, показать все многообразие и сложность процессов формирования системы экономических, социальных, политических, социокультурных отношений и институтов.

В «Очерках» поднят громадный пласт проблем, которые в той или иной форме широко представлены в научных изданиях, но остаются дискуссионными и нуждаются в дальнейшей разработке. Это и методологические проблемы экономических исследований, и проблемы вывода России на колею эффективного инновационного развития, и роль неэкономических факторов в этом процессе.

«Очерки» вызывают желание дискутировать с автором, развивать исследование поставленных им вопросов. Это и рассуждения, касающиеся нашего прошлого, и положение о конвергенции различных теорий и различных научных дисциплин. Это и вопрос о способах совершенствования институтов частной собственности, конкуренции, демократии, и вопрос о содержании свободы человека как субъекта экономики и общества, ее степени и пределов.

Свою книгу П.В. Савченко посвятил своим друзьям – профессорам Евгению Семеновичу Городецкому и Анатолию Ивановичу Юдкину – нашим общим коллегам по кафедре политической экономии экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, замечательным людям, талантливым ученым, фронтовикам, которых уже давно нет с нами. Безусловно, они бы поддержали научные разработки автора, а их критические замечания явились бы стимулом для дальнейшего осмысления таких непростых проблем, которым посвящена эта книга.

НА КНИЖНУЮ ПОЛКУ

О КЛЮЧЕВЫХ ОСНОВАХ ИЗВЕЧНОГО В РОССИИ «АГРАРНОГО ВОПРОСА»

Буздалов И.Н.

Аграрные отношения и аграрная политика в современной России.

Екатеринбург: Уральское издательство, 2016.

Длительный творческий путь академика РАН И.Н. Буздалова, отраженный в ряде крупных монографических исследований, книг и брошюр, многочисленных статьях в профильных научных журналах, начиная с его первой аспирантской «прорыночной» статьи в журнале «Вопросы экономики» в 1961 г. по денежной оценке земли в СССР, опубликованной «в порядке постановки», неизменно вызывали интерес научной общественности. Глубина обоснований по различным аспектам аграрного вопроса (интенсификация и экономическая эффективность сельскохозяйственного производства, кооперация, рыночные отношения, экономический механизм АПК и т.д.), приращение знаний в этих областях являлись следствием, во-первых, основательной научной подготовки автора под руководством выдающегося политэконома-аграрника В.Г. Венжера и последующей совместной работой с ним в Институте экономики АН СССР и, во-вторых, предметное знание непосредственной сельскохозяйственной практики, прямое трудовое участие в ней с ранних лет.

В полной мере высокопрофессиональный научный потенциал И.Н. Буз-

далова воплощен в рецензируемой монографии, несомненно являющейся шагом вперед в повышении теоретико-методологического уровня проводимых в стране аграрных экономических исследований. Акцент на их политэкономических обоснованиях в современных условиях принципиально важен при отмечаемом в книге отставании в этой области, преодоление которого актуально в связи с организационным включением экономического направления и Россельхозакадемии в общую структуру «большой» Российской академии наук.

В рамках системного подхода к разработке темы в органичном единстве и взаимосвязи рассматриваются концептуальные основы аграрного вопроса с выделением первичности, объективной обусловленности, закономерных тенденций и движущих сил развития аграрных отношений, предопределяющих *вторичность*, адекватные методы и механизмы аграрной политики. Из этого фундаментального положения вытекают прогрессивные изменения во всем процессе сельского развития. И наоборот, во введении к книге подчеркивается, что «волевые непрофессиональные политические целеустановки вносят в систему аграрных отношений элементы дезорганизации и хаоса с негативными последствиями в экономике и социальной сфере сельского хозяйства. Многовековая российская история нарушения объективных закономерностей развития этих отношений неадекватными политическими решениями, порождаящая перманентный системный аграрный кризис, отста-

лость сельского хозяйства, является наглядным подтверждением указанных последствий» (с. 5).

К сожалению, эти последствия и их причины продолжают болезненно проявляться в важнейших сторонах аграрных отношений и во всей системе социально-экономического развития современного российского сельского хозяйства. В контексте версии «особого российского пути» это наглядно раскрывается большим аналитическим материалом монографии, изложенном в рамках логически последовательной структуры работы. С позиции принятого общего теоретико-методологического подхода в исходном пункте исследования (гл.1) рассматриваются объективные закономерности формирования эффективной системы аграрных отношений, излагается теория вопроса, выделяются базовые подсистемы этих отношений, анализируемые в книге как важнейшие стороны «всей системы социально-экономических отношений, их изначальная фундаментальная основа» (с. 10). При этом *«главной активной движущей силой в становлении и развитии аграрных отношений, следовательно, теоретических представлениях о них, выступает непосредственный сельский производитель с его общечеловеческими ценностями, интересами, но с особым характером трудовых и духовных начал, самосознания, всего образа жизни»* (с. 10–11). Соответственно, в базовых подсистемах аграрных отношений, их структурных элементах в первую очередь выделяются «формы хозяйства и движущие силы жизнедеятельности крестьян и крестьянских сообществ», а также «отношения собственности, прежде всего земельной, внешние отношения крестьянства с субъектами агропродовольственной системы и государством... с его правовыми и экономическими регулирующими функциями» (с. 16–17), включая функции осуществления аграрного протекционизма (с. 22–25).

В рамках такого подхода к теоретическим и прикладным аспектам системы аграрных отношений во второй главе проведен предметный анализ крестьянства как субъекта этих отношений, с критической оценкой порочности «обоснований» второсортности, унижения социального статуса крестьянского сословия. В общем плане оценка давалась в специальных публикациях автора по крестьянской тематике, в частности, в статье «Тернистый путь раскрепощения крестьянства» (Экономическая наука современной России. 2011. № 2). В рецензируемом издании, исходя из положения: «крестьянство – корневая система нации», приводятся всесторонне обоснованные доводы по меньшей мере о его равноправном социальном статусе и определяющем базовом элементе системы аграрных отношений, а обоснования второсортности этого статуса – «вопиющей социальной несправедливостью, плодом заблуждения, отражением нежелания или неспособности оценить место и особую роль крестьянства в истории человечества» (с. 27). Между тем это место и роль объективно предполагает стратегическую цель, основную задачу аграрной политики – «создание государством, занятым сельским хозяйством, всех необходимых экономических, технико-технологических и социальных условий высокопроизводительного труда» (с. 85). Приведенные в книге аналитические разработки по социальным обязательствам государства перед крестьянством, по осуществлению принципов аграрного протекционизма, размерам государственной поддержки отрасли в расчете на единицу земельной площади, на занятого в производстве, по уровню жизни и условиям труда на селе наглядно показывают, что проводимая аграрная политика в современной России явно не отвечает указанной цели и задачам.

То же самое наблюдается в политике государства в области земельных отношений. Декларированное право

частной собственности на землю бывших работников колхозов и совхозов экономически далеко не реализовано. Отсюда массовые злоупотребления в отношениях между владельцами земельных долей на бумаге и сельскохозяйственными организациями, земельными олигархами, администрациями исполнительных органов в районах и регионах... Вместо беспристрастного закона земельными делами заправляет новое бюрократическое, во многом коррумпированное чиновничество... Искусственные концептуальные и правовые нагромождения в системе земельных отношений – одна из главных причин фактически перманентного аграрного кризиса» (с. 43–44). Предметно анализируется в книге принципиально важный в теоретическом и прикладном планах вопрос о размерах землевладения, о преимуществах крупного и мелкого производства, устойчивости в зависимости от указанных размеров и организационно-правовых форм, дается достаточно аргументированная трактовка сущности и функций приусадебного землевладения (приусадебных семейных хозяйств (ПСХ) «по привычке», как считает автор, или «окошенности» представлений, – огульно и неправомерно называемых личными подсобными).

В этой связи в работе выделен специальный параграф о ПСХ как феномене в структуре аграрного сектора советского и современного периодов (с. 159–168) и субъекте социальной базы кооперации с критической оценкой «устоявшихся» взглядов на теоретико-методологический и прикладной аспекты совокупности этих взаимосвязанных аспектов «аграрного вопроса». При этом кооперативные отношения в сельском хозяйстве анализируются не только сквозь призму общей системы аграрных отношений, но и в более широком политэкономическом плане с акцентом на углублении разработки теории вопроса, на правовых и органи-

зационно-экономических аспектах возрождения сельскохозяйственной кооперации в России, как условия повышения устойчивости и эффективности всего процесса сельского развития. Как и по другим вопросам аграрных отношений, анализ в этой области характеризуется научной новизной, хотя не во всех случаях является бесспорным, требующим дальнейших исследований и дополнительного подтверждения практическим опытом.

Основанное на системном подходе подкрепление теоретико-методологических обоснований обстоятельными аналитическими разработками, достижениями стран с высокоразвитым сельским хозяйством, обусловленными проведением аграрной политики в соответствии с объективными закономерностями развития аграрных отношений, приводит автора к логическому обобщающему выводу: «России нужна новая модель этой политики» с ее первоочередной задачей обеспечения приоритета сельского развития. На словах и в декларациях власти признают эту приоритетность. На деле, наоборот, продолжает действовать пресловутая «перекачка», размеры которой многократно превышают выделяемые суммы государственной поддержки сельского хозяйства. В развитых странах и в Китае они на порядок выше российских показателей. В результате воспроизводятся все признаки системного аграрного кризиса, социального неблагополучия в деревне, что прежде всего выражается в уровне жизни сельских жителей, в отсталой социальной и инженерной инфраструктуре, сельском бездорожье, уровне и качестве жизни села.

На этом фоне крайне неубедительно звучат заверения властей об успехах в развитии сельского хозяйства, подкрепленные ссылками, в основном на производство зерна, объемы его экспорта. Во-первых, на деле имеет место весьма скромный общий количественный рост, а не развитие,

предполагающее системные качественные преобразования, действительную модернизацию производства и социальной сферы села, широкое применение инновационной стратегии. Во-вторых, рост валового сбора зерновых культур и экспорта зерна, как отмечается в книге (с. 22–23 и др.), достигнут за счет зернового «флюса» в структуре посевных площадей и общих структурных деформаций в сельском развитии, истощения почвенного плодородия, крайне кризисной ситуации в животноводстве, при засилии импорта его продукции, особенно мясо-молочной, фактической неплатежеспособности большинства сельскохозяйственных организаций, их беспрецедентной кредиторской задолженности.

В заключительном разделе монографии, не повторяюсь по поводу основного признака неблагополучия в сельском развитии – сохраняющегося униженного социального статуса крестьянства, его ущемленного положения в уровне и качестве жизни, условиях труда, автор отмечает, что и «в самом производстве преобладает не развитие, а весьма скромный (на фоне запретельных структурных деформаций) экономический рост. Соотношение плюсов и минусов с огромным перевесом склоняются в сторону последних. Устойчивость сельского развития не повышается, социальный климат в деревне не улучшается, а в том и другом наблюдаются негативные тенденции». Отсюда основной акцент дела-

ется прежде всего на показе «причин сохраняющегося системного аграрного кризиса и обосновании путей его преодоления в рамках перехода к новой аграрной политике, иначе неизбежно сползание в опасный социально-экономический тупик со всеми его губительными последствиями не только для будущего сельского хозяйства» (с. 169–170). Такой переход, – завершает свой анализ автор, – требует «необходимой политической воли, заметных проявлений которой пока не наблюдается» (с. 177).

Отдельные положения даются в общей постановке, нуждаются в дальнейшем более широко обсуждении и углублении разработки. Но в целом содержание книги вносит несомненный вклад в повышение теоретико-методологического уровня современных аграрно-экономических исследований и, как справедливо отмечается в аннотации к изданию, она «будет полезна занятым в институтах государства, определяющих и регулирующих общий стратегический курс развития страны и ее агропродовольственной системы, а также широкому кругу читателей, интересующихся современным положением в деревне и перспективами сохранения российского села и крестьянства».

*А.И.Алтухов
зав. отделом ФГБНУ ВНИИ
экономики сельского хозяйства,
академик РАН*

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СИНЕРГЕТИКА КАК НОВАЯ ПАРАДИГМА СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.

Стратегия экономического развития
России: теоретический аспект.
М.: Ленанд, 2016.

В современных условиях все громче раздаются голоса о необходимости новой модели экономики для России. Некоторые исследователи ставят проблему шире, отмечая новые мировые явления в процессах экономического роста.

Ректор Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ В. Мау говорит в своем интервью «Российской газете»: «Не только Россия, но и развитые страны нащупывают новую модель экономики, и прекращение спада уже не означает автоматического перехода к росту, как это было последние 200 лет... Раньше после прекращения спада тут же следовал рост... Возможно, мир входит в модель очень низких или стагнирующих темпов роста»¹.

Снижение глобального экономического роста констатировали лидеры стран АТЭС на состоявшемся в ноябре 2016 г. саммите в Перу².

Раздумья об экономическом росте заставляют искать пути развития России в мировом сообществе. Даже значение выборов президента в США рассматривается в контексте их подчинения задачам роста экономики. Отмечая наши проблемы (высокие налоги и процент, рост административного бремени, финансовое замора-

живание, низкую норму инвестиций, огосударствление), Я. Миркин говорит, что это верный путь к экономическому поражению России в конкуренции с США и другими растущими странами. В заключение статьи автор ставит вопросы, которые помогают одновременно сформулировать и стоящие перед Россией цели: «Как нам расти? Как это делать быстрее? Как опережать других? Как наращивать качество жизни? И когда вместо еле движущейся экономики мы получим легкое, динамичное хозяйство самодвижущихся людей?»³

Философское осмысление современного этапа развития цивилизации, представленное в статье Р. Михайлова⁴, позволяет обосновать положение о том, что современный модерн (постмодерн) как направление развития цивилизации и гуманитарных наук изжил себя. Автор пишет о консерватизме, который приходит на смену постмодерну.

В контексте поиска новых подходов к теории развития очень актуальной представляется книга ученых-экономистов Л.П. Евстигнеевой и Р.Н. Евстигнеева «Стратегия экономического развития России: теоретический аспект»⁵, посвященная становлению новой парадигмы – экономической синергетики.

В книге отмечается, что предлагаемая модель еще не функционирует и пока имеет гипотетический характер. Но, исходя из трендов предыдущих эпох и новых теоретических построений, глубокого анализа теорий и концепций, авторы обосновывают становление грядущей экономической парадигмы, «начинающей робко прорастать уже сегодня»⁶.

¹ *Зубков И.* Пенсия как личное дело: интервью с В. Мау // Российская газета. 2016, 26 июля. С. 1, 5.

² *Латухина К.* В будущее без страха // Российская газета. 2016, 22 ноября. С. 2.

³ *Миркин Я.* Доллар любит демократов // Российская газета. 2016, 8 ноября. С. 11.

⁴ *Михайлов Р.* Консервативный марш // Российская газета. 2016, 18 ноября. С. 14.

⁵ *Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н.* Стратегия экономического развития России: теоретический аспект. М.: Ленанд, 2016.

⁶ Там же. С. 6.

Во главу угла авторы ставят новую целостность экономики и общества и отмечают ограниченность неоклассических теорий роста, ориентированных лишь на достижение максимальных темпов роста. Вследствие этого указанные теории начали уступать место более жизнеспособной (глобальной в тенденции), синергетической воспроизводственной модели, в центре которой стоит человек-созидатель.

Методология исследования основывается на рассмотрении развития экономики как системы в виде реально проявившихся, наложенных друг на друга трех стратегических векторов: исторического (линейного), становления (нелинейного) и функционирования (дискретного). Экономика, как синергетическая система, при всей многогранности ее различных аспектов, предполагает целостность:

- сфер общества, включая экономическую, социальную, политическую, культурную, психологическую (ментальную) и другие сферы;
- временных измерений (прошлого, настоящего, будущего, синергетического⁷);
- усложнения объектов и субъектов экономики;
- значимости и способов воздействия (стратегических и тактических, проектных и ситуационных) и других.

Исследование экономики в контексте ее целостности и многогранности дает возможность использования разных, пересекающихся и накладывающихся подходов (углов рассмотрения) и изложения экономической синергетики. Так, во главу угла одной из монографий авторов (2010) положен системный подход к изучению экономики. Монография так и называется: «Экономика как синергетическая система»⁸.

⁷ Там же. С. 160.

⁸ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Экономика как синергетическая система.

В книге «Новые грани ментальности: синергетический подход»⁹ Л.П. Евстигнеева и Р.Н. Евстигнеев исследуют ментальность как новую коллективность, как единство способа производства и способа жизни¹⁰.

Авторы рассматриваемой в данной статье монографии (2016 г.) анализируют возможности использования теории экономической синергетики для определения стратегии дальнейшего развития нашей цивилизации – ее перехода от техногенной цивилизации к гуманитарной. Многогранность и нелинейность экономической синергетики не позволяют остановиться на всех вопросах, рассматриваемых в рецензируемой книге. Поэтому перечислим некоторые из них:

- макроэкономическая структуризация рыночных оборотов на базе финансового капитала;
- двойная экономическая спираль, соединяющая кругооборот финансового капитала и оборот национального дохода;
- этапы превращения экономики в центральное звено культурной эпохи: классика, неоклассика, глобализация, финансовая экономика;
- созидательные рынки (не только в пространстве, но и во времени;

М.: Ленанд, 2010.

⁹ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Новые грани ментальности: синергетический подход. М.: Ленанд, 2011.

¹⁰ Наш отклик на указанные работы читатель может найти в журналах «Вестник БФУ им. И. Канта» и «Вестник Института экономики Российской академии наук», см.: Шеховцева Л.С. О новом направлении в экономической науке (О книге Л.П. Евстигнеевой, Р.Н. Евстигнеева «Экономика как синергетическая система» // Вестник БФУ им. И. Канта. 2010. № 1. С. 176–178; Шеховцева Л.С. Ментальность в экономической синергетике // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2012. № 1. С. 176–178.

- Большие Кондратьевские циклы и Большие конъюнктурные волны);
- проникновение государства в рынок;
 - деградация конкурентного рынка, перемещение конкурентной борьбы в сферу политическую;
 - квантовая природа рынка – целостности;
 - классификация экономических комплексов, модели экономики;
 - диалектика объективного и субъективного, трактовка рационального и иррационального в развитии общества.

Предлагаемая авторами парадигма экономической синергетики открывает новые грани самого понятия «экономическое развитие», которое, в современном понимании, отражает не только состояние и темпы роста экономики, но и социальные характеристики: качество жизни, рост самоуважения и свободы людей, т. е., по сути, является социально-экономическим понятием¹¹.

В «Докладе о развитии мира», подготовленном Всемирным банком в 1991 г., отмечено, что целью развития является улучшение качества жизни, которое означает увеличение доходов, лучшее образование, питание, здравоохранение, сокращение масштабов нищеты, оздоровление окружающей среды, равенство возможностей, расширение личной свободы и более насыщенную культурную жизнь¹².

Микаэль Р. Тодаро, один из основоположников современной теории экономического развития, рассматривает развитие как многоплановый процесс, ведущий к радикальным изменениям в социальных структурах, поведении людей, общественных институтах, а также к ускорению экономического роста, со-

кращению неравенства и искоренению безработицы. По своей сути развитие представляет собой комплекс изменений, посредством которых ориентированная на удовлетворение основных потребностей и запросов отдельных людей и групп населения социально-экономическая система движется от состояния неудовлетворенности основных потребностей людей к новым, более благоприятным материальным и духовным условиям жизни¹³.

Л.П. Евстигнеева и Р.Н. Евстигнеев на протяжении всей книги всесторонне раскрывают разные аспекты развития, включая самоидентификацию личности, отказ от пассивного потребления идеологии, вырабатываемой элитой, повышение самоорганизации социума и акцент на социальном подходе к экономическому росту (нелинейная динамика) в отличие от традиционного факторного подхода (линейная динамика)¹⁴. Человек оказывается ответственным за бытие, а не только за свое земное существование, что означает свободу целеполагания и ответственность за нее.

Более того, философское осмысление современного процесса развития позволяет авторам использовать понятие коммуникативного пространства как глобального взаимодействия отдельных людей и коллективов при обсуждении деловых идей, установлении контактов, проведении диалогов. Это пространство деятельного общественного массового сознания И. Кант назвал творцом духовного существования человечества¹⁵. Оценка условий его формирования определяется через

¹¹ Шеховцева Л.С. Управляемое развитие региона: стратегическое целеполагание. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005.

¹² Word Development Report. N-Y: Oxford University Press, 1991. P. 4.

¹³ Тодаро М.П. Экономическое развитие: Учебник / Пер. с англ. М.: Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, ЮНИТИ, 1997.

¹⁴ Евстигнеева Л.П., Евстигнеев Р.Н. Стратегия экономического развития России: теоретический аспект. М.: Ленанд, 2016. С. 132.

¹⁵ Там же. С. 84–85.

ментальность, в которой находит отражение единство способа производства и способа жизни, а также многоликость человека.

Человек как субъект способа производства участвует в системе рынков и является эмитентом, инвестором, производителем, потребителем. Как субъект способа жизни человек – это индивид, человек социально-экономический, политический (гражданин), культурный, принадлежащий своей цивилизации. Такой человек включен в динамику мирового рынка как целостности и не может быть инструментом, которым управляет государство. Он также включен в массовое общественное сознание, которое не является надстройкой над производством. Происходит синтез в коммуникативном пространстве общественного и личного взаимодействия.

В нелинейной экономической синергетике методология исследования также является нелинейной, многогранной. Остановимся на методологии, раскрытой авторами в третьей главе книги «От линейного к синергетическому росту». В ней Л.П. Евстигнеева и Р.Н. Евстигнеев выделяют две составляющие методологии: математизацию экономики и гуманитарную научную парадигму.

Математизацию экономики авторы связывают с использованием фрактальной геометрии, квантового экономического роста, с теориями динамики и термодинамики (И. Пригожин, Г. Хакен, Б. Мандельброт, В. Степин). Гуманитарная научная парадигма формируется на основе работ И. Пригожина, Г. Хакена и охватывает экономику как целостность, сложную открытую систему, способную к развитию на принципах эндогенной эволюции и рыночной самоорганизации. Рыночная самоорганизация заключается в том, что национальные рынки как бы вписаны в мировой рынок. Это позволяет, по мнению авторов, сделать вывод о том, что в социальной сфере действуют физические законы, и прежде

всего закон самоподобия, основанный на рыночной самоорганизации¹⁶.

Механизм рыночной самоорганизации, направленный на реализацию закона самоподобия, авторы раскрывают через Большие конъюнктурные волны (БКВ) Н.Д. Кондратьева. Для этого ими проведен глубокий анализ причинно-следственных связей Большого Кондратьевского цикла (БКЦ), в результате которого авторы пришли к выводу, что ни расширенное воспроизводство основного капитала, ни мировой характер циклов не решают проблему истинной причины формирования БКЦ, так же как и концепция БКЦ, рассматривающая его как структурное строение Большой конъюнктурной волны (БКВ)¹⁷.

Авторам удалось развить методологические поиски Кондратьева в области Больших конъюнктурных волн, вызванных глубинными социальными напряжениями и сменяющимися их спадами, связав эти волны с эндогенной эволюцией, стихийным формированием и квантовым уровнем дробности компонентов волн.

Евстигнеевы впервые вводят понятие «квантовый уровень рынка», который может соединить мобильность, подвижность и стихийность волновых колебаний. Это малоизученное на сегодняшний день понятие рассматривается в отдельной главе 6.3. «Квантованный экономический рост». «В новых условиях характер экономического роста претерпевает серьезные изменения: он неизбежно приобретает черты квантованности. Его ведущей фигурой становится понятие «потенциал». Теперь это более сложный феномен, чем был определен Кейнсом для ключевой позиции рынка труда. В общем смысле потенциал представляет собой социальную энергию в совокупности ее потенциальной и кинетической форм»¹⁸.

¹⁶ Там же. С. 95–96.

¹⁷ Там же. С. 38–39.

¹⁸ Там же. С. 194.

Выполненное исследование усложнения рынка как исторического процесса позволяет говорить о преодолении одномерности экономического пространства. Оно раскрывается в четырех эпохах: одномерной классике, двухмерной неоклассике, трехмерной глобализации и четырехмерной синергетике. Российская экономика с трудом, по мнению авторов, приспособляется к глобализации. Появление разных трендов (трехмерного, одномерного), усложнение рынка-сети свидетельствуют об отсутствии деградации. Активная фаза ускоренного развития России через концентрацию ресурсов национальной экономики делает возможной активизацию рынка капитала как рыночной целостности¹⁹.

Важной отправной точкой анализа ключевой базы формирования стратегии синергетического развития – финансового капитала – авторы убедительно считают основной капитал и реиндустриализацию экономики. Новая индустриализация требует другой институциональной структуры. Евстигнеевы отмечают, что это вопросы не просто бюджетной и денежной политики, а создания новых «игроков». К ним относятся системы «инвестиционных банков во главе с банком долговременных стратегических инвестиций; финансовых рынков во главе со стратегическим открытым финансовым рынком, в котором принимает участие и государство... как один из субъектов финансового капитала; замены традиционных кооперативных связей новым типом рыночного самоуправления, построенного на принципах системного интегратора»²⁰.

Стратегия реиндустриализации (по Евстигнеевым) вырастает не из денежной, а из финансовой политики, причем государство участвует в будущем рынке как крупный собственник – субъект финансового капитала.

Авторы предлагают интересный сопоставительный анализ моделей экономики США и России на основе выделенных основных комплексов реального сектора рынка: сырьевых и топливно-энергетических отраслей (а), инвестиционного (б) и потребительского (в). Американская модель имеет структуру (аБВ), или дефляционный тип экономического роста. Россия привязана к структуре (Абв), или к инфляционному типу экономического роста. В результате США с трудом преодолевают избыток инвестиционных ресурсов вследствие резкого падения процентной ставки. Россия борется с высокой процентной ставкой и инвестиционным дефицитом. В этих условиях существует угроза возрастания капиталоемкости продукта, которая разрешима на основе экономической синергетики²¹.

В заключение следует отметить трудность перенесения многогранного знания экономической синергетики на плоскость печатной страницы. Поэтому в изложении теоретических положений авторы применяют в начале книги понятия, которые раскрываются в последующем тексте. Они объясняют этот прием как рассуждение методом от противного. Отсюда появление, например, термина финансовый капитал с самого начала размышлений²².

Предлагаемая парадигма имеет оптимистический характер. Несмотря на существующие угрозы, Россия осознает, как нам представляется, свою историческую стратегическую миссию как сберегающую не только российский народ, но и другие народы мира.

Л.С. Шеховцева

*доктор экономических наук,
профессор Балтийского федерального
университета им. И. Канта*

¹⁹ Там же. С. 203.

²⁰ Там же. С. 142.

²¹ Там же. С. 23.

²² Там же. С. 165.